

История

Р.Ю. ВИПТЕР

древнего мира

А.А. ВАСИЛЬЕВ

средних веков

Внимание! Все материалы на данном сайте взяты из открытых источников в интернете и предназначены исключительно для ознакомления и только на локальном компьютере.

Администрация сайта не несёт ответственности за материалы, размещённые на этом ресурсе.

Если вы считаете, что какой-либо из материалов нарушает ваши права, свяжитесь с администрацией сайта. Скачав любой файл, вы берёте на себя полную ответственность за его дальнейшее использование и распространение. Начиная загрузку, вы подтверждаете своё согласие с данными утверждениями.

Р.Ю. ВИППЕР
История древнего мира

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
"РЕСПУБЛИКА"
1993

ББК 63.3(0)
В51

Виппер Р. Ю.

В 51 История древнего мира/Р. Ю. Виппер. История средних веков/А. А. Васильев. – М.: Республика, 1993.– 511 с.: ил.

ISBN 5–250–02230–8

Предлагаемые книги русских ученых неоднократно издавались в России до 1917 года и

пользовались широкой популярностью не только как учебники для российских гимназий, но и как увлекательное чтение по истории зарубежных стран. В них рассказывается о зарождении, расцвете и упадке очагов мировой цивилизации – Древнего Востока, античных Греции и Рима, периоде средневековья, когда закладывались современные нации и на международной арене впервые выступили многие народы, о жизни таких ярких личностей, как Перикл, Александр Македонский, Цезарь, Клеопатра, Юстиниан, Карл Великий, Фридрих Барбаросса, Ричард Львиное Сердце, трагических судьбах многих из них, о подвиге Жанны д'Арк, легендарном Вильгельме Телле, о восстаниях рабов и крестьян, опустошительных нашествиях "варваров", походах норманнов и крестоносцев, о возникновении христианства и утверждении католицизма и православия, рыцарских турнирах, культуре, быте и нравах тех времен.

Адресована не только учащимся и учителям, но и самым широким кругам читателей.

В $\frac{0503010000-106}{079(02)-93}$ 25–94

ББК 63.3(0)

ISBN 5–250–02230–8

© Издательство "Республика", 1993

ОТ РЕДАКЦИИ

Переиздавая гимназические учебники истории древнего мира и средних веков, редакция рассчитывает, что они привлекут внимание не только преподавателей и школьников, но и тех, кто хочет расширить свои исторические познания, осмыслить прошлое, уроки потрясавших мир драматических катаклизмов. Ныне, когда так возрос интерес к истории, а учебной литературы крайне мало, полезно познакомить читателя с теми учебными пособиями, которые пользовались популярностью в начале столетия и выдержали не одно издание. Конечно, за прошедшее время историческая наука обогатилась рядом новых исследований и не со всеми авторскими суждениями можно согласиться, но оба учебника привлекают внимание богатым фактическим материалом, умением сконцентрировать внимание читателя на главном, на характеристике интереснейших исторических деятелей, сложных и противоречивых событий минувших эпох, литературным мастерством.

Учебник истории древнего мира профессора (впоследствии академика) Роберта Юрьевича Виппера (1859–1954 гг.), ученика известных историков С. М. Соловьева и П. Г. Виноградова, завершается разделом о "варварских" королевствах, что привело к некоторым повторениям с учебником истории средних веков профессора А. А. Васильева (1867–1953 гг.). Но это позволяет лучше понять причины падения рабовладельческой Римской империи и переход к феодализму: в учебнике Виппера акцент сделан на процессах, происходивших внутри империи, а в учебнике Васильева – в недрах "варварских обществ". Надо сказать, что периодизация истории средних веков у А. А. Васильева не совпадает с современной: средние века он заканчивает концом XV века (падение Константинополя, открытие Америки, формирование централизованных государств в Европе). Таким образом, не охватывается период Позднего Средневековья (XVI – первая половина XVII века). Это время относили тогда уже к Новой истории.

Текст учебника Р. Ю. Виппера печатается по изданию 1913 г., учебника А. А. Васильева – по изданию 1914 г. Исправлены лишь явные опечатки.

Кроме немногих иллюстраций, воспроизведенных по указанным изданиям, в книге помещены иллюстрации, подобранные редакцией. Она также снабдила книгу хронологической таблицей по истории древнего мира и выдержками из исторических источников: законодательных актов, фрагментов сочинений греческих и римских историков, средневековых хроник и т. д.

Подстрочные примечания к авторскому тексту, касающиеся отдельных неточностей, написания географических названий, имен, дат и т. п., даны редакцией.

Р.Ю. ВИППЕР
История
древнего мира

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Первый курс древней истории в средней школе в его современной постановке занимает особое, весьма трудное положение. Он должен ввести в науку, т. е. познакомить учащегося с общими понятиями, историческими и социологическими, объяснить ему элементы исторической жизни. Между тем эту работу приходится исполнять на материале, который включает в себе своеобразные, большею частью чуждые нам явления общественной и культурной жизни. Новую трудность вносит еще необходимость приспособиться к тому возрасту, в котором обыкновенно проходит этот отдел истории.

Составитель думает, что прежде всего желательно высвободить ранний курс истории от каких-либо посторонних ему самому задач. Надо заранее отказаться от мысли, что первый курс должен заложить в голову учащегося какой-то предварительный общий остов истории, который после заполнится плотью и кровью. Надо отдать побольше внимания содержанию курса и рассматривать его как вполне законченный и самостоятельный круг знания. Отсюда вытекает необходимость устранить из него все, что составляет внешнее загромождение, все слишком дробные рамки

преимущества явлений, все обилие имен, цифр, событий, под которыми кроется мало реального содержания и которые вводятся только для того, чтобы закрепить в памяти подробную схему, внушить побольше опор для какой-то будущей картины. Ведь никто не будет спорить, что исторический материал в школе важен лишь в той мере, в какой он производит впечатление и дает основу для мысли, для сравнений и заключений. Надо постараться поэтому, чтобы изложение – все равно, письменное или устное – было выпукло, представляло простую и ясную систему, наиболее естественный порядок последовательности. Пусть ассоциации, внушенные преподавателем или книгой, заменят всякую необходимость повторений, новых систематических размещений и т. п. При отчетливом и последовательном распределении многое само собою запомнится. Что не запоминается, то, очевидно, не производит впечатления; но какая цена, если на пустом месте будет красоваться значок в виде даты, имени и пр.?

Для того чтобы достигнуть в учебнике указанной цели, мало одного отрицательного приема, т. е. устранения лишних данных, промежуточных ступеней и событий, способных давить память и придавать всему излагаемому процессу однообразный отпечаток. Необходимо также, по мнению составителя, выделить в изложении несколько крупнейших моментов, а ради этого раздвинуть картины и характеристики вширь, т. е. притянуть по возможности к немногим группам событий разнообразные явления. Такими группами в учебнике составитель старался сделать, помимо характеристики ранней культуры, общие изображения египетской и вавилонской жизни, гомеровского общества, Афин V в., Рима в начале больших завоеваний и в эпоху империи.

Но особенно важен выбор основных тем, которые могут быть поставлены в центр характеристик. Спрашивается, доступно ли в школе то, что мы изучаем в науке в качестве основных элементов исторической жизни, т. е. возможно ли ознакомить учащихся с главными типами общественных форм и главными моментами общественного развития? Составитель думает, что эта задача вполне достижима. Но необходимым условием ее выполнения должно быть возможно более конкретное описание явлений.

Отсюда вытекают в свою очередь ясные требования для формы изложения учебника. Необходимо устранить в нем все те определения, факты и оттенки, которые могут затруднять своею отвлеченностью или тяготить сухой схематичностью. К числу самых трудных вещей в историческом курсе принадлежат, без сомнения, изображения политических эволюции, детали законодательств и терминология политических форм. Обычное перечисление учреждений, причем они еще обозначаются неупотребительными у нас древними названиями (гегемония, булэ и пр.), не вызывает никаких представлений и, следовательно, едва ли прибавляет какое-либо знание. По-видимому, лучше постараться собрать такие данные, которые могут составить простую реальную картину. Вместо определения, формулы лучше поставить конкретное описание политической практики, схваченной на каком-либо учреждении, типичном для эпохи и места.

Конкретность и обстоятельность описаний поможет не только лучшему закреплению того или другого исторического момента в памяти и воображении. Составителю кажется, что только так подробные характеристики групп дадут учащемуся возможность делать заключения и выяснять себе связь фактов; он должен сам иметь в руках все элементы, нужные для суждения о той или другой затронутой теме. Если же вместо реальных данных стоит формула, она все равно не соединяет ничего в уме, ее можно усвоить только внешним образом, как новый отвлеченный факт.

Все той же цели конкретности должны, по мнению составителя, служить рисунки, поясняющие и дополняющие текст. Конечно, здесь неизбежно известное ограничение, чтобы не превращать книги в атлас; иллюстрации могут быть только толчками или привязками к дальнейшему ознакомлению с художественно-реальной стороной исторической жизни.

При выполнении указанных условий учебник должен был отклониться неизбежно от наиболее обычной формы конспекта и приблизиться к форме хотя бы краткой книги для чтения. Едва ли нужно поэтому прибавлять, что составитель и не думал предназначать все содержание своего учебника для заучивания или подробного пересказа. Известные его отделы, конечно, достаточно дать прочитать и ограничиться общим отчетом о них. Но это дело уже преподавателя: как лучше

распределить текст, что дополнить, на чем остановиться, о чем побеседовать, какой материал предоставить на долю некоторого размышления и т. п.

Составитель не считает нужным подробно объяснять программу учебника, надеясь, что главные линии изложения выступят сами собою при чтении или изучении книги. Курс древней истории дает возможность подвигаться по естественным географическим районам и рассматривать общественно-исторические явления в определенной обстановке физических условий. С другой стороны, этот порядок более или менее отвечает и задаче эволюционного изображения. Сначала – старинная Европа и вместе с тем наиболее ранний общественный тип. Затем – две большие культуры речных равнин Северной Африки и Передней Азии в виде географического и общественно-культурного контраста первой группе, но в то же время и в качестве следующей высшей ступени. Далее (при посредстве характеристики финикиян) – переход к району и культуре Средиземного моря. Следующая затем характеристика – старинной Греции – примыкает опять к изображению первого процесса, но служит для дальнейшего выяснения совершенно нового высшего типа: во-первых, городской общины; во-вторых, крайне подвижной и разносторонней культурной среды. Характеристика Рима – в пределах нового западного района – лишь немного возвращает назад в смысле эволюционного порядка изложения. Центр тяжести этого отдела лежит в изображении большого сложного общественно-политического союза, который потом объединяет весь Средиземноморский мир и подводит итоги всего предшествующего развития в его кругу. Следующий момент – разрушение этого огромного союза и движение культуры назад отчасти под давлением новых сил, которые, в свою очередь, впервые вступают на путь культурного развития. Составитель считал необходимым присоединить изображение этого процесса на всем его протяжении к курсу древней истории. Отсюда – состав двух заключительных глав учебника, из которых последняя содержит в себе материал, обыкновенно относимый к курсу Средних веков.

Еще одно частное замечание. Хронология, введенная в учебник, как это легко можно заметить, почти вся приблизительная; ее значение исключительно в том, чтобы помочь учащемуся установить последовательность эпох, облегчить ему распланировку материала. Ни в каком случае она не должна оказаться новой тягостью в виде объекта для заучивания. Хронологическая память составляет редкую специальную способность; в отношении же огромного большинства учащихся внушение хронологии – занятие совершенно бесплодное. Притом если мы считаем важным усвоение крупных и общих исторических моментов, исторических полос и общественно-культурных типов, то все эти точные и дробные даты утрачивают значение; важно только основное размещение, только главная очередь явлений. В этом смысле в учебнике только одна основная хронологическая дата: это – порядок его изложения.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ВОСЬМОМУ ИЗДАНИЮ

Составитель считал возможным внести в новое издание несколько добавлений, преимущественно по истории позднего Востока и городской Греции. Расширен отдел греческой мифологии. Введена более подробная характеристика персидской державы и обстоятельнее изложен ход греко-персидских войн. Это было сделано во внимание к замечаниям преподавателей, затруднявшихся согласовать данные учебника с требованиями официальной программы. С той же целью, рядом с приблизительной хронологией, поставленной в заголовках, введена другая, точная и дробная для отдельных событий или для определения жизни исторических деятелей. По мысли составителя, хронологические даты последнего рода не подлежат заучиванию: они пригодны для справок, а также для мысленного размещения материала внутри тех больших рамок, которые намечены в заголовках.

На некоторых особенностях своего плана составитель считает нужным остановиться.

1. Персидская держава отнесена не в главу о Востоке, а помещена в связи с одновременными событиями в Греции. Оправдывается это, во-первых, соображениями хронологическими: где только возможно, желательно не разъединять одновременные явления, а трактовать их параллельно. Другое основание, более важное, состоит в том, что на всем своем протяжении история персидского государства тесно сплетается с историей независимой Греции. Почти все внешние факты истории

персов, о которых приходится говорить в учебнике, вместе с тем суть и факты греческой истории; зачем же отделять описательную характеристику персов от повествовательной?

2. Составитель не ввел в учебник судеб Греции и Македонии от Александра до завоевания их римлянами: история этого времени представляет слишком специальный интерес, чтобы быть пригодной для курса III и IV классов и не оказаться простым загромождением памяти. Составитель сомневается, чтобы фактически этот отдел проходил когда-либо в соответствующих классах.

3. По-прежнему в учебник не введена история царского периода Рима, а также детали борьбы патрициев с плебеями, вроде закона Канулея и т. п. После того критического анализа, которому наука подвергла традицию о римской старине, невозможно изображать "государственное и общественное устройство Рима в период царей" или "законодательство Сервия Туллия". В самом деле, неужели полезно сообщать учащимся ряд данных для того только, чтобы, непосредственно после этого или некоторое время спустя, они узнали, что такие-то рассказы лишены достоверности?

I. СТАРИННАЯ ЕВРОПА

Изучение старины. *Историей* мы называем науку о судьбах рода человеческого на земле. Науке этой легко собрать множество сведений о временах, ближайших к нашему. В обществе образованном заботятся о том, чтобы осталась память о прожитом, ведут записи о событиях и человеческих порядках. Но чем дальше назад в прошлые века, тем меньше встретим мы такой заботы, тем меньше записей.

За 3000 лет до нашей поры, т. е. за 1000 лет до Р. Х.*, в Европе никто не составлял никаких заметок о событиях или образе жизни своих современников. Если мы хотим узнать что-нибудь об этом времени и о веках еще более старинных, нам нужно рыться в земле, поднимать засыпанные сверху слои ее, на которых жили люди несколько тысяч лет назад. Тогда перед нами открываются остатки жилищ и могил, орудий и оружия, утвари, платья, украшений, игрушек старинных людей, наконец останки их самих и тех животных и растений, которые служили им. По этим следам жизни можно представить себе, какова была природа, окружавшая человека, какое он вел хозяйство, как одевался, как работал и развлекал себя.

* Рождество Христово, или наша эра (новая эра), – современная система летосчисления, принятая в большинстве стран мира. За начальный момент отсчета принята дата рождения Иисуса Христа, вычисленная в 525 г. нашей эры (н. э.) римским монахом Дионисием Малым. При этом первый год после Р. Х., – это первый год н. э., а первый год до Р. Х. – это первый год до н. э.

Науку, изучающую эти остатки, мы называем *археологией* (т. е. наукой о старине). Она помогает истории, но не вполне. По остаткам почти вовсе нельзя судить о многих обычаях людей старины: напр., о том, как была устроена у них семья, какие они составляли между собой союзы, как разбирали споры, как и чему молились, как совершали празднества и т. п.

Чтобы составить себе понятие обо всем этом, надо обратиться к помощи другой науки, народоведения (*этнологии*), которая изучает быт современных нам народов разных частей света. Особенно важно узнать устройство и понятия тех из них, которые отстали в своем развитии, находятся в диком или варварском состоянии. Нетрудно заметить, что остатки старины в Европе очень похожи на предметы обихода нынешних дикарей и полудикарей Австралии, Америки, Африки; можно думать, что так же похожи между собою оказались бы понятия, устройство, обычаи тех и других. Можно заключить, что у старинных европейцев были те самые порядки и верования, какие встречаются у краснокожих Америки, у австралийцев и др.

Пещерные люди. Самые старинные поселения отстоят от нашего времени на многие десятки тысяч лет. Сначала в Европе был теплый и влажный климат. О людях этой поры мы почти ничего не знаем: в глубоких слоях земли находят груды заостренных камешков, похожих на орудия, но еще не открыли человеческих останков. Позднее громадные льды надолго закрыли больше половины Европы; остатки ледников до сих пор лежат на высоких гребнях Альп.

Когда лед отступил к северу, в наших странах еще несколько тысячелетий стояли холода. В эту пору в Европе водились крупные звери, которые теперь исчезли или стали очень редки: носорог, мамонт, т. е. слон с густой длинной шерстью и сильно загнутыми клыками, бизон, громадный древний бык, кабан, крупный (так наз. теперь северный) олень, пещерный лев и пещерный медведь.

О дикарях этого времени можно составить себе понятие. В глубоких засыпанных пещерах откапывают их скелеты, груды осколков, служивших им орудиями, отбросы, по которым видно, что они употребляли в пищу. Жизнь этих людей была окружена опасностями; средства их пропитания были очень скудны. Мужчины выходили на охоту, выстерегали зверя, загоняли и убивали дубиной, колом, острой костью или камнем. Они бросались на свежееубитую дичь, вырезывали кости и жадно высасывали из них теплый мозг. Женщины оставались около жилищ, собирали ягоды, дикорастущие плоды и семена, выкапывали из земли коренья. Сами пещеры, где укрывался человек от холода и непогоды, были небезопасны: иногда ему удавалось отбить жилище у зверя, но нередко и сам он должен был уступать место более страшному сопернику. Пещерный человек не знал одежды. От холода он укрывался содранной с животного шкурой; длинные волосы его развевались по ветру. Свое тело он натирал краской или накалывал на нем рисунки. В жизни его не было постоянства: истребивши дичь в соседнем лесу, он вынужден был бросать жилище и искать нового. Часто он подолгу голодал; зато, когда доставалась богатая добыча, он поедал ее с дикой жадностью, забывая сделать запас. Сон его был мутный и тяжелый. Он мало и отрывисто говорил; небесные явления не занимали его. Он не различал добрых и злых поступков, не помышлял о карающем божестве, не задавал себе вопроса, откуда происходит все окружающее, кто правит видимым ему миром. Он умел только шумно радоваться, когда была удача, и тяжело стонать, когда его постигало несчастье.

Одно великое преимущество было у него перед животными. Он знал *огонь* и умел его производить посредством трения сухих сучьев. До сих пор не нашли следов такого дикого быта, в котором люди не были бы знакомы с огнем. Костер, разведенный в середине пещеры, собирал семью после трудной охоты; около него грелись и проводили ночь; на огне приготавливали пищу.

Старый каменный век. Очень плохи и слабы были орудия, которыми располагал человек: они были точно повторением или продолжением его рук и ног, пальцев и кулаков. Он отыскивал острые и крепкие кости животных и рыб, брал себе рога большого оленя и зубы кабана, набирал остроконечные и тонкие обломки кремня.

Постепенно он стал обделывать орудия: ударяя о край камня другим камнем, он отсекал от первого мелкие неправильные кусочки и таким образом заострял конец или ребро кремня. Смотря по величине камня, он получал подобие топора, ножа, скребка. При помощи этих орудий можно было наносить более тяжкие удары на охоте, резать мясо, скоблить шкуру животного, прокалывать кожу его, снимать кору с дерева. Одни и те же вещи были инструментами и оружием для человека. Старинный топор был только клинком без рукоятки: человек схватывал его крепко между пальцами и ладонью и усиливал им удары своей руки вроде кастета.

Прошли еще долгие века. В выделке камня человек достиг большого мастерства. При помощи тонкого лезвия, остря или бурава из камня он мог строгать, заострять и сверлить кости и рога животных. У него был теперь подбор разнообразных орудий. Еще одну удивительную способность выказал человек древнего каменного века. На костях и рогах, которые служили ему орудиями, на скалах и внутренних стенах пещер он чертил каким-нибудь острием рисунки, большей частью изображения животных: мамонта, оленя, бизона, дикой лошади. Эти рисунки очень хороши; они показывают наблюдательность и верный глаз. Вот два оленя угрожающе наставили рога друг на друга; вот бешеный бизон ошетирил шерсть и выгнул свою огромную горбатую спину. Или еще: из кости, из клыка мамонта, из камня вырезана фигура человека, ржущей дикой лошади, присевших к земле оленей. В этих рисунках и фигурах – начало человеческого *искусства*. Оно не служило какой-либо пользе: дикарь забавлялся, развлекал себя, красил чем мог свою скучную жизнь; приметливый и смелый охотник изображал то, что стояло перед его глазами*.

* Ныне ученые считают, что возникновение искусства первобытного человека связано с представлением о том, что, изображая животных и сцены охоты на них, человек обеспечивает себе удачу (охотничья магия). Реалистические красочные изображения животных времен позднего древнего каменного века (палеолита) найдены в пещерах Южной Франции и Северной Испании (наиболее известна пещера Альтамира в провинции Сантандер).

Начало скотоводства и обработки земли. Так прошли тысячелетия. Климат в Европе опять переменялся. Стало несколько теплее и сырее. Исчезли многие породы крупных зверей, мамонт, пещерный медведь, древний большой бык, и размножились животные, свойственные нашему времени. Люди стали жить на открытых местах, в долинах рек, богатых растительностью, на окраинах лесов, на берегу моря. Они не бродили более, разыскивая места, обильные дичью. Они старались сесть прочнее и сделать запасы на голодное время года. С этой целью человек начал загонять зверей и птиц, которые были ему нужны, держать их за изгородями, а иных стал приручать. Первая приручилась собака, которая сама пристала к человеку и сделалась его товарищем на охоте. Позднее приручили овец, коз, свиней. Прирученные животные вначале были мелки и плохи; их большею частью держали лишь для убоя. Таким образом рядом с охотой появилось *скотоводство*.

Двинулось вперед также и старинное женское занятие – добывание растительной пищи. Вместо того чтобы ходить и разыскивать случайно выросшие травы, корни, женщины стали пересаживать и разводить вблизи дома те породы, от которых более всего питались: плодовые деревья, а особенно хлебные злаки, ячмень, просо, пшеницу. Чтобы злаки лучше росли, землю взрыхляли *мотыгой**, т. е. палкой с загнутым назад краем или с крюком на конце; сохи и плуга еще не знали и животных не употребляли для работы. Это еще не было земледелие; вернее назвать такое хозяйство *огородным*. Вначале не умели печь хлеб. Зерно либо поджаривали или размягчали на ручной мельнице, состоявшей из двух камней, одного над другим, и варили эту плохо растертую муку. По-прежнему труд добывания пищи, кухня и обед были разделены: мужчины жарили мясо, женщины отдельно от них готовили вареные овощи и кашу. В то время как в могилу мужчин клали охотничьи клинки, с женщиной хоронили ее мельницу.

* Мотыгой.

Свайные постройки. Совершенно изменилось и жилище человека. Он уже не искал случайного притона в скалах и на деревьях.

Он стал строить *дома* наподобие тех убежищ, какие находил в природе. Или складывал сам из крупных камней пещеру, или выкапывал яму, землянку, и ставил над нею круглую крышу из плотно переплетенных веток и хвороста. Или, наконец, он строил деревянную избу на сваях среди воды озер и болот. Один вид построек показывает, как далеко эти люди ушли от пещерных жителей.

В дно недалеко от берега вбивали сваи; их концы выше воды соединяли поперечными брусками и на них настилали помост из балок; этот неровный пол покрывали глиной, песком и булыжником, а на нем ставили несколько хижин. Свайную деревушку соединяли с берегом лавы или плотника, но так, что их легко было разнять. Человек мог также выехать из своего жилья на однодеревке, т. е. лодке, выдолбленной из обрубка большого ствола. Жилища среди воды служили хорошим убежищем от дикого зверя; другая выгода была в том, что тут же под рукой можно было делать большие уловы рыбы. На берегу озер против свайных деревень лежали леса и пастбища, в которых жители охотились и пасли свой скот, а среди обширных зарослей тянулись узкие полосы их огородов и полей.

Не везде встречаются значительные озера; если, однако же, люди селились в таких местностях, где не было большой воды, они повторяли привычный способ постройки. Так появились свайные деревни на земле: их выстраивали близко к реке, где она могла заливать берег, или на лесных полянках, где вырублены были деревья. Деревню, построенную на земле, огораживали для защиты ровом и валом; вал делали из косо накрест вбитых свай, на которые наваливали землю; изнутри к насыпи приставляли еще длинные бруски, промежутки между ними наполняли глиной и связками хвороста, а сверху делали накат из песка и камня. Выходила четырехугольная крепость, обращенная боками к четырем странам света. Избушки на помостах были небольшие, в полторы или две сажени* ширины, из прямых балок, перевитых сучьями и хворостом и обмазанных сырой глиной. Печей и труб не было; по-прежнему среди жилья зажигали костер; дым от него выходил в отверстие, сделанное наверху или сбоку. Жилище разделялось на две половины; в одной держали скот, в другой жили люди; здесь посредине делалась каменная настилка для костра.

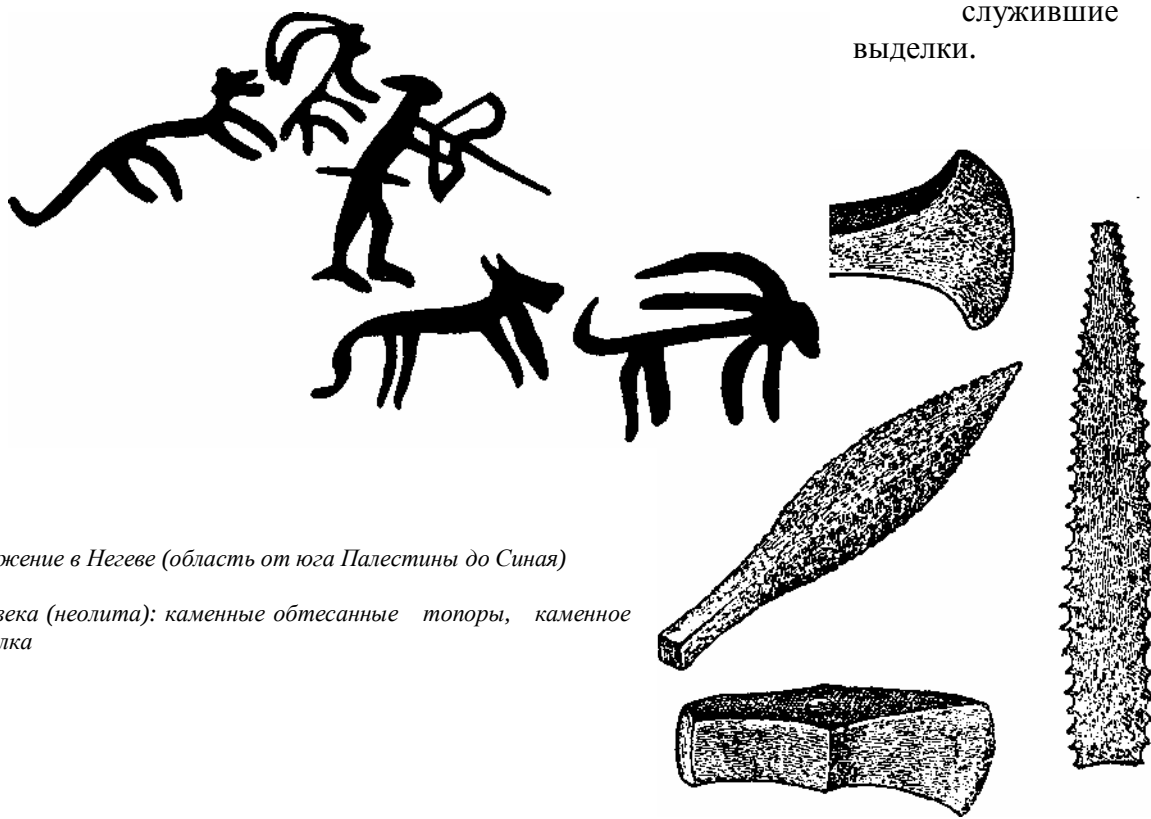
* Сажень – русская мера длины = 2,1336 м.

Сырой и грязной показалась бы нам теперь свайная деревня. Кругом везде стояла вода; всякие остатки, сор бросали просто вниз с помоста. Из всех этих отбросов собирались огромные кучи, которые поднимались до самого полу. Легко могла и сгореть такая тесная хворостяная деревня; тогда на старой куче, смешавшейся с золой, укрепляли опять сваи и выстраивали новую деревню.

Новый каменный век. Но и для того чтобы так устроить жилье, нужно было много умения. Рубка деревьев, обтесывание больших брусков требовали более крепких и крупных орудий. Люди свайных построек с большим искусством обсекали и обтачивали камни; они просверливали каменные топоры, чтобы всадить в них рукоятки из кости, рога, дерева, выдалбливали кругом молотков бороздки, чтобы подвязать к ним ручки животной жилкой или волокнистой травой. Большие клинки были нередко гладко отполированы. Теперь имелись самые разнообразные виды инструментов и оружия: пилки, кинжалы, стрелы, копья, веретена и т. д.

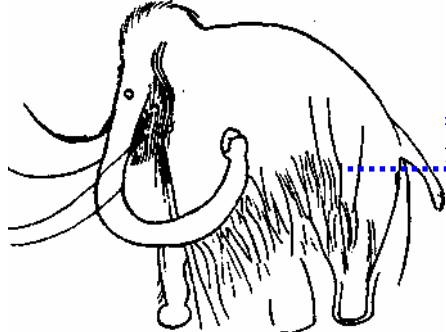
Приготовление орудий и стройка обратились в трудное правильное занятие, в *ремесло*, которое требовало особенной сноровки и силы; этими работами заняты были мужчины. Местами открывают теперь следы мастерских, где работало вместе много каменотесов, токарей и оружейников. Им нужны были большие запасы свежего материала. Лучший кремнь лежит внизу под землей; поэтому для добывания его рыли глубокие колодцы или шахты. Наряду с мужскими ремеслами появились другие – женские. Женщины плели корзины и готовили посуду из глины. Сначала придумали обмазывать вязкой глиной плетущку, чтобы можно было ставить ее на огонь. Потом стали складывать горшки, кувшины, миски и т. д. из одних глиняных комьев или слоев; их высушивали затем на солнце. Гораздо позднее стали вертеть посуду на гончарном колесе и обжигать на огне. Еще на другое ремесло натолкнуло женщин их знакомство с растениями. Они заметили волокнистые стебли льна и конопли, научились добывать пряжу, тянуть нитки и вертеть веревки, наконец готовить ткани. В избе появились прялка и прямой станок, на котором женщины ткали холст.

Люди нового каменного века уже не ходили без одежды. Они одевались в длинную рубашку с рукавами и подпоясывали ее; сверху набрасывали еще плащ; как мужчины, так в особенности женщины украшали шею, руки, ноги, головную прическу ожерельями, браслетами, иглами и кольцами из цветных полированных камешков, зубьев, раковин и т. п. Ремесленники нового каменного века местами готовили так много орудий и посуды, что излишек начали сбывать на сторону. Караваны торговцев потянулись вдоль рек, по горным тропинкам и проходам; изделия несли на плечах, везли на тачках, навьючивали на верблюдов и лошадей, грузили в лодки. *Торговля* заносила товар очень далеко от мастера. В свою очередь издалека привозили красивые породы камней, служившие материалом для выделки.

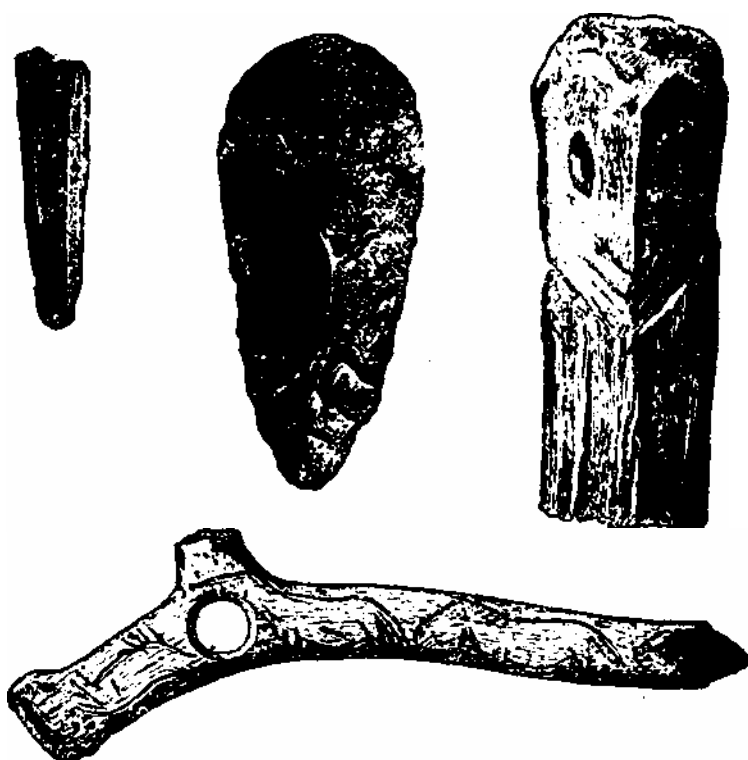

Охота. Наскальное изображение в Негеве (область от юга Палестины до Синая)

Орудия нового каменного века (неолита): каменные обтесанные топоры, каменное острие копья; каменная пила

» в написании диссертаций, дипломных и курсовых работ?
netLib.Ru - Ваш помощник в образовании!

Орудия древнего каменного века (палеолита): скребок, топор; голова человека, вырезанная из оленьего рога; просверленный олений рог с изображением на нем лошадей

Мамонт. Наскальное изображение

Начало земледелия. Бронзовый и железный века. Еще дальше двинулся человек к своей работе. Заметив, что хлеб растет лучше, если глубже вскопать землю, он увеличил мотыку, сделал крепче крюк и удлинил ручку: получился *плуг*. Плуг надо тащить, не останавливаясь, через все поле; вместо короткой грядки получится длинная борозда. Сначала люди сами тащили плуг. Потом стали впрягать спереди сильного вола, а человек стал позади, чтобы направлять плуг по прямой линии и, надавливая на него, углублять борозду. Этот способ работы с сильным орудием и с рабочим животным уже есть наше *земледелие*. Не скоро укротили быка; но раз его одолел человек, на быке стали перевозить тяжести, впрягать животное в телегу. Для той же цели человек захватил и быструю лошадь. Эти работы, примыкавшие к ловле животных и пастушеству, большей частью были не по

силам женщин, которым в старину принадлежала обработка земли; но нередко скотовод считал труд, пригибающий к земле, низким и обидным для вольного человека и посылал на поле слабых женщин, подростков, стариков.

Вместе с земледелием двинулось вперед и скотоводство. Еще новый предмет пищи открыл человек. У дикой телки молока едва хватало на телят; в неволе от улучшенного корма стал получаться излишек молока, который люди брали себе. Память об этом нововведении сохранилась надолго: молоко осталось праздничной пищей, которую делили с божеством, выливая ему часть на землю. Новое применение нашли и мелкому скоту, овцам и козам: с лучших пород начали стричь шерсть и готовить из животного волоса прочные и красивые ткани. Во всем обиходе человека произошла большая перемена, и он сознавал, как много нового богатства принесло приручение животных. Во многих местах поэтому стали чтить быка, или тельца, как божью силу, представляя себе, что божество вселяется в это могучее и благодетельное животное.

То же, что с животными, человеку удалось сделать и с некоторыми дикими растениями: он улучшил их породу, перенесши их из леса или со степи к себе за ограду, выпалывая на грядках сорные травы, прививая ветки хороших кустов к худшим. Из привитых растений самыми важными сделались виноград и оливка.

В больших хозяйствах стали нужны загоны для скота, амбары для хлеба, кладовые для плодов и овощей. Каменные орудия были слишком мелкие и ломкие для новых работ. Нужно было найти очень прочный материал, чтобы готовить из него большие крепкие лезвия для плугов, тяжелые топоры и молоты, большие заступы. Таким материалом оказались *металлы*. Редко металлы попадают в виде самородков; обыкновенно они смешаны в руде с другими породами камней и земли. Нужно большое умение, чтобы различить руду, выплавить металл из смеси и придать ему разные формы; для этого необходимо применять огонь.

Легче всего дается в плавку *медь*. Она и была первым металлом, который стал употреблять человек. Но медь слишком мягка; медное острие или лезвие скоро загибается и тупеет. Поэтому к меди для твердости стали прибавлять олово; эта смесь – *бронза*. Для приготовления бронзовых вещей надо было либо сделать форму из камня и глины и вливать в нее расплавленный металл или бить горячие мягкие полосы молотом и придавать им вид лезвий, гвоздей, остроконечных палочек и т. д.

Позднее люди научились добывать и обделывать железо: орудия стали еще крепче. Возникли большие мастерские металлической выделки: до сих пор в некоторых местах видны следы старинных больших кузниц. Они должны были находиться вблизи тех мест, где добывали руду. Если народ переходил на другое поселение, кузнецы и литейщики оставались на старом месте; им приходилось уже работать на чужих людей. В качестве иноплеменников кузнецы у одних народов были в презрении; другие, напротив, высоко чтили их: считали вещими людьми, так как их тяжелое дело казалось в то же время хитрым и таинственным.

Вместе с изделиями из металла появился особый вид роскоши и богатства. Блестящие гладкие и звонкие желтые, белые и красноватые вещи из металлов очень нравились людям: за ними жадно все тянулись. Лучшим украшением считали браслеты, ожерелья, наручни, кольца, серьги, застежки из бронзы, золота и серебра. Металлическими полосами стали обивать верхи домов и внутренних стен, пороги и косяки дверей. Покойникам клали на лица маски из тонких золотых листов. Кто хотел похвастать, говорил, что у него дома много всякого металла.

Люди разных стран Европы не в одно время поднялись на такую степень богатства и мастерства. Раньше всего перешли к бронзе и железу жители юга, Балканского полуострова, Италии, Сицилии; на тысячу лет позднее жители нынешней Франции, еще на несколько сот лет позднее жители Швеции. Эта разница произошла оттого, что предметы особенно тонкой работы привозились морем с востока, из Египта, Малой Азии, Сирии, где люди раньше добились изобретений и улучшений. Новые предметы, а с ними новые приемы более искусной работы всего раньше водворились на южном краю Европы и лишь медленно проникали в середину материка.

Арфисты. Наскальное изображение в Негеве

Орудия железного века: вилы, топор, сошники

Танец мужчин. Наскальное изображение в Негеве

Союзы людей. Пещерные люди жили вразброд одиночными семьями. Лишь для крупной охоты на время собирались они небольшими отрядами, по несколько десятков человек. Люди нового каменного века жили более крупными обществами и поселками. Скотоводы составляли большие лагеря; когда истощался корм в округе, весь лагерь передвигался вместе. Земледельцы составляли *общину* и разделяли между собой большую поляну, окруженную лесом, или часть речной долины; они строились или сплоченной деревней, кругом которой лежали поля, луга и выгоны, или хуторами, при каждом хуторе свое поле и огород, но с общими выгонами. Скотоводы, суровые и задорные, нередко поднимали ссоры с соседями, делали набеги на них, чтобы отобрать добычу. Земледельцы были мягче нравом и

боялись войны, во время которой растаптывались поля и огороды и погибал труд многих лет. Одним для нападения, другим для защиты нужно было соединяться в союзы. Вступавшие в союзы выбирали *вождем* на время набега или обороны какого-либо человека, известного силой и ловкостью. Его слушались только во время боя; когда потом расходились опять по домам, бывший вождь становился обыкновенным обывателем.

Союзы эти были очень невелики сравнительно с государствами и даже областями нашего времени. Торговля и странствование ремесленников сближали, правда, людей разных местностей; они привыкали объясняться между собой, у них появлялся общий *язык*. Люди одинакового говора и сходных обычаев составляли одно *племя*, сознавали свою близость друг к другу. Но племя большей частью не подчинялось одному приказу. В мирное время каждая деревня вела свою замкнутую жизнь. Если поднимался между соседями спор или один человек наносил другому обиду, поссорившиеся могли рассчитывать только на собственные силы; каждый оборонялся против обидчика или соперника, как мог: собирал своих близких, мстил, старался нанести вред врагу. Но иногда обращались к совету, или суду мирного посредника, какого-нибудь умного старика или человека, которого считали вещим.

Нередко возникали тесные *братства* между людьми одного возраста, особенно молодыми и сильными, от 18 до 30 лет приблизительно. Союз свой они скрепляли каким-нибудь таинственным обрядом: напр., выпускали каждый у себя несколько капель крови и смешивали в одной ямке: после этого они считались братьями. Подраставших юношей старшие товарищи подвергали тяжелым испытаниям: отправляли в одиночку на опасную охоту, привязывали к дереву и осыпали стрелами и т. п. Если среди ударов и града насмешек они выказывали мужество, их признавали достойными вступить в братство. Названные братья большей частью покидали свои семьи и отдельные жилища и жили всем товариществом вместе, в одном большом *мужском доме*. Это была большая палата, служившая общей спальней и трапезной, окруженная навесом и нередко укрепленная; в ней хранилось и оружие. Отдельный член союза во всем должен был подчиняться общему желанию товарищей; часто, напр., он не смел жениться и заводить семью, пока оставался в братстве.

У братства, или дружины, был обыкновенно свой выборный начальник. Иногда способный, предприимчивый атаман привлекал много новых людей в дружину; после удачных набегов у него с товарищами накапливалась большая добыча. Молва о нем проходила по всей стране. Его старались задобрить: отовсюду посылали ему поклоны и подарки. Он мог увлечь за собой целое племя, если, напр., оскучевала пища в округе. Тогда поднималось сильное возбуждение: множество семей с женами и детьми снимались с места, собирали свой скарб на телеги и пускались в путь за могучим вождем: происходило *переселение* народа.

Устройство семьи. Различие в нравах охотников, скотоводов и земледельцев заметно на характере семейной жизни. У охотников мужчины и женщины жили почти врозь, сильно отличаясь в занятиях и во всем обиходе. Мужчина ходил в лес, бродил, разбойничал, пропадал по дням и неделям; в таких семьях женщина может получить силу в доме; она распоряжается судьбой детей, пока они не подрастут и не уйдут сами. Защищать мать мог или младший брат ее, дольше других остававшийся дома, или ее отец, и тогда дети ее привыкали к дяде или деду больше, чем к своему отцу. В таких семьях родство считалось только по матери; напр., брат отца не считался родственником его детей.

Родственники звались общим именем какого-нибудь зверя или птицы: "оленьями", "соколами", "волками". Может быть, при этом они воображали, что происходят от этих животных или получили от них силу. Родственники не могли вступать в брак между собой. Например, мужчина "сокол" не мог жениться на женщине того же имени. Если же мужчина "олень" брал жену из "соколов", то дети их считались "соколами".

Совсем иначе устраивалась семья там, где муж брал в свои руки домовое хозяйство. У скотоводов мужчины прочнее садились около дома, и отец забирал себе большую власть над детьми; их самих и жену, их мать, он считал своей собственностью, своими рабочими; даже взрослых сыновей он продолжал держать при себе в подчинении.

Молодой человек, желавший завести себе дом, похищал жену, увозил ее из чужого селения, отнимал у чужого племени; или чтобы избежать ссоры, жених уговаривался с родными девушки насчет ее цены и покупал жену. Во всяком случае женщина в такой семье была пленницей, рабой: ее заставляли

исполнять самую тяжелую, самую черную работу. Могло случиться, что муж опять ее продавал или он приобретал себе нескольких жен. Женщин ценили невысоко в таких семьях. Когда хозяин богател, т. е. когда у него разрасталось стадо, ему нужно было побольше крепких пастухов и сторожей, значит больше сыновей. В рождающихся девочках видели, напротив, нередко только обузу, и случалось, что их убивали.

В таких семьях родство считалось только по отцу. Отец был тут владыка, господин. Большая семья, служившая под его приказом, могла своей силой равняться целому селению; она могла взять власть над многими мелкими семьями, заставить их работать на себя. Чужие старались получить покровительство ее и быть усыновленными владыкой. Все это соединение родных по крови, принятых в родство и подчиненных, составляло *род*. В нем выделялась главная семья, в которой власть переходила от отца к старшему сыну. Семья эта считалась *знатной*, вызывая к себе страх и почтение.

Старинные верования и обряды. Древнейшие люди хоронили умерших около своих очагов, в пещерах и, вероятно, скоро забывали о них. Могилы нового каменного века занимают особые места отдельно от дома и выложены очень тщательно. Скелет похороненного нередко находится в сидячем положении с пригнутыми к подбородку коленями; кругом положены в порядке различные вещи. Видно, что у хоронивших были определенные представления о жизни за гробом.

Явление смерти всего сильнее поражало людей. Оно наводило их на следующие мысли. Человек, которого постигла смерть, еще недавно двигался, говорил, ел, трудился. Теперь его тело неподвижно лежит и охладело. "Он ушел", говорил себе близкий: осталось только жилище, в котором "он" жил. Но в чертах мертвого сохранилось сходство с живым. Из этого выводили, что ушедший был *двойником* того существа, которое осталось теперь неподвижным телом. При жизни двойник был внутри тела; от него шло теплое дыхание, он был "дух". Поэтому думали, что двойник, или дух, похож на пар и, как пар или ветер, легко улетает.

При наступлении смерти дух или душа совсем уходит из тела. Но дух может также уходить из тела временно. Он блуждает во время сна: сновидение – это то, что он видит в своем скитании, пока тело лежит неподвижно на месте. Дух выходит также, когда человек в ярости, в безумии (мы и теперь еще говорим в таких случаях: "он вне себя").

Дух может уходить от тела, но без тела жить не может. Потеряв свое прежнее тело, он ищет другого. Из человека он может перейти в зверя, птицу. Беда ему, если нет приюта, если он должен долго скитаться. Но беда тогда и близким людям умершего: он будет их мучить, "душить" по ночам, пугать во сне во время бури, выть ветром над домом и т. д.

Поэтому надо или избавиться от него, т. е. запретить ему вход назад в дом, отогнав его шумными криками или хитрым обманом, или надо о нем позаботиться, успокоить его, т. е. дать ему снова жить в прежнем теле. Для этого следует хорошо схоронить тело в земле или под сводами крепких камней. Но там умершему, надо дать все, что требуется человеку в обыкновенной жизни, положить туда орудия, платья, украшения; надо время от времени делиться с душой умершего пищей и питьем, т. е. либо носить их на могилу, выкладывая и выливая там, либо в особые дни отделять часть из домашней еды, выставлять наружу и вспоминать умершего за столом. Умершего кладут в согнутом положении, в каком бывает рождающийся младенец: потому что верят, что он снова родится.

Духи и божества. Если умерший был сильный человек, например владыка большой семьи или вождь, то дух его после смерти получал особый почет. Его боялись теперь еще больше, чем прежде: он мог теперь невидимо перелетать; всякую беду приписывали его гневу. Вера эта до сих пор сохранилась в понятии о беспокойном "домовом", который живет в трубе или под порогом дома.

Думали также, что дух можно привлечь и усадить в высокий каменный столб, поставленный на могиле или на перекрестке. Для могучих духов строили целый каменный дом: они должны жить гораздо дольше, чем живые люди, следовательно, им нужно и очень прочное вечное жилище.

Из громадных камней, придвинутых плотно, стоямя друг к другу, складывали большую комнату, гораздо крупнее жилой избы: одна из каменных комнат, открытая в наше время в Испании, длиною почти 12 сажень, шириною в 3 сажени. Сверху клали крышу из тяжелых камней; к двери вел длинный ход, сложенный из камней поменьше, по которому можно было пробираться только ползком. Такие большие каменные могилы часто засыпаны землей, которая поднимается над ними курганом. Подножие

холма бывает обложено кругом камнями. Встречаются также правильные круги из громадных священных камней и целые поля, уставленные рядами и аллеями каменных столбов и глыб.

Люди верили, что кругом них летает много духов. Эти духи вышли не только из людей. Все живое человек представлял себе похожим на него. Духи живут в животных, особенно в тех, которые кажутся человеку таинственными, например в змеях. Но духи живут также в деревьях, в ручьях, реках и даже в камнях. Эти духи то добры, то злы к человеку, то помогают ему найти что-нибудь, например преследуемую дичь, тропинку в лесу, потерянную вещь; то они мешают ему, например сбивают его с дороги, ломают брошенную в зверя стрелу, тащат человека в омут, когда он тонет, и т. д. Болезнь объясняли тем, что злой или беспокойный дух вселился в человека.

Между духами есть более сильные, *божества*. Милость божества люди старались приобрести каким-нибудь лишением или мучением, например отказом от более вкусной еды и даже полным отречением от пищи на несколько дней или нанесением себе ран. Ему отдавали в *жертву*, т. е. на съедение, самое лучшее, что имели, крепкого быка или только что родившегося теленка. Кровь зарезанного животного, вылитая на землю, отдавалась духу. Думали, что, если дух выпьет теплой крови, т. е. того, в чем он прежде жил, он опять оживет, получит силу, чтобы говорить и открыться живым людям. Когда на людей нападал очень большой страх, они готовы были отдать духу кровь человеческую, убить для него пленника или даже близкого родственника, например отец убивал своего ребенка.

Гадатели. Не всякий умел отгонять духов и выманивать их изнутри человека, чтобы вылечить его. Когда случалась беда, например начинал падать скот или заболел человек, звали ведуна, знахаря: он тряс больного, чтобы вытряхнуть духа, давал ему особое питье, произносил страшные или таинственные слова, которых боится дух или которые, напротив, ему нравятся. Когда стояла засуха, гадателя звали "сделать дождь", приманить дух, живущий в туче.

Если не видно было, где сидит дух, или было непонятно, что ему нужно, знахарь начинал гадать: бросал камешки и палочки и смотрел, как они ложатся; резал животное и глядел на его внутренности, — все это для него были знаки, которые он один умел толковать. Или знахарь сам звал в себя духа: оглушал себя звоном и треском бубна, бешено скакал, вертелся до головокружения, падал изнеможенный и кричал в беспамятстве; его крики считались вещей речью самого духа. Таким способом можно было узнать, какую жертву следует принести, чтобы ублажить духа, можно было узнать имя своего тайного врага или того вора, который увел лошадь, и т. д.

Лекарь-ведун часто и сам бывал больным человеком: иногда это был сумасшедший или страдавший падучей. Но эту болезнь считали за пребывание в нем мудрого духа. Ведуном мог стать также очень умный или даровитый человек: слагатель песен, знаток трав и цветов; его особенный ум окружающие принимали за внушение духа. Вещий человек мог показать путь, вдохновить в битве; он иногда шел предводителем.

Часто гадал сам глава дома, отец: он звал домашнего духа или духа, ближнего по месту. Верили, что у костра, который горит в каждом доме, живет дух-покровитель этого дома. Поэтому очаг был святым местом. Чтобы не потерять помощи духа, человек старался сохранить на очаге неугасимый огонь.

Сказания. Небесные явления также привлекали внимание человека. Его поражала смена дня и ночи. Он боялся мрака, ночной тишины и радовался блеску солнца и просыпавшейся с ним жизни. Он пытался найти объяснение этой смене света и тьмы и думал, что есть для нее живая причина: то борются два сильных духа, светлый, добрый к людям, и темный, злой. Светлого богатыря подстерегают его враги, убивают или похищают, но он опять поднимается или воскресает и разит их сверкающими стрелами, т. е. лучами своими рассеивает ночь. В грозе, казалось, повторяется та же борьба: черный злой дух тучи не отдает живительной влаги, которой жаждет земля, пока светлый бог не рассеет тучу своим копьём-молнией.

Из этих объяснений сложились живые рассказы, полные действия, с концом счастливым или печальным. В них выражались понятия о добре и зле; они были первыми попытками найти смысл и связь вещей в мире, окружающем человека.

II. ВОСТОК ОТ 3000 ДО 600 Г. ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Речные равнины на Востоке. В то время как европейцы среди суровой природы жили бедно и едва поднимались над нравами дикарей, два народа, в северо-восточной Африке и в западной Азии, *египтяне и вавилоняне*, достигли большого богатства, искусства в работе и образованности.

Природа в этих странах совершенно иная, чем в Европе. Здесь нет дремучих лесов, через которые так трудно было пробиваться европейцам. Круглый год стоит тепло; летом оно доходит до раскаленной жары, зимой не опускается ниже, чем в нашем апреле и мае; эту зиму проводят в Египте перелетные птицы, которые возвращаются весной к нам. Человеку нет нужды думать о тяжелой одежде для защиты от холода, заготавливать топливо для согревания дома. Он свободен от многих забот и предохранен от многих тяжких случайностей, которые так затрудняли жизнь старинному европейцу. Он скорее может добыть пропитание. Он может вообще жить легче, беспечнее, отдавать досуг на украшение жизни, на размышление об окружающем.

Большой пояс бездождных пустынь, протянувшийся по северной Африке и середине Азии, прерывается узким Аравийским заливом; по обе стороны его находятся долины двух больших рек – Нила и Евфрата. Начинаясь на высоких горах среди снегов и высоких озер, обе реки несут весной много воды и, вступая в низкие равнины, широко разливаются. Эти разливы заменяют редкие дожди; иначе долины рек стали бы похожи на окружающие их пустыни. Но, помимо того, от рек каждый год остаются наносы, из которых составилась жирный плодородный слой земли. Хлебные злаки приносят здесь невероятный урожай. Зерно пшеницы дает 200–300 зерен. Поэтому на небольшом пространстве могло прокормиться несравненно больше народу, чем в лесных странах Европы.

Египет. Долина Нила и в настоящее время представляет ту же картину человеческого поселения, что 4–5 тысяч лет тому назад. Между двумя цепями возвышенностей тянется узкая ровная полоса длиной в 700, шириной от 10 до 15 верст* и только у моря, где Нил разделяется на множество рукавов, равнина расходится на 200–250 верст ширины. Это и есть весь населенный Египет, "черная земля", как говорили египтяне: его площадь меньше маленькой Бельгии, тогда как вся остальная страна, причисляемая к Египту, вдвое более Франции; но эта остальная страна – камень и песок, "красная земля": поселений в ней нет. Зато в нильской долине с ее плодородной наносной землей народа скопилось больше, чем в самой густонаселенной стране современной Европы: непрерывно тянутся по реке города и поселки.

* Верста – русская мера длины = 500 саженьям (1,0668 км).

Разливы Нила. Вся эта полоса жива только от ежегодных наводнений Нила. Ко времени начала нашего лета в Египте все замирает в сухом и раскаленном воздухе; листва покрыта серой пылью, нанесенной ветром пустыни. Нил лениво течет между засохших бугров черной грязи. С июня вода начинает прибывать. Цвет ее меняется. Лазурный Нил становится кроваво-красным: эту окраску река получает от наноса, который она увлекает с собой. Могучий поток разбивает одну за другой преграды на пути, переливается через бугры, отрывает комья земли и широко раздается по всей долине: старинные египтяне звали реку в эту пору наводнения морем. Среди реки начинается яркая и шумная жизнь: Нил покрывается богатой зарослью тростников, травы и цветов; прилетает множество водяной птицы, заводи обильно наполняются рыбой. Города и деревни, выстроенные на возвышениях, стоят островками в этом море: только кое-где дорогами служат широкие плотины; все другие сношения совершаются на лодках.

Около начала сентября вода стоит всего выше, потом она начинает падать, и к ноябрю Нил – опять в своих обычных берегах; население пашет и засекает поля в течение следующих 3–4 месяцев умеренной погоды, приходящихся на время нашей зимы; надо спешить, чтобы не быть захваченным засухой, которая наступает к поре нашей весны. Тотчас вслед за уходом воды гонят на поля баранов и свиней, чтобы втоптать зерна в мягкую землю. Так в Египте ясно обозначены три времени года; они зависят от тех перемен, которые Нил своими наводнениями совершает в жизни страны и людей. Причины благодетельных наводнений древние египтяне не знали; это было для них чудо. Но они понимали, что Нил – источник всего их существования. Река была для них богом, к которому они возносили молитвы: "Слава тебе, Нил, приходящему в мире, чтобы дать жизнь Египту... твои волны разливаются по садам, которые создало солнце, ты утоляешь все, что жаждет небесной влагой; когда ты спустишься на землю, бог ее подает зерно, и закипают работы в мастерских. Ты – творец пшеницы и ячменя, тобою держатся

храмы. Когда твои руки утомляются от труда или ты страждешь, все живое, боги и люди, гибнут, стада стонут, вся страна, все великие и малые мучатся. Когда же молитвы услышаны тобою, и ты приходишь, земля начинает играть от радости, все смеется... Ты даешь всякому счастье по его желанию и никогда не отказываешь. Ты – царь, и приказы твои расходятся по всей земле".

Как ни велики благодеяния реки, нужна сложная и упорная работа людей, чтобы ими воспользоваться. Если оставить воде полный простор, она образует в низких местах озера и болота, застоится и не даст вовремя засеять почву; в места более высокие она не дойдет вовсе. Постепенно египтяне научились равномерно направлять и расходовать драгоценную влагу от разлива своей единственной великой реки. Под прямым углом к реке они провели широкие каналы, к которым примыкали другие, простиравшиеся вдоль реки; этим способом были устроены как бы новые русла по всей долине. Когда Нил подымался, его воды быстро вливались в поперечные широкие дороги; для того чтобы вода не переливалась через края, на поворотах и вдоль каналов берега были укреплены и приподняты плотинами. Сначала воду впускали в ближнюю к Нилу полосу земли, загораживали ей дальнейший путь плотинами и давали разлиться по полям этой первой полосы; потом, когда Нил еще прибывает, прорезывали плотины и пускали воду дальше на следующую полосу. К дальним высоким полосам воду передавали черпаками, которые опускались и поднимались на нескольких рядах длинных коромысел.

На западе от Нила, недалеко от вступления его в равнину, лежит, врезываясь в пустыню, большой оаз* Фаюм. Он ниже уровня Нила и отделен от реки скалистой стеной. Египтяне расширили узкое ущелье в этой стене и провели туда воду нильского рукава: после этого оаз стал самой богатой и хлебобродной областью во всем Египте. Для того чтобы привести в ней в порядок разливы, один ее угол загородили высокими плотинами и обратили его в огромный водоем; в сильный разлив воду отводили туда, в слабый – водой из бассейна пользовались, как запасом.

* Оазис.

Разделение богатства и труда в древнем Египте. Много веков прошло, пока народ, поселившийся в Египте, научился исполнять эти большие трудные работы. За 4000 лет до Р. Х. крупные водные сооружения в долине Нила были уже в действии; жители Египта были знакомы с выделкой металла, хотя больше употребляли каменные орудия очень тонкой и искусной работы; они вычисляли годовой оборот солнца в $365 \frac{1}{4}$ дней и применяли правильный календарь. За 3000 лет до Р. Х. египтяне, строили из кирпича и камня большие жилища своим богам и своим земным вождям, покрывали стены этих жилищ яркими разнообразными рисунками, изображавшими жизнь народа, и высекали из камня фигуры богов и людей; они готовили тонкие ткани из льна и раскрашивали их пестрыми узорами. В это время они умели также писать; рядом с рисунками помещаются подробные рассказы о событиях, описания стран и путешествий, хозяйственные счета, обращение к богам, молитвы об умерших и т. д.

Когда появится такой сложный и разнообразный труд, среди людей уже не может сохраниться старинное равенство. Прежде все одинаково умели ходить на охоту, копать землю, готовить незатейливые орудия. Теперь в каждом деле выступили особые мастера, которые всю жизнь отдавали одному ремеслу и искусству, отстраняясь от других занятий; каменщик и скульптор уходили навсегда от деревенской полевой работы и работали непрерывно в *городах*, т. е. в крупных поселках, где около большого храма или при дворе вождя скоплялось множество людей; писец отвыкал от всякой грубой ручной работы и т. д. Занятия эти переходили от отца к сыну, и различие между людьми все более закреплялось.

Помимо разницы в занятиях, должно было еще получиться различие в состоянии людей. Когда жизнь бедна, запасов мало и всякой семье приходится добывать на завтра пропитание, достатки у людей почти одинаковы. Иное дело, когда появится излишек. Кто осмотрительнее и смелее, у кого в семье больше сильных членов, тот неизбежно захватит и сбережет себе больше; такой человек или такая семья заставят еще и других работать на себя и, обогатившись сами, удержат этих других в бедности и зависимости от себя. Если потомки такого человека сохраняют или еще увеличат приобретенное им богатство, они прославят разрядом людей особенно счастливых, взысканных благодатью богов, потом

начнет казаться, что различие в достатке всегда было на земле. Так постепенно образовались два постоянных слоя в народе – богатые и бедные, владельцы и рабочие*.

* Здесь и далее автор использует термины "помещик", "крепостной", "капиталист", "рабочий", "промышленность", "фабрика" и т. д., но следует иметь в виду, что эти "помещики" и "крепостные" были совершенно не похожи на тех, кого знают учащиеся из истории нашей страны. Речь идет о землевладельцах, которые в разных обществах, на разных условиях распоряжались землей (в Египте по воле фараона, в Древнем Риме на основе частной собственности и т. д.). Всегда наряду с рабами в древних государствах было много и свободных земледельцев, крестьян, находившихся в разной степени зависимости, подвергавшихся закабалению, лишению земельных участков, отдававшихся под покровительство крупных землевладельцев. Не было и промышленного производства и капиталистов в нашем понимании. Даже если автор и применяет латинское название "фабрика", под этим он подразумевает более или менее крупное ремесленное производство.

В Египте местами поднимались знатные богатые семьи, которые имели большую силу кругом. Главы таких семей были уверены, что они сидят там же, где владели землею "их отцы, создавшие их плоть, благородные с первого дня творения". У них были большие каменные палаты в городе; они получали доход с больших поместий. На их могилах изображено, как идут крестьяне и крестьянки на главный двор, нагруженные корзинками с хлебом, плодами, овощами, вином, холстом, как они ведут ягнят и несут пищу; слуги, вооруженные палками, приводят деревенских старост, которые должны ответить за мужиков, неисправных во взносе оброка; писцы сидят за сундуками, проверяют принесенные запасы, записывают доход и недоимки; батраки и пастухи, выстроенные в отряды, проходят с флагами перед господином. Богатый помещик старался прочно обеспечить себе труд и службу бедного крестьянина или рабочего; он требовал, чтобы более слабые отдались ему в опеку, признали себя "его людьми", крепостными, постоянно обязанными отдавать ему часть своего дохода и прибыли; он уверял их, что за то будет охранять их от всякого врага и нападения, рассудит все их ссоры и тяжбы, поможет им в тяжелую годину из своих запасов. Он становился владыкой всей округи, захватывал часть нильской долины.

Помимо того, разбогатели и приобрели почет люди, служившие богам. Старинные гадатели, к которым обращались в тяжелых случаях жизни, были так же бедны, как и те, кто их звал. Иначе стало у людей, которые делали большие запасы, возводили крупные сооружения; они могли больше отдать тем, кто молился об их благополучии или узнавал для них волю и решение богов. Богатый народ мог больше подарить и самим богам своим в благодарность за их дары. Богам также отводились большие поместья с дворцами посредине, со всеми службами, полями, садами, озерами, стадами и рабочими людьми; постоянно поступали им еще особые приношения зерном, плодами, живностью, тонкими тканями, красивой утварью и т. д. Жрецы, т. е. люди, знавшие тайну обращения к богам, должны были всю жизнь служить богам: быть при них, входить в их дворцы, управлять их поместьями и держать в порядке их имущество. Жрецы пользовались при этом дарами, приносимыми богам; они как бы кормились вместе с богами: считалось, что ежедневные мелкие заботы не должны отвлекать от служения богу. Гадания, предсказания будущего, служба в храме – все это стало делом очень сложным, составила целая жреческая наука; для того чтобы усвоить ее, надо было много учиться. Жрецы были прежде колдунами и знахарями; они стали теперь учеными, исполнителями обстоятельных обрядов и многочисленных молитв, управляющими имений. Они должны были вести особый образ жизни: поститься перед гаданиями, не есть вообще "нечистого", т. е. неугодных богу животных, воздерживаться от грубой работы и т. д. Вместе с тем они пользовались полным довольством.

Картины, нарисованные египтянами на стенах домов, изображают часто тяжелую работу простого человека: как в поле люди пахут на волах или вскапывают землю заступом; как собирают виноград, давят вино и сливают его; как вертят на колесе посуду и обжигают в печи, выдувают бутылки; как женщины ткут материю на глазах надсмотрщиков, без отдыха и перерыва. Заленившегося рабочего на месте били палками.

Один писец в наставлении сыну своему советует избежать тяжелой ручной работы и изображает мрачными чертами участь рабочего: "Медник весь день в работе, а когда наступит ночь, он все еще сидит за ней при свете факела. Башмачник совсем погибает, ему не выйти из нищеты; остается ему только глодать кожи. Погляди на каменщика: он вечно недомогает, потому что ему надо работать на ветру, цепляясь за карнизы в виде цветков лотоса; руки его опускаются от усталости, его платье

разодрано; этот бедняга шагает изо дня в день по бревнам лесов, едва заработавши себе на хлеб; он идет домой и колотит своих детей. Довольно я насмотрелся этой работы, я видел везде одну жестокость, только жестокость. Поэтому займись книгами, изучи письмо!"

Наставление объясняет дальше, как это благородное занятие сберегает здоровье, дает большую выгоду, ведет во дворец. Обученный письму человек, "писец", мог в древнем Египте добиться любой должности, смотря по своим способностям: стать жрецом, генералом, инженером, архитектором, губернатором, податным чиновником.

Государство в Египте, 3300 г. до Р. Х. Сильный владыка, распоряжавшийся большим количеством подчиненных людей, мог их хорошо вооружить и покорить с ними несколько областей по течению Нила; он становился *царем*. Долгое время Египет был разделен между двумя повелителями, царем в белом шлеме на юге и царем в красной шапке на севере, в Дельте, т. е. стране нильских рукавов. Около 3300 г. до Р. Х. царь Менее* соединил под своей властью всю страну, начиная с порогов, отделяющих Египет на юге от Нубии, и до моря. Владыки, которые господствовали в областях, подчинились ему. Из соединения всех областей составилось большое *государство*. Вождь, выбранный дикарями, может вести несколько тысяч человек. У царя Египта было от семи до девяти миллионов подданных.

* Греческий историк Геродот (V в. до н. э.) передал имена египетских царей (фараонов) в греческом произношении – Менее, Хеопс, Хефрен и т. д. Египтяне произносили эти имена – Мина, Хуфу, Хафра. Ныне ученые считают, что объединение Египта произошло около 3100–3000 г. до н. э. Египетский жрец Манефон, живший в III веке до н. э., изложил на греческом языке историю Египта и привел имена египетских фараонов, назвав первым Менеса.

Власть царя. Царями были большею частью владыки или *Мемфиса** на севере Египта, недалеко от выхода Нила в равнину, или *Фив*** на юге, в возвышенной части страны. Царь, *фараон* (слово это собственно значит "высокий дом"), соединял в своих руках огромные богатства и мог раздать много подарков и милостей. В его распоряжение пригоняли множество рабочих со всего Египта, и он заставлял их исполнять крупнейшие сооружения: например, один из фараонов выкопал водоем в Фаюме, многие выстроили себе огромные каменные гробницы. Самая большая гробница выстроена царем Хеопсом*** около 2800 г. до Р. Х. Царь держал в страхе массу народа; он повелевал множеством хорошо вооруженных воинов и требовал военной помощи от других владык. Крупные помещики в областях вступили к нему на службу, стали его чиновниками. Они звались его "друзьями", "тайными советниками царских приказов или тайных слов царя" и т. п.

* Мемфис (греческое название) находился близ Каира.

** На месте древних Фив (греческое название) ныне находится город Луксор.

*** Фараон Хуфу (Хеопс) приказал построить гробницу (пирамиду). Ее высота – 146,5 м.

Царь точно поднимался над всеми, как высшее существо. В знак своего величия он опоясывался львиной шкурой с привешенным сзади хвостом или надевал особую длинную развевающуюся одежду, обвешивал шею ожерельями, руки украшал браслетами, голову покрывал высокой бело-красной шапкой. Он принимал людей, сидя на высоком кресле под навесом, обратившись лицом к восходу солнца. Приходившие пред лицо его должны были падать на землю, стоять на коленях, протягивать к нему с мольбою руки, как к богу; они должны были называть его разными почетными и возвышенными именами: избранником солнца, могучим золотым орлом, сильным правдой и т. д. Когда надо было нарисовать царя, его изображали втрое, вчетверо выше, чем остальных людей; и не только его самого, но и колесницу, и коней его.

Пирамиды в Гизе. С фотографии

Египетская пехота со щитами, копьями и топорами

Сев у древних египтян

Жатва у древних египтян

Пастухи и их стада

Казалось, что такой сильный человек, как царь, должен быть особенно близок к богам. В Египте верили, что в царе живет двойник бога, что царь – сын главного бога, а после смерти присоединяется к богам. Думали, что царь может наедине беседовать с богами: царь заходил в святилище и, обращаясь к изображению бога, спрашивал совета, напр. идти ли в поход. Если ему казалось, что статуя кивает головой, это означало "да", если она оставалась неподвижной, это означало "нет". Во имя бога, своего

родоначальника или покровителя, царь совершал походы; ему он посвящал добычу; когда царь в ожесточении приказывал убивать пленных врагов, это считалось жертвой богу. Проезжая по улицам, выходя на балкон к народу, царь бросал в толпу хлеб, фрукты или золотые колечки в знак того, что от него, как от бога, сыплются на людей все милости.

После смерти царя двойник его должен был получить великое вечное жилище. Старинные египетские цари обыкновенно сами строили себе заблаговременно *пирамиду*.

Пирамида имеет вид каменной горы с 4 сходящимися наверху сторонами; она выложена из огромных тесаных камней; окон нет, узкий и темный проход ведет в темный же зал. Это – то же, что старинная каменная могила, только несравненно крупнее. Большие пирамиды сохранились до нашего времени; они все почти находятся около Мемфиса. Самая большая в 70 сажен высоты и состоит почти из 2 ¹/₂ миллиона крупных камней. Царь должен был собрать вместе десятки тысяч рабочих, чтобы построить себе такую могилу; подъемных машин не знали, вся работа была от руки, и люди тащили или переносили на спине все тяжести.

Управление. Царь требовал для своей семьи, своего двора и имений не только работы, но и доставки разных припасов и товаров.

Он налагал на области определенную дань, *подать*. Сбирать товары, служившие податью, заведовать складами, призывать на службу воинов и смотреть за порядком он поручал своим наместникам и приказчикам. При них состояли, как в больших имениях, многочисленные писцы, которые вели подробный отчет и проверку получению и расходам. Своих придворных слуг и чиновников царь вознаграждал припасами, одеждой, посудой, мебелью, украшениями и т. д. Огромные количества различных предметов свозились в царские склады и магазины; из них выдавалось все нужное его подчиненным.

Они считались "людьми царя", состоящими под его опекой, как и сам царь был под опекой бога. Всякий низший по чину или положению должен был подчиняться высшему; всякий должен был приписаться к какому-либо опекуну, хозяину или владыке. Тот, кто никому не был подчинен, кто не имел над собой владыки, оставался совершенно беззащитен. Иногда владыки отказывали в подчинении царю, отделялись от него, и страна снова раздроблялась на мелкие области.

Завоевания 1600–1100 гг. до Р. Х. Египтяне, как земледельцы, были крайне миролюбивы; к тому же страна отовсюду замкнута; она большей частью может быть спокойна от нападений; жителей ее не тянет воевать и выселяться. На юге от Египта, где Нил прорывается через пороги, его долина становится совсем узкой, с запада подходит совершенно безлюдная пустыня, на севере море, которого египтяне суеверно боялись. Только на востоке узкая полоса Суэцкого перешейка соединяет Египет с Сирией, находящейся в Передней Азии. Отсюда по временам врывались разбойничьи пастушеские племена. Раз случилось, что они покорили Египет (за 1700 лет до Р. Х.); их вожди, гиксы*, более ста лет царствовали в нильской долине.

* Племенной союз гиксосов напал на Египет, воспользовавшись народным восстанием, о котором сохранились письменные источники – "Речение Ипувера" и "Речение Неферти". Господство гиксосов над Египтом продолжалось около 130 лет.

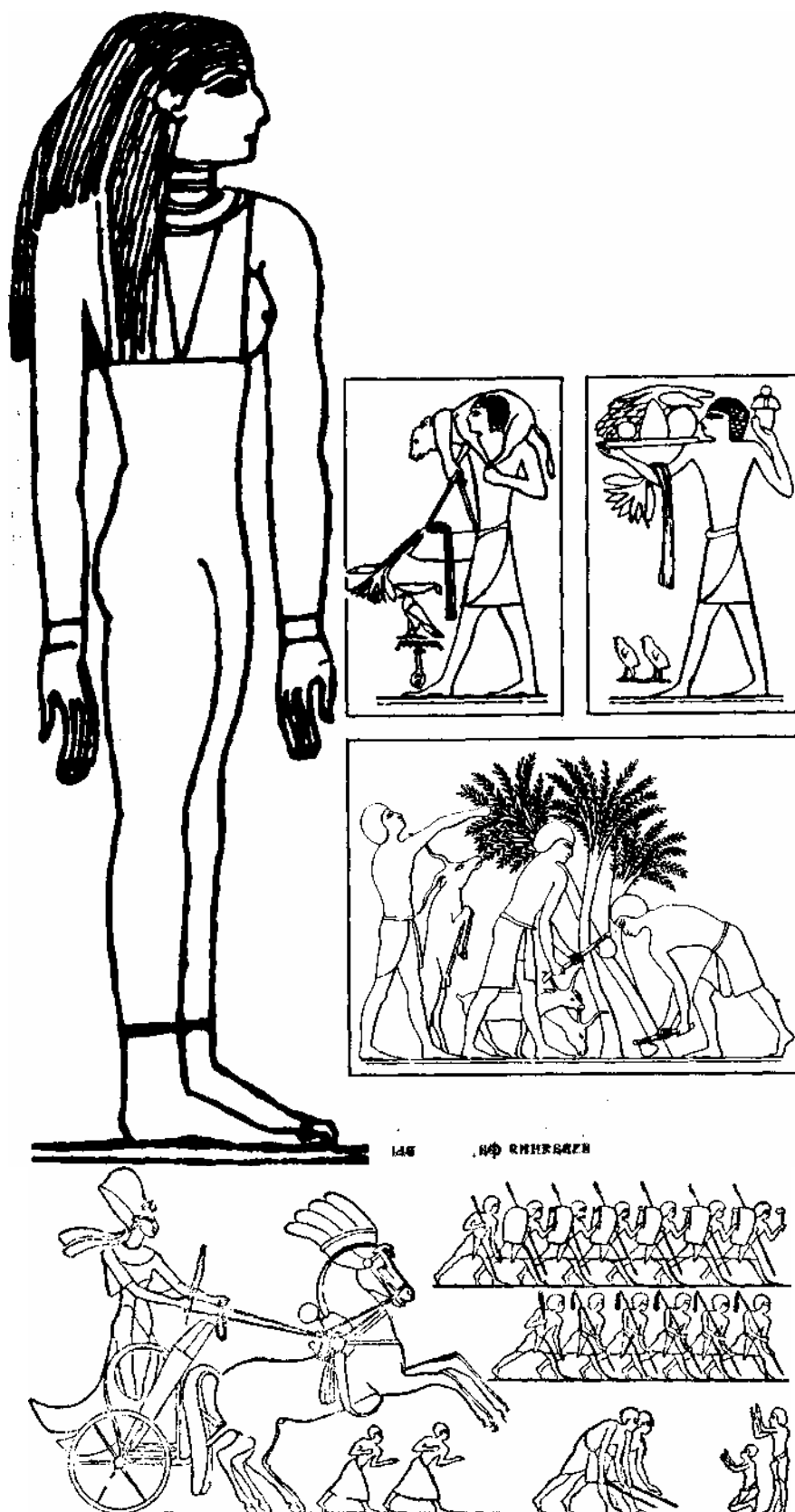
Египтянам удалось прогнать гиксов, и после этого египетские цари сами ходили войной в Сирию; дальше других, до реки Евфрата, заходил Тутмес III* (за 1500 лет до Р. Х.). Ему принадлежала также вся нильская долина вверх по огромной излучине реки вплоть до слияния Белого и Голубого Нила, нынешняя Нубия. Фараоны заставляли побежденных платить себе дань товарами и писали на стенах дворцов и храмов о "великом страхе", в котором склоняются перед ними чужие вожди и их посольства. В своей столице Фивах они изображали без конца азиатские победы, особенно вновь введенные бои на колесницах, с которых стрелки, впереди всех царь, разили пеших врагов. Чаше других встречается имя фараона Рамсеса II**, который приказывал стирать имена своих предшественников и приписывал себе их завоевания. Воины, с которыми фараоны совершали походы, были большею частью иноплеменники: чернокожие из Нубии, полудикие ливийцы с запада и др. Этих солдат держали на большом жалованье; им выдавались участки земли, которые переходили по наследству к их детям, причем старший сын должен был идти в солдаты. Они знали свою силу и нередко своевольно поднимались против самих царей или возводили на царство своих вождей.

* Тутмос III. Он правил 54 года и скончался в середине XV века до н. э. При нем египетское государство достигло пределов, за которые в дальнейшем фактически не выходило: от четвертых нильских порогов до Северной Сирии. Подвластные народы – эфиопы, ливийцы, сирийцы – платили Тутмосу III ежегодную дань. Огромное количество золота и слоновой кости поступало в Египет из Эфиопии, серебро, свинец и олово, ткани, красители, ценный камень лазурит – из Палестины и Сирии, строевой корабельный лес и ценившийся в древности кедр – из Ливана.

** Рамсес II (XIII в. до н. э.) процарствовал 67 лет и умер в глубокой старости (его мумия прекрасно сохранилась). Он вел войны в Сирии и Палестине с царем Хеттской державы, находившейся на территории Малой Азии. От времен Рамсеса II сохранились огромный пещерный храм в Абу-Симбеле (у вторых порогов Нила) и исполинские изваяния фараона высотой 20 м.

Большие города. В нынешней Европе крупный город образует обыкновенно скопление высоких домов на тесном пространстве. В нильской долине города были скорее похожи на обширные деревни или соединения нескольких деревень и больших усадеб, между которыми более всего выдавались царские и божие поместья. Внутри городских стен были, кроме домов, большие огороды, фруктовые сады, поля, луга, пастбища, пруды. Простой народ жил в низких тесных мазанках; жилища служили почти только ночлегом: вся жизнь проходила на улице, на базарах. Простой человек едва покрывал свое тело рубашкой без рукавов или даже только фартуком, на ноги надевал привязные подошвы. Но он охотно разрисовывал лицо и тело татуировкой, как современный темнокожий. Быстро проносились по улицам легкие двухколесные экипажи, развозя людей царской фамилии, знатных и богатых владельцев, жрецов и чиновников; их пестрый, узорчатый костюм служил также не защите от холода и непогоды, а главным образом украшению; они обвешивали себя безделушками, царскими подарками и предохранительными средствами от злых духов; на голову часто надевали парик, а к бритому подбородку подвязывали бороду.

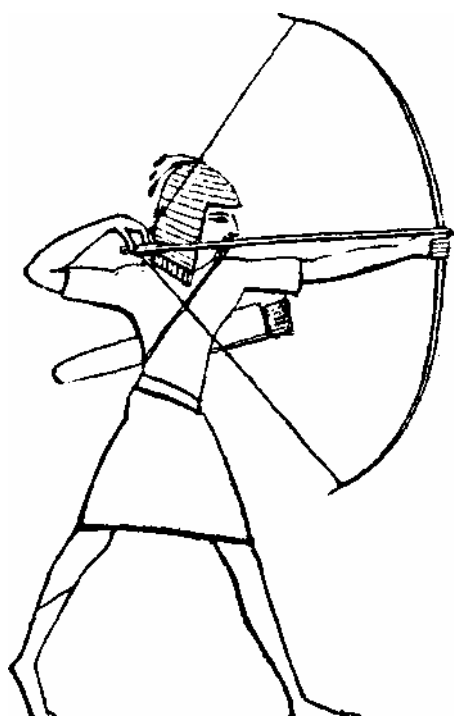
*Жанровые сценки
С настенной росписи*

*Выезд египетского фараона.
Направо первые два ряда
наверху – его гвардия, внизу –
служители, расчищающие
палками дорогу, и народ,
приветствующий царя*

*Лучник. Рисунок с
папирусного изображения*

*Статуя писца эпохи
Древнего царства*

Жилища богов выдавались своею обширностью и украшением. В настоящее время на месте старинных Фив находятся две деревни; дорога между ними, около двух верст расстояния, состоит из аллеи, образованной двумя рядами сфинксов, т. е. лежащих львиных фигур с человеческими головами. Это – остаток огромного святого места, в пределах которого стояли храмы, священные столбы (обелиски) и изваяния. Самым большим был храм, бога солнца; его окружала стена в 2 версты длины; остались развалины огромной колонной залы в 50 сажен длины; крыша ее поддерживалась почти 150 столбами, которые были пестро разрисованы, имел верх в виде ярких раскрашенных цветов.

Представления о богах. В мысли египтян о богах соединялись остатки старинных верований и новые догадки и упования людей. В каждом городе или округе чтился свой бог или богиня покровители, были свои обряды для их почитания и свой способ изображать их. Одну черту старины египтяне особенно сохранили: именно – представление, что бог может принимать вид животного, что душа его может вселяться в зверя, птицу и т. д. Вследствие этого в различных областях считали священными, животными крокодилов, кошек, ибисов, змей и т. д. Наибольшим почетом пользовался в Египте черный бык с белым пятном на лбу, содержащийся в Мемфисе в особом святилище. Боги изображались большей частью в виде животных или людей с головами животных: ястреба, коровы, барана, шакала и др.

Когда области соединились в большие государства, боги главных городов получили особенную силу. Бог юга, Горус* (в виде ястреба), долго был на войне с богом севера, Сетом (чудовище с головой жирафа). Мрачный Сет вырывает у светлого Горуса глаз (солнце), но Горус все-таки побеждает его. Царь объединенного Египта считался воплощением победившего бога. Еще другие боги получили признание во всей стране: напр. могучий водяной дух, принимающий вид крокодила; лунный бог, Тоут, который установил времена года и порядок вещей на земле, изобрел язык и письмо, обладает всеми

тайнами мира, мудро указывает всем богам и людям их дело; Озирис, бог подземный, дающий произрастание травам и деревьям, через которые выходит из-под земли его дуновение.

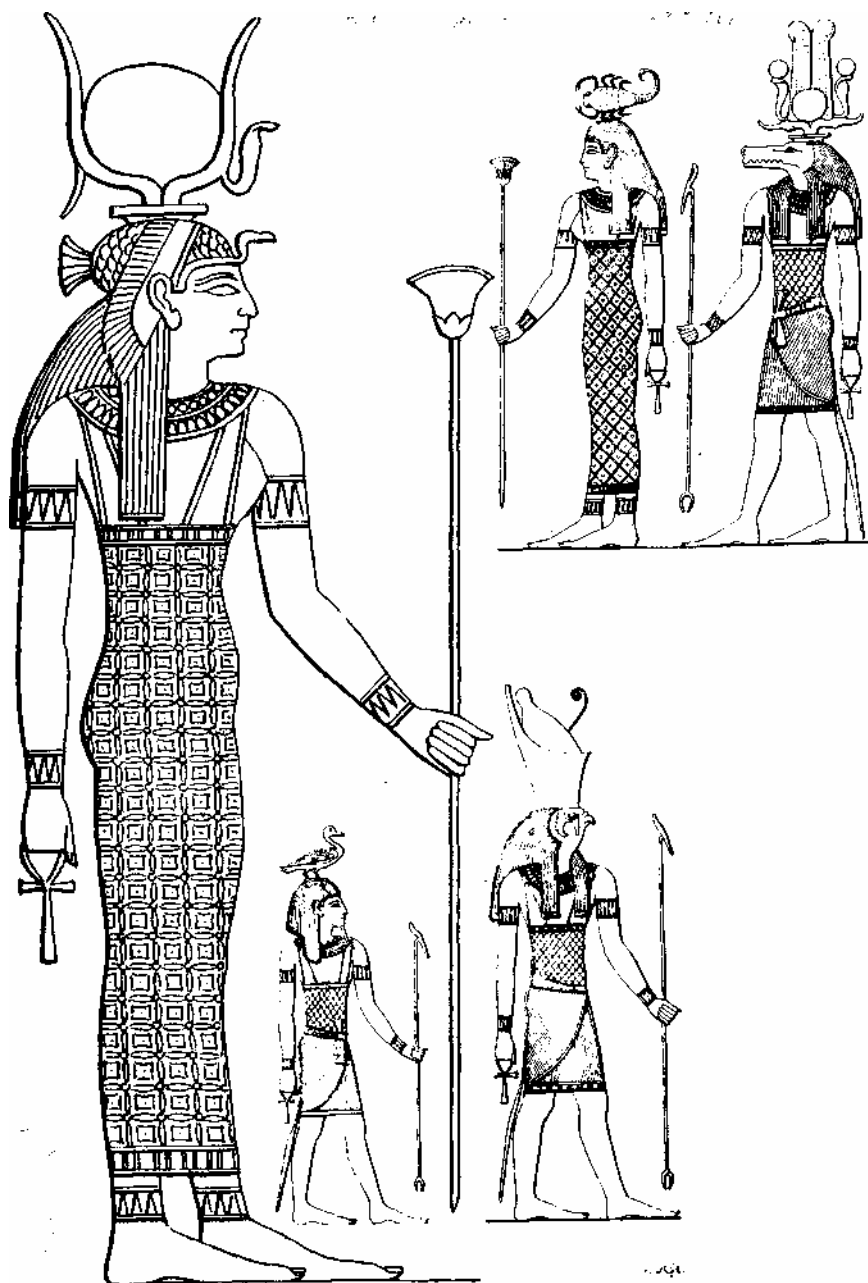
* Ныне принято следующее написание имен египетских богов: Хор (Гор), Сет, Тот, Осирис, Исида, Ра.

В разных местах показывали останки бога Озириса, убитого и растерзанного злым Сетом: богиня Изида (изображаемая с головою коровы или в короне, украшенной рогами), жена Озириса, похоронила его; сын Озириса, Горус, волшебством снова оживил своего отца, но теперь он уже царит над мертвыми. Так и другие боги страдают, умирают, имеют могилы, но также возрождаются, живут и царствуют вечно. Солнце рождается каждый день утром, к полудню достигает зрелости, а к вечеру старится, умирает. В году были большие праздники рождения бога, высшего расцвета его силы и смерти бога. Во время праздников служители храма и люди особенно святой жизни несли в священной процессии изображения бога или катили их по реке в изукрашенной барке. Жрецы и отшельники принимали участие в доле божества, потрясали дубинами в знак готовности отогнать угрожающих ему врагов: плакали о его страданиях, вылечивали жертвами глаз Горуса. Изображения, которые в будни хранились в ковчегах, стоявших внутри храмов, были в старину деревянными или каменными столбиками, перевитыми лентой; впоследствии стали делать статуи из гранита и других крепких пород камня.

Жрецы старались примирить веру в местных богов с верой в богов общих, великих; они говорили: "Наш бог – тот же, что и у других, лишь иначе называется". Везде соединяли они вместе трех богов: бога-отца, под которым разумели землю, богиню-мать, означавшую небо, и их сына, означавшего солнце. После построения больших пирамид на первое место над всеми богами поднялся бог солнца, Ре*. Его изображали в торжественном царском облачении; перед ним преклоняется земной фараон. Высоко чтили бога Ре фиванские цари, завладевшие Сирией и Нубией. Один из них, Аменофис IV** (изображенный на рисунке стр. 43), хотел провозгласить Ре единым богом всего мира и упразднить всех других богов Египта, обратив их святилища в храмы солнечного бога; всюду он повелел изображать великий светлый круг, испускающий во все стороны благодетельные лучи, которые на концах своих переходят в протянутые, благословляющие людей руки. Жители нильской долины думали, что их страна находится в середине мира; земля плавает в большом океане; небо – плоская крыша, краями покоящаяся на высоких горах и укрепленная четырьмя столбами; с потолка в виде светильников свешиваются звезды.

* Ра.

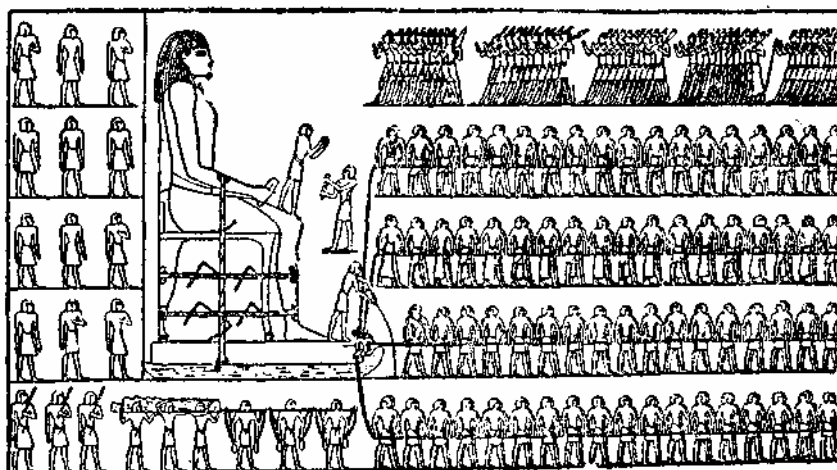
** Речь идет об Аменхотепе IV (XIV в. до н. э.), фараоне-реформаторе, пытавшемся ввести единобожие – поклонение Солнцу. Он принял имя Эхнатон, что означало Полезный Солнцу, покинул Фивы и основал новую столицу Египта – Ахетатон (Небосклон Солнца). Теперь на этом месте находится Эль-Амарна. Женой Эхнатона была красавица Нефертити, чьи скульптурные изображения сохранились до нашего времени.

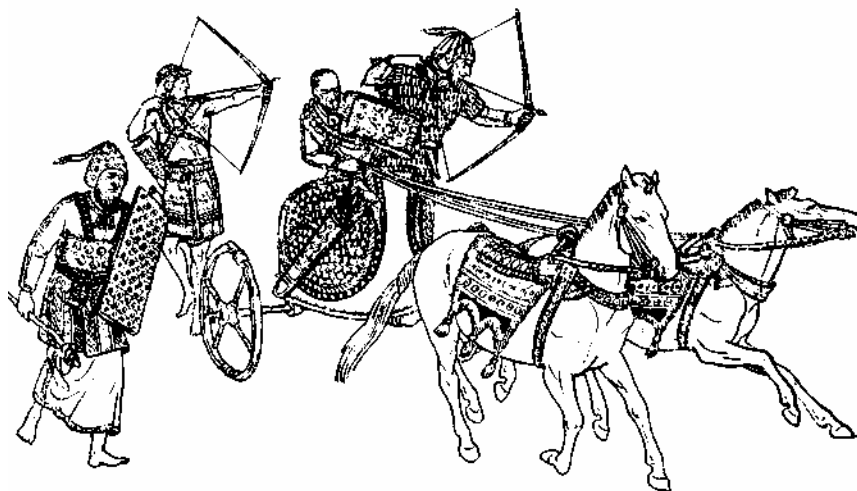
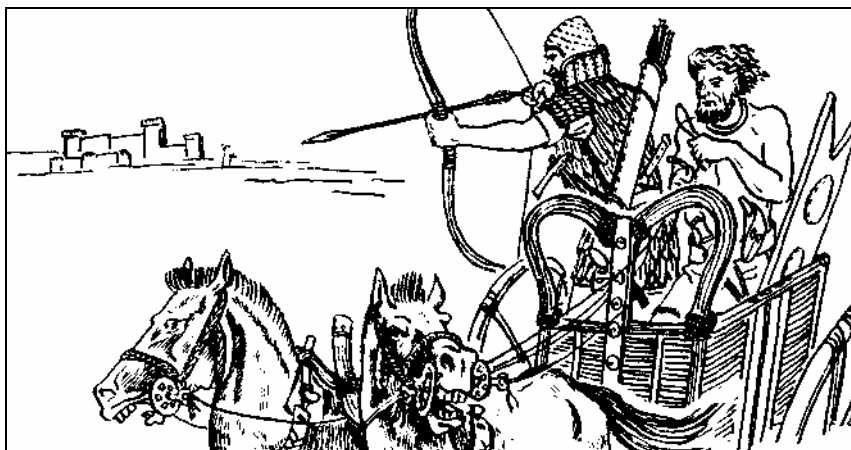

*Боги Древнего Египта.
Слева – Исида, Справа –
боги с головами птиц и
животных. Внизу справа –
Гор*

*Фараон Рамсес II на боевой
колеснице в битве с
хеттами при Кадеше. 1288
г. до н. э. Поле битвы
осталось за Рамсесом, но
потери египтян оказались
столь велики, что фараон
согласился на перемирие с
хеттами*

*Рабочие перевозят на себе
огромную статую (ряды
рабочих, нарисованные
один над другим, надо
представить себе один
позади другого)*

*Постройки времен Фараона Гиксосские колесничные Сирийские воины по
Рамсеса II. С фотографии воины. По находкам в Газе и изображению на кожаной
Палестине. Реконструкция обивке колесницы Тутмоса IV.
Реконструкция*

Вера в загробную жизнь. По картинам и постройкам египтян видно, что особенно их занимала мысль о продолжении жизни после смерти. Целая половина Фив, все, что лежит на левой западной стороне Нила, состоит из "города мертвых". Это кладбище, в котором могилы – просторные, крепкие жилища, более прочные, чем дома живых. Они полны предметов: изображений, надписей и молитвенных листков, по которым мы узнаем о верованиях египтян. В этих верованиях смешивался страх живых перед покойниками, боязнь за собственную судьбу и надежды на лучшую участь в другом мире.

Египтяне думали, что между добрыми и злыми духами идет непрерывно борьба за жизнь человека. Болезнь и смерть – это победа злых духов. Но демоны не окончательно берут верх; за гробом продолжается еще спор добрых и злых сил. Первые охраняют, вторые стараются истребить ту часть человеческого существа, которая покинула тело при смерти. В этой борьбе родственники и близкие умершего могут помочь ему так же, как помогают живому при болезни, посредством волшебных слов и молитв, обладающих таинственной силой. Тексты этих молитв лежат во множестве в египетских могилах.

Очень живо представляли себе и загробный мир, в котором странствует умерший. Этот небесный мир похож на земной. Посредине его протекает великий небесный Нил, а по реке ежедневно проплывает бог солнца, сидя в крытой беседке наверху корабля; в темноте он возвращается по ночной реке опять к востоку, откуда снова начинается его дневной путь. Путешествие солнца казалось египтянину похожим на человеческую жизнь: в нем также сменяется рождение, жизнь и смерть. Солнце, скрывшееся ночью, это – умерший бог, который спустился в ад в подземное царство. Корабль

его едет среди мрачных берегов, где поджидают злые духи; страшнее всех огромная змея, готовящая гибель солнцу; но в последнюю минуту друзья солнца бросаются на врага и заковывают его в цепи.

Умерший человек может с помощью молитв и обрядов, исполняемых живыми, разделить участь солнца; душа его может счастливо проскользнуть с солнечным кораблем сквозь ночь и возродиться к новому утру; она может также улететь в виде птицы в небесную страну. Для того чтобы облегчить этот переход, умерших хоронили на западном берегу Нила и клали лицом к закату солнца: так они должны были скорее увидеть тот свет. Далекий запад, куда уходит солнце, считался блаженной страной душ, перешедших к другой жизни. Но это верование перебивалось и смешивалось со старыми понятиями о продолжении жизни умершего на земле.

Египтяне поэтому различали в существе человека три доли: 1) тело, 2) дух, или "двойник", изображаемый в виде повторения человеческой фигуры рядом с живым человеком, и 3) душу, изображаемую в виде птицы. Тело умершего предается земле и около него должен остаться недалеко "двойник" человека. Жизнь двойника будет продолжаться тут же. Надо обеспечить ему прочный дом со всем убранством комнат, одежду и утварь, свежую пищу и особенно питье; иначе он будет страдать от голода и жажды, начнет тревожить живых людей. Поэтому кто мог, строил для двойника умершего родственника большую четырехугольную палату, "вечный дом". Чем богаче был покойник, чем знатнее, тем крупнее, лучше был его дворец; царю выкладывали целую каменную гору, пирамиду.

Чтобы привлечь двойника, ставили каменное изображение умершего, с особым искусством исполняли на нем портрет лица. В то же время старались сохранить тело, в котором двойник должен был найти свою прежнюю обитель. Это повело к обычаю готовить из трупов *мумии*, т. е. вынимать внутренности из тела умершего, заливать асфальтом, обвязывать тканями и класть в раскрашенный деревянный ящик, изображавший завернутого человека. Мумии совершенно высохали; в таком виде дошли до нас тела некоторых египетских царей. Простой человек, конечно, не имел средств сделать все это: он засыпал тело умершего солью и просто зарывал в землю. На том свете, казалось, родственник его по-прежнему должен будет отставать в благополучии от более богатых.

Сначала в могилу приносили настоящую пищу и другие предметы. Но это стоило больших трат. Тогда явилась мысль заменить их изображениями. В "вечный дом" ставили каменные плиты, на которых были представлены съестные припасы, платье и т. п. Вещи эти заключали еще ту выгоду, что они тоже были вечными, не портились. Богатому человеку клали еще деревянные или каменные фигурки "работников" с орудиями в руках; они должны были на него пахать, возить, варить и т. п. На стенах для улады умершего рисовали картины жизни: тут была изображена охота в нильских болотах, нагружение корабля, сельские работы под надзором старосты, приготовление вина, игры и танцы и т. д. Мало-помалу ослабело и само рвение к постройке каменных громад для покойников.

Придумали еще более простой способ удовлетворять умершего. Все, что желали ему доставить, выражали словами в волшебной молитве: "Да будет богу Озирису принесена царская жертва, чтобы он даровал покойному 1000 быков, 1000 гусей, 1000 хлебов, и т. д." Длинные записи с подробными пожеланиями клались также в могилы.

Благополучие умершего таким образом зависело от щедрости его близких или от искусства жреца, который читал молитву. Но наряду с этим у египтян стала пробиваться и более возвышенная мысль: умершему будет воздано на том свете по его делам. Отправляясь вслед за солнцем, душа подвергается суду в подземном царстве. Там сидит справедливый судья Озирис, бог, который сам пострадал и умер. Он разбирает всю жизнь души, предстающей перед лицом его, и произносит приговор. Поэтому в могилу, как бы в напутствие умершему, клали особый молитвенник, где подробно было записано, что должна отвечать душа на суде. "Я не обманывал никого, я не пребывал в праздности, я не отнимал раба у господина его, не мучил вдов, не грабил могил, не охотился на священных животных, я чист, я давал хлеб и воду нищему, одежду нагому, я приносил жертвы богам и кормил умерших". Из этих ответов видно, какие заповеди у египтян считались особенно важными.

Письмо. Рисунки на стенах большей частью снабжены объяснительными надписями. Позднее путешественники-греки, посещавшие Египет, называли их *гиероглифами**, т. е. священным письмом, думая, что это какие-то таинственные знаки, вроде загадок, скрывающие мысль. Но в действительности

это была обыкновенная азбука египтян, лишь гораздо более сложная сравнительно с нашей. Ею исписаны бесчисленные листки *papyrusa* (бумаги, сплетенной из волокон египетского тростника).

* Египетские письмена – иероглифы – расшифровал французский ученый Франсуа Шампольон в 1822 г. Шампольон доказал, что в письме древних египтян одни знаки выражали звуки, другие – понятия. Шампольон, по-справедливости, считается отцом египтологии.

Письмо началось с того, что люди старались нарисовать вещи, о которых говорили. У дикарей нередко целый рисунок должен передать какой-нибудь уговор: напр. изображение озера с плавающими в нем рыбами и людей по обе стороны означает, что две деревни уговорились сообща пользоваться ловлей в таком-то месте. Можно набросать немногими чертами изображения различных вещей и существ, напр. человека, птицы, льва, лопаты, звезды. Слова "день", "молитва", "сила" нельзя нарисовать; их придется только напомнить рисунком: день – кружком, означающим солнце, молитву – изображением человека с поднятыми к богам руками, силу – фигурой быка и т. д. С такой *азбуки слов* начали египтяне. Ходьбу они изображали двумя шагающими ногами; сокол, посвященный Горусу, означал вообще бога или царя (на прилагаемом рисунке на стр. 46 сокол в царской высокой шапке); плодородная земля изображалась в виде полосы и точек под нею (кора земли и семена), бесплодная – в виде зубчатой стенки (каменистые бугры). Это был очень несовершенный способ письма. Приходилось придумывать очень много знаков – столько, сколько было слов. Притом, когда эти фигуры и знаки ставили рядом друг с другом, чтобы выразить целую мысль, связь между ними оставалась неясной; нельзя было обозначить то, что мы выражаем падежами, окончаниями глаголов, согласованием слов.

Знаками можно еще иначе пользоваться. Можно не только *видеть* в знаке фигуру предмета или замену понятия, можно также, произнося обозначенное знаком слово, *слышать* в нем определенное созвучие. Если привыкнуть связывать с таким-то знаком такое-то созвучие, можно будет употреблять тот же знак везде, где это созвучие встретится, хотя бы смысл слова был другой. Так, напр., фигура *вола* может служить для обозначения первого слога слова *волна*; знак слова "ум" и знак слова "нож" годятся для первых слогов слова *умножить* и т. п. При выговаривании слов легко заметить схожие слоги: если каждому слогу дать особое обозначение, можно будет выразить все обороты речи. У египтян "гусь" ставился вместо "сын", потому что оба слова звучали одинаково *сэ*; "лютня" (нофре) годилась для слова "добрый" и т. д. На этом способе основан наш ребус. Но то, что осталось теперь в виде игры, было прежде общим приемом письма. Эту *азбуку слогов* египтяне начали также применять помимо старой азбуки слов. Число знаков в ней было гораздо меньше, чем в первой. Еще позднее они разделили и слоги на звуки и начали обозначать каждый звук особым знаком.

Но беда была в том, что у них остались знаки из всех трех азбук: рядом с последней азбукой, похожей на нашу, они продолжали применять и прежние приемы письма. Искусство письма было и осталось у них очень сложным.

В судьбе этого искусства заметно выразилась одна черта египетского народа. Среди новых изобретений, замечательного искусства в постройках, живописи и ваянии, среди возвышенных понятий у египтян оставались в силе старые полудикие обычаи и взгляды: они татуировались, применяли частью каменные орудия, сберегали тела умерших и кормили их, представляли себе богов в виде животных, применяли детскую азбуку. Все это воспроизводилось в течение сотен лет, старательно и точно, хотя смысл многих старых обычаев исчез и забылся. Причина этой верности старине заключалась в том, что египтяне жили долгие века замкнуто в своей долине, без сношений с другими народами, не получая новых впечатлений, не зная чужого, не испытывая нужды менять свои порядки.

Передняя Азия. В ином положении, чем египтяне, были образованные народы, жившие в равнине по течению рек Евфрата и Тигра.

Страна, которая лежит между Средиземным морем и этими реками, на юге незаметно переходит в Аравийский полуостров. Середину этого большого четырехугольника, так называемой Передней Азии, составляет большая аравийская степь. По краям его лежит на юге *Счастливая Аравия*, на западе – *Сирия*, на востоке – *Вавилония*, область нижнего Евфрата и Тигра, – три страны с богатой природой, издавна заселенные оседлыми народами.

По степи передвигались воинственные кочевники, большей частью из племени *семитов*. К семитам принадлежали евреи и арабы. Время от времени кочевники, собравшись большими массами, бросались

на богатых и образованных соседей, живших по краям степи, и покоряли их. Семитские завоеватели покорили живший на нижнем течении Евфрата земледельческий и промышленный народ шумеров*, который изобрел письмо и сделал замечательные наблюдения над небом. При этих завоеваниях погибло многое, чего добились образованные туземцы в улучшении своей жизни, но многое также перенимали пришельцы. Завоевания имели еще одно последствие: *культура*, т. е. изобретения, обычаи и понятия образованных народов, переходила дальше и распространялась за пределы одной страны в другие.

* Шумеры – племена, населявшие Месопотамию. Точное время появления шумеров в долине Тигра и Евфрата не установлено.

Вавилон с 2500 г. до Р. Х. Древнее всего была культура в области, лежащей по нижнему течению Тигра и Евфрата близ Персидского залива. Эта равнина беднее Египта породами растений. Винограда и оливки в ней нет; древесных пород совсем мало. Но очень много в ней родилось хлеба. Большую пользу извлекали от финиковой пальмы; из ее плодов делали муку, вино, сахар, уксус; волокнистые части служили для приготовления тканей; косточки употреблялись вместо угля в кузницах или размалывались на корм скоту. В старинной песне говорилось, что пальмой можно пользоваться на 360 ладов.

Равнина вдоль двух больших рек в сущности составляет продолжение большой степи; в течение нескольких месяцев в ней стоит невыносимая жара и все высыхает. К концу весны она обращается в сторону потопа: воды Евфрата и Тигра разливаются широко и местами даже соединяются вместе. И здесь, как в Египте, нужна была огромная работа, чтобы обратить болота, образуемые разливами, и высыхающую после наводнения степь в цветущие сады и нивы. Многочисленные каналы, озера для отвода воды, плотины и водоподъемы были так же искусно сделаны, как в Египте. Насыпи вдоль каналов выкладывались плотными стенами и усаживались пальмами, которые давали драгоценную в этой стране тень. Там, где канал должен был пройти через болотистую местность или где два канала скрещивались между собою, русло помещали в каменных трубах или на сводах, опиравшихся на большие столбы. Каналы были в действии в течение всего года: они служили для передачи орошения и вместе с тем были отличными дорогами для кораблей и лодок.

Но для того чтобы держать все эти сооружения в порядке, нужно было спокойствие в стране. При нашествии чужих или во время ссоры туземных вождей все приходило в расстройство. Иначе когда один правитель соединял все области по нижнему течению двух рек. Один из царей, владевших всем краем, Хаммураби* (около 2000 г. до Р. Х.), велел записать, что "после смут, разоривших народ, он привел в порядок русла рек и каналов, собрал разбежавшихся и обедневших жителей и дал им опять пропитание, охраняя их от врагов". Самый крупный канал он назвал "Хаммураби благословение народа". В наше время после множества нашествий, после господства кочевников в этом краю, когда следа не осталось от великих водных сооружений, страна имеет вид голой унылой степи, прерываемой огромными болотами.

* Хаммурапи. Правил в 1792–1750 гг. до н. э.

В равнине Евфрата нет того замечательного строительного материала, которого так много в Египте: мрамора, гранита и других крепких каменных пород. Жителям страны приходилось готовить материал для домов, храмов, плотин из глины: постройки их были кирпичные. Оттого они не выдержали действия времени, как в Египте, и скоро разрушились. Часто от огромной постройки остаются следы лишь в виде бугра земли или груды глиняных осколков. По таким остаткам нам приходится судить и об огромном городе Вавилоне (слово значит "врата божьи"), лежавшем на Евфрате.

Торговля Вавилона. В нижней части области двух рек земля давала замечательные урожаи, и множество людей были заняты ее обработкой. Но рядом с этим было другое крупное занятие. В то время как долина Нила замкнута, равнина по Евфрату и Тигру открыта во все стороны. Отовсюду соседи могли приезжать за товарами или привозить свои предметы. У жителей равнины не было металлов, камня, строительного дерева; эти материалы подвозились из горных стран с севера и востока. Из степи кочевники, у которых нет хлеба, нет орудий и растительных тканей, являлись за этими предметами и привозили для обмена скот, шерсть, кожи. Из стран южной Аравии, лежавших по другую сторону пустыни, те же кочевники могли подвозить золото, самоцветные камни, ладан для курения в храмах. Наконец с моря могли подходить суда из южных стран Азии, особенно из Индии, со слоновой

костью, пряностями и др. Кроме произведений своих полей и садов, жители равнины могли заплатить за нужные им материалы множеством ремесленных изделий: они выделяли ковры и узорчатые ткани, тонкое металлическое оружие и особенно глиняную утварь с разнообразной и художественной раскраской.

По стране во всех направлениях проходили удобные дороги. К городам, которые имели на реках и больших каналах пристани, прилегали с одной стороны караванные пути из пустыни, с другой – дороги к горным проходам. Главный перекресток этих водных и сухопутных дорог и составлял Вавилон.

Деньги. Торговля, сбыт своих произведений, покупка и перепродажа чужих вещей, перевоз товаров занимали в Вавилоне и других городах множество людей. Большой обмен привел к употреблению денег.

В торговле нужна мерка, чтобы определить цену вещи. Поэтому выбирают такой товар, на который удобно мерить и оценивать все остальные; этот товар служит деньгами. Мы употребляем теперь деньги только из металла*. В старину или в тех странах, где было мало металла или его не умели добывать, деньгами были меха пушных зверей, наприм. куниц, белок (старые русские деньги назывались куны, а вогулы** и теперь еще называют рубль – "сто белок"). У скотоводов деньгами были быки, овцы и т. п.; говорили: рабыня стоит 4 быка, золотой доспех – 100 быков, медный – 9 быков; царский сын давал 100 быков, чтобы выкупиться из плена.

* Наряду с металлическими деньгами в XVIII в. появились бумажные. В настоящее время получают распространение кредитные карточки.

** Вогулы – устарелое название народа манси.

Но когда люди стали добывать металл или получать его в обмен за привозимые ими товары, они охотнее всего обращали в деньги именно металлические куски. Этому много причин. Крепкий, красивый металл всегда всем нужен для оружия, инструментов, для украшений. Затем, он не портится, он как будто вечен. Наконец металл удобно делить на мелкие части: каждый кусочек его имеет цену, и потому на металл удобно расценивать и дорогие и дешевые вещи.

В своей обширной торговле вавилоняне употребляли деньги из металла в большом количестве. Они готовили из него кусочки одинакового веса, т. е. *монету*. Иногда этим кусочкам придавали вид быков или бычачьих голов в память о прежних деньгах. В торговле также ходили золотые, серебряные, медные, свинцовые кирпичики, палочки, кольца, кружки.

При покупке дома, земли, рабов, одежды, зерна и т. д. платили наличными деньгами. Поэтому кто мог старался скопить побольше металлических денег. Особенно большие запасы собирались при храмах богов. Они состояли из вкладов и даров, но, кроме того, многие люди отдавали деньги в храмы на хранение, так как кладовые богов имели хорошие затворы. Богатства богов увеличивались еще от того, что к храмам принадлежали фабрики, прибыль с которых поступала в храмовую казну, или из храмовых складов выдавали материал в мастерские и забирали потом в пользу богов готовые произведения ремесла.

Если уплата производится на деньги, имущество быстро может переходить из рук в руки. При этом часто можно еще получить выгоду от покупки и перепродажи товара. Для всякого предприятия нужно иметь свободные деньги, при помощи которых можно было бы закупать материал, нанимать рабочих и т. п. Из всего этого могут извлечь пользу обладатели металла, если начнут отдавать свои деньги в рост, т. е. заем, и требовать себе прибыли за эту услугу. В Вавилоне жрецы, управители храмовых владений пускали этим способом в ход божьи богатства и запасы; у них можно было также купить монету и выменять ее.

Все подобные расчеты требовали точности. При всякой сделке заключали письменное условие. В наше время в равнине Евфрата и Тигра извлекают из земли десятки тысяч таких условий и квитанций: о выдаче займа и получении расчета, об уплате за наем, продаже имущества и т. п.; они все написаны нарезными знаками на глиняных дощечках.

Писцам было так же много дела, как в Египте. Чтобы не было подделок и обмана, каждую глиняную грамоту покрывали еще новым слоем глины и на нем повторяли ту же надпись. Если потом поднимался спор между заключившими условие или было сомнение насчет подлинности записи, верхний слой разбивали и сверяли содержание его слов по нижней скрытой доске. Деловых сношений было так

много, что у всякого почти человека имелась печать, выпукло вырезанная на крепком камне и служившая вместо подписи; только самые бедные не имели печати и вместо нее оставляли на глиняной грамоте отпечаток своих ногтей.

Богатство Вавилона. Правители страны, царь, его наместники и чиновники, получали крупные доходы с торгового населения; поэтому они следили за тем, чтобы в торговле не было обмана и притеснения. Царь Хаммураби приказал составить большое собрание законов. В них подробно определено, как следует отдавать в наем землю, как пользоваться водой, отводимой из каналов, как должны происходить наем рабочих, покупка рабов, перевоз вещей по рекам. Составитель законов настойчиво требует, чтобы наниматели и нанимаемые, кредиторы и должники честно и правильно выполняли условия и обязательства; за нарушение этих правил он грозит наказаниями. Царь напоминает, что сам великий бог "поручил ему дать стране защиту закона, чтобы сильный не мог вредить слабому".

В Египте в руках немногих семей соединялись большие богатства. Но эти богатства составляли большею частью *недвижимость*; это были крупные имения, в которых собирались и проживались большие запасы. В Вавилоне большая часть богатств состояла в *движимости* и деньгах, которые позволяли быстро менять свой достаток или приобретать редкие и чужие привозные предметы. В жизни вавилонян было больше роскоши и разнообразия. Богатые люди для своего удобства покупали и держали дома привозных рабов. Впоследствии греку-путешественнику Геродоту, посетившему Вавилон, казалось, что нет на свете людей, которые бы более, чем вавилоняне, ценили изысканность одежды и украшений. В высоких завитых париках, в вышитой узорами, широкими складками ниспадающей одежде, вытканых башмаках, с перстнем-печатью на пальце и художественно вырезанной тростью в руке выходил богатый человек на улицу. Греков, привыкших к более простой обстановке, поражали также размеры города и его укрепления: наружные стены Вавилона были длиной в 8 миль*, их высота была до 200 локтей**, а ширина до 50, т. е. верх стены был похож на широкую мощеную улицу, по которой могли ехать в ряд несколько военных повозок. В стенах было проделано до 100 медных ворот. За стенами находился широкий и глубокий ров, наполненный водою. Вавилон занимал пространство вдвое больше современного Лондона; но кроме построек в нем тянулись обширные пустыри, сады и поля.

* Миля – единица длины. Старая русская миля = 7,468 км.

** Локоть – древнерусская мера длины, равная 38–46 см.

Город был выстроен по правильному плану: прямые улицы шли параллельно реке Евфрату, другие пересекали их под прямым углом и упирались в набережную реки; эти улицы запирались также тяжелыми медными воротами. Пестрая толпа людей всякого звания и разных народностей сновала по улицам, заполняла базары на площадях. Над жилищами возвышались огромные каменные дома богов. Они строились на широкой квадратной насыпи и поднимались вверх уступами. Чем выше был этаж, тем более узкий квадрат он представлял собою. Каждый этаж был выкрашен особой краской и блистал позолотой. Входы в храмы и дворцы точно оберегались огромными высеченными из камня фигурами крылатых быков с человеческими головами.

Сказания о сотворении мира и о потопе. Надписи и рисунки, открываемые в равнине Евфрата, изображают нам не только деловую жизнь вавилонян. Мы узнаем их понятия о мироздании, о божествах, о загробной жизни.

У вавилонян было сказание о *сотворении мира*. С начала времен все смешивалось в великом море. Бог весеннего солнца Мардук (он же Бел, т. е. господин Вавилона) создал нынешний мир: он вышел на бой с чудовищем, которое царило в море хаоса, убил его и рассек на две половины: море небесное и море земное; границей между ними он поставил небесную твердь. Потом он поднял из воды землю, создал светила и бросил семена жизни на земную поверхность. Мысль, что вначале все было покрыто водой и все возникло из воды, видимо, внушена картиной ежегодных весенних наводнений, после которых возрождается жизнь: по картине весны ежегодной представляли себе и первую весну мира; оттого и бог-творец – весенний бог. Еще другая черта замечательна в понятиях вавилонян: мир небесный похож на земной, его карта такая же: там – большой океан, совершенно также и внизу земля

держится на огромном море; на небе те же две главные реки, Евфрат и Тигр, там есть свой Вавилон, свой храм Мардука и т. п.

Наводнения внушили еще другое предание – о *великом потопе*. Боги однажды разгневались на род человеческий и решили истребить его, наслав жестокую грозу и ливень. Но один из богов сжалился над любимцем своим и посоветовал ему построить корабль, взять туда своих близких, все породы животных и семена растений. Корабль носился семь дней по водам, его обитатели высылали три раза птиц, одну за другой, чтобы узнать, не прошла ли вода. По окончании потопа жизнь на земле возродилась опять.

Смерть, ад и рай по понятию вавилонян. Понятия о смерти и о том свете у вавилонян были несколько иные, чем у египтян. Смерть казалась им величайшим злом и ужасом. Она "не отпускает на волю" и "как былинку" подкашивает жизнь, "бросает в тяжкие оковы", "пронзает ножом". Все величие и сила мира исчезают со смертью. В сказании о богине Иштар, подательнице всякого счастья и радости на земле, изображено, как сама богиня должна была спуститься в ад и перенести его мучения; с нее сорвали ее венец, все украшения, ее заковали в цепи; ее прекрасное лицо и тело покрылось болезненными язвами, ее сердце и голова были разбиты немощью. Так же точно разбивается и существо человека.

Отвратительные духи наполняют подземный ад. Они мучат души умерших. Но они выходят также на землю; они прилетают из страшной пустыни с запада, они свирепствуют ночью. Это – чудовища, которые жаждут крови, все истребляют и не щадят даже изображений богов. "Они, подобно змеям, вползают в дома людей. Они похищают жену у мужа, вырывают ребенка из рук отца, выгоняют хозяина из среды его семьи. Они переходят из села в село, уводят детей, гонят птицу из гнезда, бьют волов и ягнят, эти злые демоны – дикие охотники". Они приносят засуху, посылают болезни: один – лихорадку, другой – чуму, третий хватает человека за горло.

Будучи окружен злыми бесами и привидениями, человек старается оборониться от них. Самое верное средство – приготовить изображение злого духа, возможно более похожее на него, и повесить эту куклу перед домом, чтобы ее видом отгонять самого беса, или, еще лучше, торжественно и с проклятиями сжечь изображение. Вавилоняне придавали бесам безобразные черты: оскаленные зубы, рога и щетину, хвосты и когти и т. д. Из этого составила фигура черта, которая потом перешла к европейцам.

Гильгамеш и Энкиду борются со львами и быками
Триумф ханаанейского царя.
Гравировка на плакетке (пенале) из слоновой кости

Но сквозь мрачные мысли пробивалась некоторая надежда на избавление. Ежегодно празднуется возвращение из подземного мира умершего молодого бога, которого перед тем с великим плачем провожали в могилу. Так может спастись и человек от вечной смерти. Бог весны и весеннего солнца, Мардук, "милосерд" и "любит воскрешать мертвых". Есть "живая вода" в тайном месте; кто изопьет ее или окропится ею, вернется к жизни и получит бессмертие. На западе далеко, куда заходит солнце, есть "острова блаженных", где нет печали и смерти. Сказание передает, как могучий царь Гильгамеш искал пути к ним. Его друг погиб, его самого поразила тяжкая проказа; но он не хочет умирать; он собирается освободить друга из пасти смерти и узнать тайну бессмертия. Отправляясь на запад, он надеется отыскать своего предка, любимца богов, которого они взяли живым в земной рай. Он проходит страшные ущелья, встречается у входа к горе громадных людей-скорпионов, идет внутри горы в полном мраке и на выходе открывает чудный сад, среди которого стоит божественное дерево со сверкающими, как самоцветные камни, плодами. Наконец он добирается до великого моря смерти, через которое ходит лишь солнце и нет переправы. Но Гильгамеш отыскивает лодочника и после тяжких усилий добирается до другого берега. Здесь он рассказывает своему бессмертному предку страдания. Тот погружает Гильгамеша в волшебный сон и велит отвезти к источнику жизни: больной исцеляется от своей проказы, видит чудесное древо жизни, дающее человеку бессмертие. Затем Гильгамеш отправляется в обратный путь и берет с собою дерево, чтобы насадить из него на своей родине целый лес. Хотя он сам и возвращается домой, но на дороге теряет чудесное дерево.

Эти рассказы вавилонян о странствованиях по неизведанным странам на западе, о земном рае и райском дереве, о переправе через море или реку смерти, о беседе с тенью умершего предка и о целебной живой воде широко распространились не только у соседних народов, они перешли также далеко на запад, к грекам.

Священная наука вавилонян. Лучшую защиту против злых духов, кружащих около человека, вавилоняне думали найти в великих светлых богах, которые царят на небесах и показываются в светилах: солнце, месяце и пяти ярких видимых простым глазом планетах (их латинские названия – Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн). К этим семи высшим силам обращались с молитвами и просьбами; их волю, их указания людям старались прочесть в движении светил.

Вавилонские жрецы подробно занялись изучением небесных явлений, и у них получилась очень сложная и трудная наука. Они составили календарь, который заимствовали потом европейские народы. В вавилонском календаре соединен счет времени по видимому движению солнца и по движению луны. За год приняли срок, в который солнце проходит по большому поясу неба (эклиптике). Год разделили на 12 частей по 30 дней в каждой согласно сроку оборота луны (до сих пор у европейцев луна и тот срок, в который она проходит свой круг, обозначаются одним и тем же словом *месяц*). На годовом небесном круге солнца эти 12 частей отметили большими созвездиями (Телец, Близнецы, Рак, Лев и т. д.). Далее каждому из великих семи богов был посвящен особый день, и таким образом получили еще подразделение месяца на четыре недели. Вавилонская семидневная неделя перешла потом ко всем европейским народам и у некоторых сохранила даже свои старинные названия дней от светил (лучше всего это видно на французском и английском языках: начиная с воскресенья идут день солнца, луны, Марса, Меркурия, Юпитера, Венеры, Сатурна).

Из всех небесных явлений человека особенно поражают затмения. Когда на чистом небе затягивался черной пеленой ясный лик бога-светила, люди были уверены, что предстоит что-нибудь страшное или важное. Вавилоняне старались заметить те сроки, в которые повторяются солнечные и лунные затмения, и научились их предсказывать.

Они точно измерили глазами видимое небо и вычислили, что солнце (во время равноденствия) на небесном полукруге от восхода до заката укладывается поперечником своего кружка 180 раз (3х60). Они стали делить вообще всякий полукруг на 180, а всякий круг – на 360 частей (2х180 или 6х60). Число 60 стало одним из священных волшебных чисел: оно было принято у вавилонян за основу счета, как у нас 100. Час делили на 60 минут, минуту – на 60 секунд. Эти деления круга и часа также перешли к нам.

При всей точности вычислений вавилонских жрецов их представления о мироздании были неверны; они думали, что солнце каждый день действительно катится через все небо и ночью проходит под

землею, что все светила кружатся около земли, которая неподвижно стоит в середине мира. Числа и меры не служили для них простыми отметками: в мировом порядке и в земной жизни должны повторяться волшебные числа три, семь, двенадцать, шестьдесят. Мир состоит из двух великих частей: небесного царства и его точного снимка, царства земного. Каждое образует три слоя, один над другим: воду, твердь и воздух. По твердому поясу неба или по плотине небесной движутся солнце и другие светила.

Далее вавилоняне верили, что небо – великая раскрытая книга, по которой ученый может читать все, что есть и будет на земле. Если небесный мир совершенно так же устроен и разделен, как земной, то события, происходящие в нем, должны с буквальной точностью повторяться на земле. Нужно только внимательно замечать все, что происходит на небе, и находить во всех знамениях настоящий их смысл. Появление над небосклоном одной планеты может означать урожай, восход другой – нападение врага. Есть счастливые и есть зловещие светила, бывает благополучное и бывает грозное их расположение. Заволакивание месяца тучами, яркие зори и т. п., все это – знамения, за которыми идут неминуемо счастье или беда. Судьба каждого человека определена заранее на небе: при рождении, напр., царского сына замечали положение светил и предсказывали его жизнь. Вавилонские предсказатели взбирались каждый день на высокие башни богов, наблюдали, записывали и гадали. Эти выкладки и гадания по движению небесных светил перешли потом к грекам и от них к другим европейским народам; под именем *астрологии* они просуществовали еще 2000 лет вне Вавилона, и лишь за 200 лет до наших дней они были покинуты в Европе*.

* Научные знания нанесли сильный удар астрологии, но в конце XX века астрология вновь получила широкое распространение.

Книги. Наука вавилонян началась очень рано, накапливалась и хранилась очень долго. Судя по тем записям, которые теперь находят европейцы в этой стране, большая часть знаний и наблюдений перешли к ним от более старинного народа шумеров, жившего по Евфрату (стр. 53–54). Этот народ придумал азбуку; на его языке были в первый раз записаны гадания, порядок небесных явлений и календарь; для того чтобы познакомиться с ними, позднейшие вавилоняне должны были изучать чужой старинный язык, составить к нему объяснения, грамматики и словари. Самый путь к науке был таким образом очень сложен и труден.

Вавилонский способ письма был не похож на египетский: для обыкновенного письма брали не бумагу, а тонкие дощечки, и по сырой еще глине надавливали острым резцом, получались бороздки вроде гвоздиков или клиньев, почему этот способ называют теперь *клинописью*. Вероятно, так же, как у египтян, письмо вавилонян началось с рисунков: в некоторых знаках можно узнать звезду, пчелу и т. д. Но при их способе быстро водить по мягкой глине очертания рисунка выходили неясными; вследствие этого перестали придавать значение верности фигур. Оттого вавилонянам было нетрудно перейти к обозначению знаками слогов и звуков.

Высохшие написанные дощечки можно было очень долго хранить. Целая книга имела вид стопки положенных друг на друга кирпичиков. Разрывая холмы и мусор на месте старых городов Двуречья, европейцы недавно нашли целую кирпичную библиотеку*. Она принадлежала царю соседней с Вавилоном Ассирии. Ассирияне усвоили науку и искусства Вавилона; царь ассирийский Ассурбанипал положил много стараний на то, чтобы собрать старинные и новые книги, в которых записаны были сказания, молитвы, наблюдения над небом, гадания. Большею частью это были переводы с более древнего языка; к ним приложены толкования, пособия, словари и т. д.

* Библиотека Ашшурбанипала (правил в 669 – ок. 635 г. до н. э.) находилась в его дворце в Ниневии. Его отец Асархаддон предполагал сделать Ашшурбанипала верховным жрецом, поэтому он изучал все науки того времени, сохранив любовь к ним до конца жизни. Первые находки глиняных табличек сделал англичанин Джордж Смит в 60-х годах XIX в., а раскопал библиотеку в 1887 г. Ормузд Рассам. Сохранилось около 30 000 табличек и фрагментов. Это была первая в мире систематически подобранная библиотека, где таблички были разложены в определенном порядке и имелся каталог.

Язык и сношения Вавилона 1700–1100 до Р. Х. Вместе с торговлей далеко проникал и язык вавилонян. На нем объяснялись не только купцы разных стран, но также правители их. Когда египтяне завоевали Сирию, между Египтом и Вавилоном начались оживленные сношения: караваны торговцев,

посольства от царя к царю двигались вдоль берега Средиземного моря долинами Сирии и равниной по течению Евфрата. Египетские фараоны должны были переводить свои послания на вавилонский язык. На том же языке писали фараонам доклады их наместники, поставленные в азиатских областях. Вавилонский язык служил в Передней Азии тем же, чем был французский в Европе 100 и 200 лет назад и чем служит в настоящее время английский в большей части света.

Недавно в местности Амарна на Ниле посредине между Мемфисом и Фивами найдены были во множестве дощечки, высушенные из нильской глины и исписанные вавилонской клинописью. Они оказались письмами из времен египетского царя Аменофиса IV (стр. 45) и его отца*. Фараон требует себе в жены дочь вавилонского царя; цари уверяют друг друга в верности и преданности, шлют привет и желают всяких благ "дому, женам, сыновьям, вельможам, коням, колесницам, войскам и всей стране"; они напоминают о присылке товаров: египтянину нужен ценный голубой камень, вавилонянину – золото. В Амарне есть несколько посланий к фараону от подчиненного ему князя Урусалима (это – будущий Иерусалим). Семь раз припадает он к ногам царя и еще семь раз он молит не верить слухам о его измене; "не от отца и матери получил я страну, а из могучих рук царя". Его теснят *хабири*, опустошающие все царские владения; пусть царь пришлет войска на помощь.

* В Эль-Амарне найден дипломатический архив египетских фараонов Аменхотепа III, Аменхотепа IV и его ближайших преемников, в том числе Тутанхамона (его неразграбленную гробницу в 1922 г. нашел английский археолог Говард Картер). Египетские фараоны пользовались клинописью для дипломатической переписки с Вавилонией, Ассирией, Хеттской державой.

Эти хабири были евреи, подвигавшиеся со стороны пустыни на Ханаан, южную часть Сирии.

Ассирияне и царство израильское 1100–600 гг. до Р. Х. Власть фараонов после этого недолго продолжалась над Сирией. В Передней Азии кругом пустыни произошли большие перемены. В свое время семитское племя, вышедшее из степей, покорило Вавилонию. Теперь появились новые семиты-завоеватели, на север от Вавилона, в Ассирии по верхнему течению р. Тигра, и на западе, по другую сторону пустыни, в Ханаане.

Ассирия – гористая область, скудная сравнительно с областью нижнего Евфрата. Ее жители долго были в стороне от оживленного быта вавилонян. Но они завладели важными торговыми путями, которые направлялись от Вавилона по течению больших рек к горным странам Кавказа и к Средиземному морю. В руках ассириян скопились большие богатства, произведенные трудом и изобретательностью вавилонян. Но земледельческая и торговая Вавилония на войне постоянно уступала своим воинственным соседям. Ассирийские цари не раз покоряли Вавилон.

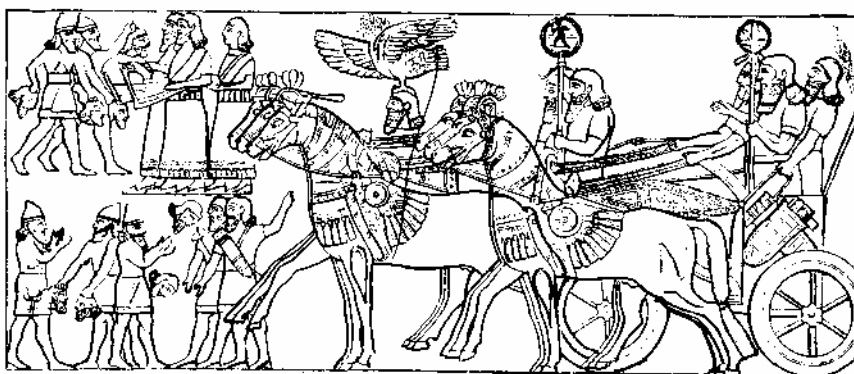
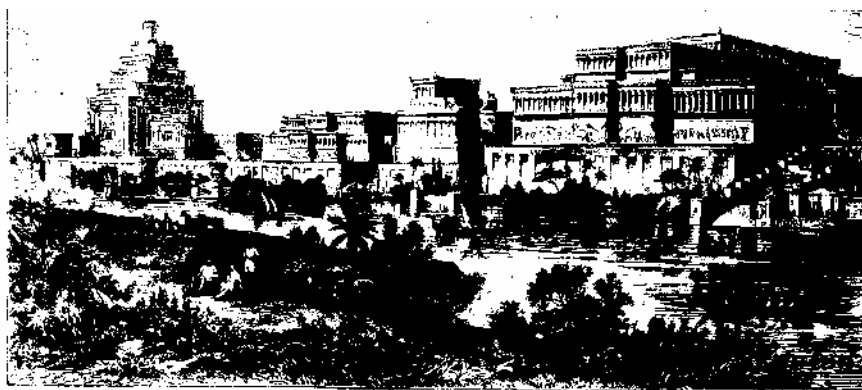
В Ханаане Давид образовал около 1000 г. израильское царство. Оно доходило на юге до Аравийского залива, на севере захватывало главный город Сирии, Дамаск. Его сын Соломон, женатый на египетской царевне, построил в Иерусалиме большой храм Богу Израиля, по величине и великолепию равный большим святилищам Фив и Вавилона.

Царство, основанное Давидом, скоро распалось. Народ был недоволен тяжелыми поборами и податью, который требовал царь Иерусалима для своих походов и построек. Из 12 колен отложились 10 и составили на севере израильское царство с городом Самарией. Сын Соломона сохранил лишь маленькое иудейское царство на юге со старой столицей Иерусалимом.

Завоевания ассириян. Гораздо сильнее оказалось государство ассириян, захвативших равнину двух рек. Они остались неукротимыми воинами, и долгое время никто не мог им сопротивляться. Скоро на берегу Тигра вырос их город *Ниневия*, не уступавший Вавилону размерами и похожий на него по своим постройкам. Страшной грозой налетали ассирияне на соседей. Быстро двигались вперед воины: они переплывали реки на больших раздутых мехах или перегораживали поток стволами деревьев. На множестве картин, изображенных ассириянами, можно видеть однообразные ряды мускулистых мрачных бородатых воинов: голова их покрыта остроконечным медным шлемом, на теле поверх рубахи панцырь, т. е. кожаная куртка, обитая выпуклыми металлическими пластинками; в одной руке длинное копье с железным наконечником, в другой – большой щит, обитый бронзой; ноги также защищены металлическими полосами. Такой воин был почти неуязвим.

При нападении страшны были также боевые колесницы, обитые медью и запряженные парой лошадей. На них обыкновенно, стояли три человека: возница, стрелок из лука, или копейщик, и

оруженосец, закрывавший воина щитом. Ставши в ряд, эта тяжелая кавалерия старалась сильным натиском опрокинуть врага. Когда он рассеивался и бежал, воины на колесницах добивали и растаптывали колесами отстающих, сбрасывали беглецов в реку. За армией следовал отряд землекопов и механиков, которые выравнивали дороги в горных местностях, готовили орудия для разрушения стен и т. д. Ассирийские солдаты казались людьми несокрушимой силы. Иудейский пророк Исайя, близко видевший их, говорит: "У них нет ленивых; никто не спотыкнется, не задремлет, не распустит пояса или ремня на башмаке".

Дворец ассирийских, царей Триумфальное шествие Ашшурбанипал на троне.
в Ниневии. Реконструкция царя. Из барельефов в Дрeвнеассирийское
Ниневии изображение

Суровы были и их вожди. На стенах дворцов, на каменных досках и столбах они оставили рассказы и отчеты о своих предприятиях, где с особенной гордостью говорят о разрушениях, которые они произвели, об уничтожении городов и сел. Один из них пишет: "Я пронесся подобно истребительному урагану. На обгащенной земле оружие тонуло в крови врагов как в реке. Я нагромоздил трупы их солдат в виде победных курганов и отрубил им конечности. Пленникам я отсек руки; я сокрушил их, как солому". Часто ассирияне истребляли все мужское население покоренной земли, женщин и детей забирали в рабство и продавали в плен. Иногда, впрочем, щадили часть побежденных: убивали вождей, знатных людей, но оставляли в живых простой народ, с тем чтобы насильно переселить его в другую покоренную и опустошенную страну, где новые переселенцы не могли быть опасны, но должны были работать на земле и платить дань. Иудейские пророки называют Ниневию "логовищем львов, кровавым городом, скопищем добычи".

На картинах видно, как цари и их приближенные стоят с важной осанкой, гордо выпрямленные, или несутся, бешено увлекаемые конями в опасной охоте на львов. Или еще: царь отдыхает в беседке своего парка; он полулежит на высоком диване; ниже сидит на кресле одна из его жен, оба с кубками в руках, кругом придворные, размахивая веерами, прохлаждают царскую чету; на ближнем дереве висит раскачиваемая ветром голова побежденного царя-соседа.

Особенно сильно было государство ассириян около 700 года до Р. Х. Завоеватели перешли из равнины двух рек в Сирию. Царь Саргон* захватил Самарию, столицу израильского царства, опустошил страну и переселил большую часть народа в горные области, лежавшие за Тигром. Иудейский царь в Иерусалиме, Езекия, спасся только тем, что выразил полную покорность ассириянам: он послал в Ниневию 300 талантов (т. е. больших мер) серебра, 30 талантов золота, драгоценные камни, мебель из слоновой кости, изделия из ценного дерева, своих дочерей и придворных служанок. Немного позже ассирияне прошли в Египет и взяли Мемфис и Фивы, нильская долина стала

подчиненной областью Ассирии. Государство простиралось при царе Ассурбанипале от гор Армении и Ирана до Сахары и было гораздо больше, чем царство Тутмеса III египетского.

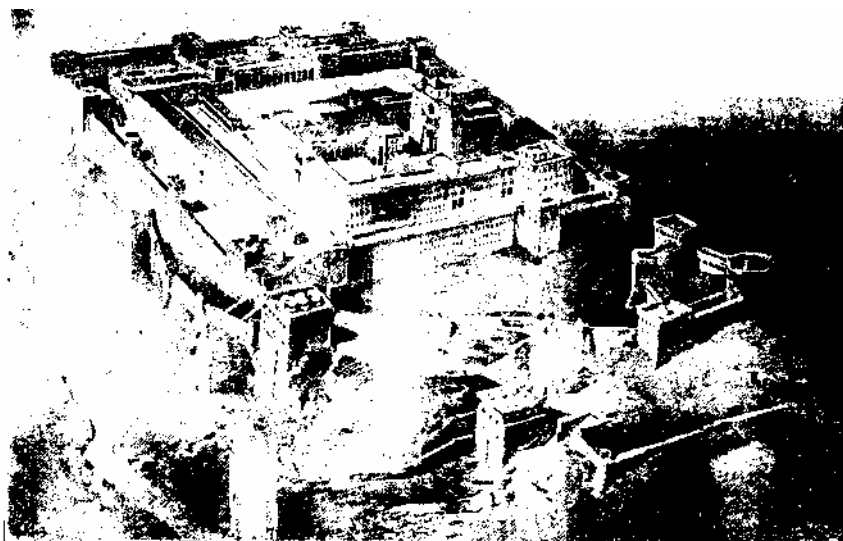
* Саргон II правил в 722–705 гг. до н. э. Самария была взята и разрушена после трехлетней осады в 722 г. до н. э.

Падение Ассирии и Иерусалима. Но в этом виде оно продержалось недолго. В Египте Псамметих, один из князей соседней Ливии, нанял греческих воинов, прибывших морем, и изгнал ассирийцев с Нила. Вавилоном завладели халдеи, народ, живший у Персидского залива, а с гор Ирана надвинулись на Ассирию мидяне. Халдеи и мидяне осадили Ниневию и разрушили город до основания (607 г. до Р. Х.)*. Иудейский пророк Софония говорит: "Господь истребит Ассирию и превратит прекрасный город Ниневию в пустыню, в дикий край, где нет дороги".

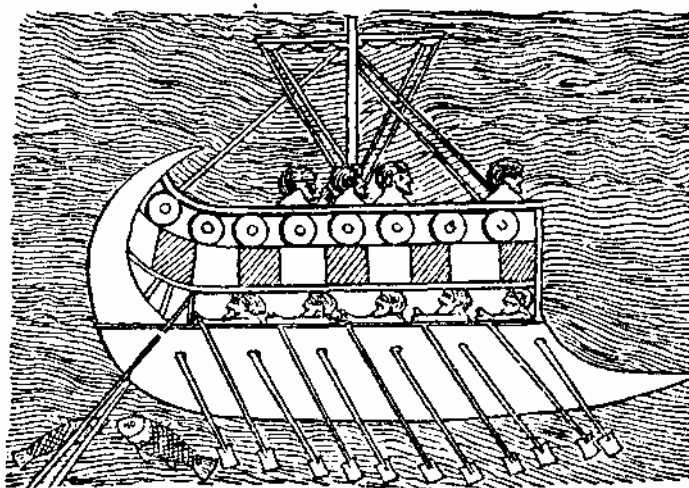
* Ниневия была разрушена в августе 612 г. до н. э.

На короткое время халдеи заняли в Азии место ассирийцев. Царь халдейский Навуходоносор из своей столицы Вавилона повторил походы к Средиземному морю. Он потребовал покорности иудеев и подступил к Иерусалиму. Иудейский царь рассчитывал на помощь египетского фараона и не сдавался. Напрасно пророк Иеремия предостерегал не обманываться и не ждать избавления. "Даже если вы разобьете все войско халдеев и оставите лишь несколько раненых, они поднимутся, каждый из шатра своего, и сожгут этот город огнем". Пророка не послушали и бросили в тюрьму. Но скоро Навуходоносор взял Иерусалим. Он поступил так же, как раньше Саргон с израильским царством: разрушил город и храм, взял в плен царя и переселил большую часть иудейского народа в Вавилонию (в 588 г. до Р. Х.)*. Это начало *великого вавилонского пленения*.

* Навуходоносор взял Иерусалим после двухлетней осады в 587 г. до н. э.

*Иерусалимский храм
при царе Соломоне. Модель*

Финикийская галера

Финикияне с 1000 г. до Р. Х. Жители долин Нила и Евфрата создали исстари сами свою культуру; ассирияне, евреи и халдеи взяли у вавилонян и более старинных шумеров очень многое уже готовым. Еще один народ в Передней Азии, родственник евреям, воспользовался знаниями и искусством вавилонян и египтян.

Сирия кончается у Средиземного моря узкой береговой полосой, которая отделена от остальной земли крутым хребтом Ливана. Сюда спасались многочисленные беглецы от нападений кочевников, выходивших время от времени из глубины аравийской степи. На берегу поднялись города *Сидон*, *Тир* и др. Жители их не имели вовсе земли для обработки: они стали промыслять рыбной ловлей на море и перевозом товаров между Египтом и странами Передней Азии. Но большинство уходивших на этот берег не останавливалось здесь: собираясь сильными отрядами, они пускались в море, с тем чтобы найти себе новую родину. Высадившись снова на чужом берегу, переселенцы поступали как завоеватели: отнимали у туземцев землю, требовали у них дани, строили свои города. Впоследствии греки, соперники этих мореплавателей и поселенцев, называли их *финикиянами*, а берег азиатский, откуда они вышли, — *Финикией*.

Большая часть финикиян жила за пределами Финикии, на островах и берегах Средиземного моря: на Кипре, где в старину было главное месторождение меди, в Сицилии, а более всего в северо-западной Африке (нынешнем Тунисе), где ими был основан *Карфаген* ("Новгород"). Отсюда финикияне заняли еще берега южной Испании. Пророк Исаия сравнивает финикийские корабли, нагруженные испанским золотом и серебром, с быстро несущимися облаками, с голубями, которые летят к своим домам.

Финикийские города, расположенные в трех частях света, не составляли одного государства. Но между городами *метрополи*, т. е. родины, и *колониями*, т. е. новыми поселениями, сохранились дружеские отношения; везде чтили солнечного бога Мелькарта, который странствует с мореплавателями, показывает им путь; изображение его ставили в гавани; перед отплытием и по окончании путешествия ему приносили жертву.

Добравшись до Гибралтарской скалы, против которой поднимается высокий берег Африки, финикийцы сначала решили, что Мелькарт поставил здесь людям пограничные столбы: позади них бог уходит на покой. Но потом они отважились и за столбы. На берегу Испании у Атлантического океана они построили на выдающейся скале *Гадир* ("крепость" – это нынешний Кадис*). Особенно далеко финикийские моряки плавали на юг вдоль берегов Африки: они знали Канарские острова и Гвинею. Греки рассказывали еще про удивительное путешествие финикийцев, находившихся на службе египетского царя, кругом всей Африки.

* Гадес – современный Кадис.

Ни один народ в старину не объехал столько стран, как финикийцы. Им хорошо были известны извилины берегов Средиземного моря, проливы его, стоянки на островах, удобные гавани и опасные скалы или мели. Они открыли для народов Востока большую часть южно-европейских стран. От тех двух названий, которые они дали своей родине и новооткрытым землям, *асу* (восход) и *эреб* (закат), произошли имена двух материков, Азия и Европа.

Финикийцы везли на запад по большей части изделия вавилонского и египетского ремесла: ткани, оружие, посуду, предметы роскоши, между ними стеклянные вещи; напротив, с запада в Азию они доставляли сырые материалы: металл, красную краску, добывавшуюся из пурпуровой улитки. С берега Балтийского моря они получали янтарь, ценившийся для украшений, из нынешней Англии олово, необходимое для приготовления бронзы. Тот и другой предмет подвозились через Среднюю Европу вдоль речных долин к берегам Средиземного моря.

Азия относилась тогда к Европе так же, как теперь европейцы – к полудиким народам Азии и Африки. Финикийцы нередко круто пользовались выгодой своего положения: они обращались в морских разбойников, захватывали на чужом берегу беззащитных жителей, особенно женщин и детей, и везли продавать в рабство на азиатские рынки.

Финикийцы воспользовались не только товарами, но также изобретениями Вавилона и Египта. Они взяли оттуда меру и вес, а также азбуку. В торговом деле им нужны были простые значки, которые можно быстро писать. Они заимствовали поэтому одни *звуковые* буквы; в их азбуке было только 22 знака. На эту финикийскую азбуку похожи все позднейшие европейские азбуки (греческая, латинская, немецкая, славянская).

Средиземное море. Культура восточных народов уже давно проникла на запад по дорогам, пролежавшим через Малоазиатский полуостров. Со времени путешествий финикийцев прибавился новый удобный путь – Средиземное море.

В старину морское плавание было непохоже на современное. Моряки выезжали только летом; они не решались далеко отходить от берега, огибали иногда ради этого огромные дуги вместо того, чтобы ехать прямо в открытое море, или перебирались от острова к острову, стараясь уже при выезде заметить впереди ближайшую стоянку. Средиземное море вырезано именно таким образом, что в нем можно почти не делать больших переездов. Далеко вытянулись с севера четыре длинные выступа: Испания, Италия, Балканский и Малоазиатский полуострова; навстречу первым двум выдвинулись оконечности северо-западной Африки. В виде продолжения полуостровов и мысов, от которых могут выходить в море пловцы, поднимаются острова: Кипр, Крит, Родос, Сицилия, Сардиния, Корсика, Балеарские; это – промежуточные стоянки, с которых часто видна дальше следующая цель. Старинному мореплавателю вообще нетрудно было освоиться с этим морем.

Но раз завязались сношения между странами, прилегающими к нему, они должны были расти и расширяться; берега Средиземного моря однородны по своему строению, климату и растениям; переселенец из Азии не терялся на приморской полосе Африки или Европы, не чувствовал себя совсем чужим в новом краю. Он возводил здесь такие же жилища, как на родине; встречал привычные знаки и

деревья или переносил и прививал привычные ему растения. В свою очередь он невольно втягивал туземца в морские плавания; прибрежные жители по примеру финикийян строили корабли и везли за море свои товары или выселялись, если им было тесно дома. Быстро доходили морской дорогой новости, изобретения, ремесленные изделия; торговля сближала далеко отстоявшие друг от друга страны и племена. Постепенно составлялся как бы особый мир Средиземного моря. Следом за финикийянами в него вступили греки.

III. ГРЕЧЕСКАЯ СТАРИНА 1000 – 700 ГГ. ДО Р. Х.

Страна греков. Южная часть Балканского полуострова называлась по-гречески *Геллада*, или *Эллада*, от имени народа *гелленов*, или *эллинов*. Эта страна очень гориста; по всем направлениям расходятся горные кряжи и ветви. С севера от широкой части полуострова очень трудно было пробраться к грекам: надо подниматься через несколько горных гребней, двигаться по ущельям и трудным перевалам. В Греции можно было жить покойно, не боясь нашествий кочевников, как в доме с крепкими стенами и надежными запорами. Вся Греция разбита горами на небольшие области; из одной области в другую часто ведут только одни горные тропинки. Во всякой области мог засесть независимый народец.

На каменистой земле Греции плохо вырастал хлеб, но можно было разводить мелкий скот, коз и овец, которые ощипывали траву на склонах. Пресной воды в стране мало; с гор сбегают речки и ручьи, скоро впадающие в море. Оттого из-за воды постоянно ссорились и бились соседи. Главное же условие при заключении союза было: "Обещаюсь не лишать союзника текучей воды".

Море. В такой земле поневоле надо было подумать о новом промысле, когда народ размножился. Куда ни оборачивался грек, везде перед ним открывалось море. Море не пугало его. На востоке Архипелаг (у греков *Эгейское море*) во многих местах входит в землю глубокими бухтами, в которых нет бурь, и суда могут стоять покойно. Это море похоже на озеро. Всюду невдалеке от берега виднеется островок или даже несколько островков: доехав до ближайшей остановки, грек видел перед собой новые острова и, перебираясь по ним, как по мосту, мог заехать далеко, достигнуть, например, берега Малоазийского полуострова.

Греки скоро освоились с восточным морем. Только в короткое зимнее время оно непокойно. В остальные месяцы моряки пользовались правильными ветрами и течениями. Днем поднимается сильный северный ветер, который к вечеру ложится. По середине моря проходит течение с севера; по обе стороны вдоль берегов – обратные течения. Большинство греков имело прямой доступ к морю. В Греции не найдется места, от которого морской берег отстоял бы более, чем на 60 верст; с каждой высоты оно видно. Греция не больше Португалии, а береговая линия Греции со множеством ее изгибов и заворотов, длиннее берега всего Пиренейского полуострова, который вшестеро больше Португалии.

Греция за 2000–1000 лет до Р. Х. Задолго до появления финикийян в Европе жители южной части Балканского полуострова и островов Эгейского моря были в сношениях с Передней Азией и Египтом. Подражая египетским фараонам, вожди строили себе большие дворцы: стены их были украшены картинами из жизни животных и яркой глазурью, двери и пороги блестели металлической обивкой, пол выкладывался из цветных камешков. Женщины наряжались в богатые уборы, раскрашивали себе лицо; в их туалете, на столах, по стенам можно было встретить разные заморские диковинки: зеркальца, медальоны, кинжалы с резной рукояткой и т. п. Загробную жизнь представляли себе, как старинные египтяне. Задолго готовил себе вождь гробницу наподобие египетской пирамиды; она выкладывалась в виде большого каменного свода внутри скалы; над входом одной гробницы лежит камень в 7 ¹/₂ тысяч пудов*. На эти тяжелые работы сгонялись крепостные, как в Египте.

* Пуд = 40 фунтам = 16,38 кг.

Особенно богаты были владельцы дворцов на острове Крит, который ближе всего к Египту и находится посредине между Пелопоннесом (полуостровом на юге Греции) и Малой Азией*.

* В III- II тысячелетиях до н. э. на острове Крит развивалась так называемая минойская культура, названная по имени легендарного критского царя Миноса. Эта культура оказала сильное воздействие и на материковую Грецию. Английский археолог сэр Артур Эванс начал в 1900 г. раскопки дворца в Кноссе (Крит), в ходе которых и была открыта минойская культура. Приблизительно с 1600 г. до н. э. стала развиваться микенская культура с центром в Микенах. Обширные дворцовые и городские постройки раскопаны также в Тиринфе, Пилосе, Афинах и Фивах. В конце микенской эпохи произошла Троянская война, отразившаяся в поэмах Гомера. В XII в. до н. э. Среднюю Грецию и Пелопоннес захватили дорийские племена, опустошившие микенские поселения»

Вожди и набеги греков около 1000 г. Позднее пришли с севера воинственные племена, которые частью разрушили старинные дворцы, частью захватили их богатства. Весь быт переменялся, стал проще и беднее: исчезло подражание Египту, большие гробницы, живопись на стенах. Позднейшие поколения смотрели с удивлением на остатки старинных построек и считали их работой допотопных великанов.

Предприимчивые вожди собирали дружины товарищей и слуг из самых сильных людей и отправлялись морем на крупный грабеж. Иногда такими набегами жило целое племя. Забранную добычу частью продавали и выменивали. При дележе захваченного богатства народ считал своего вождя особой наградой, уступал ему лучших пленников, которые делались рабами, выделял ему лучший участок земли во всей области. Когда все племя сходилось на общий пир в честь своего бога-покровителя, вождя сажали выше всех и давали ему лучшие куски жертвенного мяса. Сильный и богатый вождь выстраивал себе большой крепкий замок на крутом холме, обводил двор высокой стеной с бойницами и господствовал отсюда над округой.

Греческие вожди считали себя существами высшей породы, назывались потомками богов и царями. Но их нельзя и сравнивать с восточными царями Египта, Ассирии и Вавилона. Греческие цари похожи на каких-нибудь кавказских или туркменских князьков или на старинных воинственных помещиков; у них иной раз было не более сотни людей в подчинении.

Кто из царей был покрупнее, требовал в своих затеях подмоги у других, мелких. Старинные песни греков рассказывают, как сильный царь города Микен, в Пелопоннесе, Агамемнон, со своими союзниками напал с моря на Приама, царя города Трои, находившегося в северо-западном углу Малой Азии. Греческие витязи со своими дружинами вытащили на берег суда и устроили укрепленный лагерь с валом и рвом. Каждый день выходили они на бой с троянцами, которые покидали свои крепкие стены, оставляя внутри их только стариков, женщин и детей. Брать укреплений в то время не умели. У осажденных и осаждавших паслись стада в стороне от города и лагеря; иногда воины заняты были тем, чтобы отбить скот у врагов.

Битвы. В битвах вожди и их товарищи выезжали вперед на двухколесных повозках, запряженных парой коней; они были одеты в бронзовые латы и шлемы; в левой руке был тяжелый медный, обтянутый кожами щит; иногда щит был роскошный, разрисованный фигурами с позолотой; в правой руке было длинное ясеневое копьё с бронзовым наконечником. В повозке ехали двое, обыкновенно близкие друзья; один стоял, готовясь бросать копьё, другой управлял конями. Простые воины шли кучками кругом вождей, пешие, в холщовых рубашках и кожаных шапках, с короткими дротиками; они бились врассыпную. Встретив такую кучку пеших врагов, вождь проскакивал между ними или гнал с десяток перед собою.

Вожди и богатыри обеих войск искали друг друга, чтобы померяться силами. Перед поединком они спрашивали имя друг у друга, хвастливо вызывали один другого или выговаривали условия: например, чтобы победитель, сняв с убитого доспехи, выдал родным тело для погребения, а не бросал на съедение собакам. Иногда, если силы противников были равны, они расставались мирно, даже менялись оружием. По временам оба войска уговаривались выпустить своих лучших бойцов и ставили условие, что та сторона, богатырь которой будет побежден, должна отступить или выдать выкуп. Тогда все воины садились рядом и смотрели на бой. В поединке сначала бросали копьё, от которых противник

закрывался щитом; иногда метали друг в друга попавшийся под руку тяжелый камень; наконец, подойдя вплотную, рубились мечами.

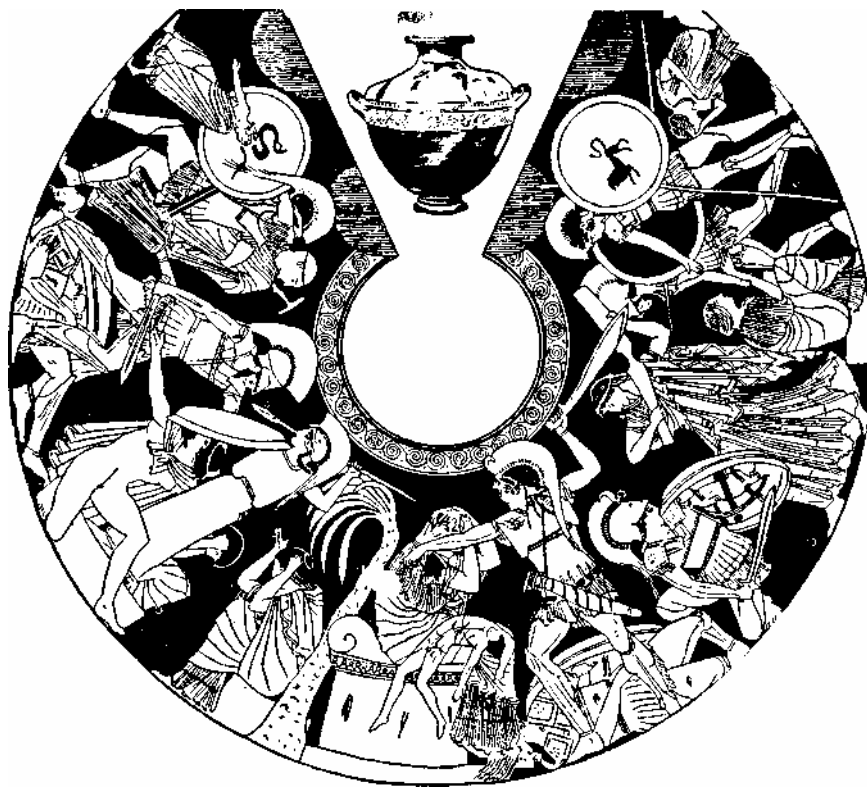
*Дамы в голубом. Фреска из
Кносского дворца на Крите*

Гомер. Античный бюст

*Варвар ведет в плен гре-
чанку*

*Падение Трои. Краснофи-
гурная ваза V века до н. э.*

Совет и сходка. Когда надо было обдумать важное решение, например продолжать ли затянувшуюся осаду, или возвращаться домой, главный царь созывал на *совет* других вождей. Каждый по очереди брал в руки царскую палку (скипетр) и говорил свое мнение; иные говорили очень красноречиво, и их охотно слушали. Нередко вожди распалялись в споре и бранили даже главного царя.

Реже звали на *сходку* всех воинов. Царский вестник скликал их по лагерю громким голосом. Народ, собравшись, садился рядами: на особом возвышении садились вожди. Царь сам или через вестника открывал свое решение или то, что надумали все вожди вместе. Нередко поднимался шум, в котором сначала ничего нельзя было разобрать. Одни одобряли решение, другие выражали неудовольствие. Вожди не спрашивали по очереди мнения простых людей. Они были довольны, когда слышалось больше одобрительных криков. Если беспорядок становился велик, какой-нибудь сильный и строгий вождь начинал расправляться палкой направо и налево. Особенно доставалось смельчакам, которые, разойдясь, чересчур уж поносили царей.

Вожди нередко вовсе не слушались главного царя: отставали со своими товарищами и слугами от общей битвы и либо сидели без дела в своих палатках, либо совершали набеги отдельно от остальных дружин.

Быт вождей. Между вождями и простыми людьми во всем была большая разница. Недаром вожди в старинных греческих песнях зовутся "благородными", "жирными", "счастливыми" людьми. Царь любил жить в просторном дворце со своей родней и кормить за своим столом товарищей или подначальных вождей. В доме Приама, по словам песни, жили 50 его женатых сыновей и двенадцать дочерей с мужьями. Это был целый род. Спали в небольших каменных каморках, а на обед или для беседы собирались в просторный деревянный зал внутри дома. В середине его горел очаг.

В жизни было много грубости: кругом очага в зале стояла зола и сор; оружие, висевшее на стене, было покрыто копотью от дыма. В комнатах и на дворе бросали в углы что попало: кости, шелуху, объедки; при входе в ворота можно было наткнуться на навозную кучу, на которой лежала старая собака; кругом дома бродило много лишней дворни.

Владелец замка имел у себя в поместье все, что было нужно для пропитания. В садах и на полях у него работали крепостные или нанятые люди. В девичьей сидело множество рабынь; они пряли и ткали одежду для всего дома. У царя Одиссея во дворце было 50 рабынь, и к стадам было приставлено столько же рабов; всего у него было 72 стада, из них 24 стада свиней в 1200 голов. Господа и сами

умели много сделать: на войне они сами жарили мясо в палатке; царь Одиссей сготовил себе кровать и небольшой корабль. Царица сидела за шитьем со служанками; царская дочь ходила с рабынями полоскать белье на речку.

С большой пышностью справлял вождь похороны своего родственника или близкого. Под Троей витязь Ахилл потерял в битве друга и названного брата своего Патрокла. Ночью к нему является душа умершего, умоляя поскорее похоронить тело, иначе она не может проникнуть в подземный мир через адскую реку и осуждена блуждать; Ахилл хочет обнять душу, так похожа она на умершего друга, но она, как дым, опускается в землю с тихим шелестом.

На другой день воины срубают огромные дубы и устраивают из поленьев широкий костер. Ахилл и другие срезают с себя волосы и бросают на костер. В середину его кладут тело умершего; тело покрывают жиром жертвенных баранов и быков, а туши их разбрасывают кругом; около тела ставят еще кувшины с маслом и медом. На костер кидают убитых лошадей и собак; наконец Ахилл бросает еще 12 зарезанных молодых пленников и зажигает огонь. Всю ночь льет он на землю вино из кубка, призывая ветер на помощь огню. Утром потухающий костер заливают темным вином, отбирают кости сожженного трупа и кладут их в золотой сосуд. Эти останки засыпают сверху высоким курганом.

Певцы. Вожди любили слушать песни о своих подвигах. При дворах постоянно гостили певцы, которые слагали новые былины или повторяли старые, особенно любимые. Певец мерно и протяжно сказывал былинку, ударяя по струнам гуслей. Иногда он пел среди хоровода; около него в такт вертелись скоморохи. Лучшие песни были позднее соединены искусными поэтами в два больших стихотворных рассказа, Илиаду и Одиссею. Греки приписывали их одному автору – Гомеру.

В Илиаде рассказывается о битвах под Троей (иначе называемой Илион) и особенно о подвигах Ахилла, лучшего греческого витязя, сына морской богини. Ахилл поссорился из-за добычи с главным царем Агамемноном и перестал биться против троянцев; но когда троянский богатырь, сын царя Приама, Гектор, убил его друга, Патрокла, и снял с него Ахилловы доспехи, кованные самим богом огня, разъяренный Ахилл вышел на мщение: он перебил множество троянцев и в поединке заколол Гектора. Старик Приам видит со стен, как тело его любимого сына предается позору, привозит страшному Ахиллу дары и выпрашивает труп Гектора на погребение.

В Одиссее рассказывается о том, как после разрушения греками Трои царь Одиссей поехал домой, но был занесен далеко, испытал много чудесных приключений, потерял все свои корабли и товарищей и вернулся на свой родной остров Итаку нищим. Дом Одиссея оказался разграбленным; там пировали молодые князья, которые искали руки его жены и обладания царским дворцом; Одиссей при помощи богини Афины перебил их и воцарился опять.

Игры. Когда царь принимал знатного гостя или поминал умершего, он любил показать и свое богатство, и удалство богатырей. Похоронив Патрокла, Ахилл позвал всех греческих вождей на воинские игры в честь убитого. Сначала шестеро лучших возниц поскакали на колесницах большим кругом по полю. Наградой победителям Ахилл выставил искусную рабыню-работницу, огромный сосуд для варки еды, лошадь, свешанное золото и кубок. Пока неслись ездоки, между зрителями многие держали пари.

Потом вышли борцы на жестокий кулачный бой, и один витязь грозил раздробить противнику кости и порвать кожу. Далее следовали: рукопашные схватки, состязания в беге, сражение воинов в полном вооружении, бросание железного круга и, наконец, стрельба из лука в живую цель – привязанную к мачте горлицу.

Простые люди и рабы. Тяжело жилось простому человеку, у которого было мало земли и мало родства. Все споры решались силой. Во время набегов безжалостно разоряли поля, жгли дома и угоняли скот у сельчан. "Простые люди в руках крупных господ беззащитны, как соловей в когтях у ястреба", говорит крестьянин-поэт того времени (Гесиод). Кто вовсе не имел своей земли, должен был поневоле брать тяжелую работу у богатого; а не было доли хуже батрака. Часто рабочий закабался на всю жизнь у хозяина. В кабалу попадал и пленный, который не мог заплатить выкупа.

Над рабом господин имел полную волю. Доля рабов могла быть различна. Иные вырастали в большом доме вместе с господскими детьми и обладали доверием хозяев; таков был, например, раб Одиссея, свинопас Евмей, у которого была выстроена своя избушка, было свое небольшое стадо и даже

свой раб; ему первому открылся нищий Одиссей по возвращении домой, раньше, чем жене и сыну. Тот же Одиссей, однако, перебив женихов своей жены, безжалостно расправился с рабынями, которые им служили: он удавил их на дворе своем, и никто не посмел вмешаться.

Суд. Но перебитые Одиссеем женихи были люди богатые и с родней. На другой день разъяренные родственники подступили ко дворцу и осадили его, готовые ответить на кровь кровью. Одиссей должен был пойти на уступку и заплатить за убитых большой выкуп.

В наше время, если совершено убийство, грабеж или воровство, насилие, власти забирают обидчика и вмешивается суд; суд зовет свидетелей, разбирает дело и наказывает виновного. Не так было тогда. На обиду люди отвечали собственной расправой. За убийство мстили убийством: если не могли достать самого обидчика, старались убить кого-нибудь из близких ему; на грабеж, увод скота отвечали грабежом. Чтобы заставить человека отдать какую-нибудь отнятую вещь, забирали у него, в свою очередь, что-нибудь и не отдавали, пока он не возвратит захваченного.

Только в том случае, если силы обеих сторон были одинаковы, если люди не хотели драться, они искали посредника. Посредником мог быть царь, или его товарищ, или уважаемые в округе старики. Тогда устраивался суд. Судьи садились полукругом на гладких камнях и звали обоих поссорившихся; кругом толпился народ и вставлял шумно свои замечания.

Но и этот суд был не похож на наш. Тяжебщики не рассказывали подробно дела: они клялись только каждый в том, что говорит правду. Они могли еще для подтверждения клятвы привести своих родных и товарищей. Судьи по очереди говорили, на чьей стороне они видят правду. Сами судившиеся платили им за их суд как за особое одолжение. А чтобы не было обмана и судья не боялся, что сделает свое дело даром, наперед на глазах у всех выкладывалось золото, которое должно было пойти судьям в награду.

Понятия о добре и зле. Люди в то время не знали, что такое вина или грех. Убийца, заплатив выкуп, спокойно оставался среди народа. Убить человека не беда, – беда, если за убитого будут мстить. Боги сами постоянно воюют между собою, в борьбе под Троей одни боги стояли за греков, другие – за троянцев. Порядки на земле зависят от расположения богов или от того, что более сильный, более хитрый бог одолевает противника и устраивает дело по-своему.

Но боги часто не знают будущего. Перед решительным боем Ахилла и Гектора главный бог Зевс гадает, кому из них должна достаться победа, кому – смерть: он берет весы и кладет два жребия; жребий Гектора опускается книзу, ближе к подземному царству мертвых, и его участь решена.

Одного боги требуют от людей: гостеприимства. Когда чужой войдет в дом и сядет в золе у домашнего очага, он становится под покровительство бога. Его угостят, ему дадут защиту и на прощание одарят. Это нужно сделать еще и потому, что он разнесет о хозяине добрую славу.

Представления о богах. В то время греки думали, что у богов те же порядки и нравы, как у людей. Между богами есть главный бог, царь над другими, громовик Зевс. Он гораздо сильнее остальных; однажды он предложил всем богам схватиться за веревку и тянуть ее с земли вниз, а он один удержит веревку сверху. Но его не всегда слушаются. Он запрещает, например, другим богам вмешиваться в битвы: тогда они пробираются тайком. Одно время Зевс стоял за троянцев и давал им перевес. Тогда его жена, Гера, которая держала сторону греков, обманывает его: она уговаривается со Сном и усыпляет мужа; тем временем греки бьют троянцев.

Зевс. Античный
мраморный бюст

На вершинах гор, под облаками, особенно на снежном недоступном человеку Олимпе у богов есть дворцы, как у людей: их строил бог-художник хромоногий кузнец Гефест. В зале у Зевса боги пируют: у них есть свой божественный певец, Аполлон.

Боги близки к людям; они вступают с людьми в браки, и, по рассказу певца, под Троей сражалось немало божьих детей. Боги постоянно спускаются на землю, ведут воинов на бой, спасают своих любимцев и сыновей от смертельного удара; иногда в пылу битвы они сами получают раны от смертных. Сила богов велика, но она мерится все же человеческой силой: богиня-воительница кричит в битве, как несколько десятков человек; морской бог в четыре шага переходит полморя.

Мифы. В своих песнях греки без конца могли рассказывать о богах и о приключениях могучих божьих детей, которых они называли героями. В этих рассказах, по-гречески *мифах*, можно узнать много чужих вавилонских и египетских сказаний. У многих героев есть признаки солнечного божества или подробности их приключений напоминают борьбу бога солнца с его врагами. Но у греков чудесные приключения богов перенесены на землю и связаны с определенными местами.

В дальней Финикии жили брат и сестра, Каdm и Европа. Зевс принимает вид белого быка; он уносит Европу на своей спине и переплывает с нею море к острову Крит. Здесь у них рождается Минос, будущий царь Крита. Его сын Минотавр – чудовище, полубык, получеловек. Отыскивая сестру, Каdm отправляется в странствование на запад, доходит до Греции и основывает город Фивы. Он учит людей обрабатывать землю и сообщает им азбуку.

Другой выходец с Востока, Данай, прибыл из Египта в Пелопоннес. В числе его потомков есть царевна Даная; она заперта в темном склепе, но Зевс проникает под землю золотым дождем; у них рождается сияющий сын Персей. Мать с ребенком замыкают еще раз в тесный ковчег и бросают в море;

но волны выносят их на берег. Персей, выросши, убивает страшную Медузу и отсекает у нее голову, обвитую вместо волос змеями; этот лик смерти он наводит на морское чудовище, грозящее поглотить деву Андромеду (Персея и Андромеду показывали среди созвездий).

Потомок Персея и опять сын Зевса, Геракл, – величайший из героев греческих. Он служит трусливому царю города Аргоса и выполняет 12 трудных подвигов: между ними борьба со львом, шкурой которого потом покрывается Геракл; борьба с гидрой, т. е. многоголовым драконом; укрощение бешеного быка; путешествие на дальний Запад за золотыми яблоками райского дерева, растущего в волшебном саду, причем по дороге Геракл встречается с великаном Атлантом, который держит на своих плечах небесный свод; наконец нисхождение в подземный мир, откуда Геракл приносит страшного трехголового пса Кербера, стерегущего врата ада. Эти приключения напоминают странствования и страдания вавилонских богов (Мардука и Гильгамеша), их временную смерть, сокрытие в аду и торжество, а во льве, драконе, быке (тельце) и т. д. можно узнать названия 12 созвучий*, через пояс которых проходит солнце.

* Видимо, созвездий.

Другой великий герой – Фезей*, сын морского бога Эгея (от которого название Эгейского моря). Первые его подвиги – очищение от разбойников и убийц страшной дороги из Пелопоннеса через перешеек к Афинам (так же Илья Муромец очищает дорогу, где залег Соловей-разбойник). Потом, когда афиняне посылают на о. Крит царю Миносу живую дань, 7 юношей и 7 девушек на съедение Минотавру, Фезей едет с ними. Минотавр живет в огромном запутанном здании лабиринта. Но Фезею помогает дочь Миноса, Ариадна; она дает герою клубок с золотой нитью, по которой Фезей должен найти дорогу; ее золотой венец (созвездие) светит ему во тьме, и он убивает Минотавра.

* Тезей (Тесей).

Миф об аргонавтах, т. е. пловцах на арго, волшебном корабле, соединяет большую часть греческих героев вместе. Их предводителю, Язону, поручено добыть сияющее золотое руно, скрытое на востоке. Герои плывут благополучно среди сшибающихся скал, борются с гарпиями, закованными в броню коршунами смерти. В далекой стране, куда они прибывают, руно бережет дракон. Царь, обладатель руна, заставляет Язона вспахать землю на огнедышащих быках, посеять змеиные зубы и побороть выросшее из них воинство великанов. Во всем этом Язону помогает дочь царя, волшебница Медея; она же усыпляет дракона, и аргонавты, выкравши золотое руно, возвращаются домой. (Ср. египетское сказание о ночном корабле и спасении плененного под землею солнца, стр. 50.)

Некоторые мифы вставлены в Илиаду и Одиссею. Одиссей встречается на дальних островах огромных одноглазых киклопов*, ведущих жизнь пещерных дикарей. Его корабль пристает к острову волшебницы Кирки**, которая превращает его товарищей в свиней. Но Одиссею помогают боги, и он заставляет Кирку вернуть морякам человеческий вид. Потом они едут мимо скал, где сладко поют сирены, хищные птицы с женскими лицами, растерзывающие всех, кто приплывет на их пение к берегу. Наконец корабль Одиссея счастливо минует пролив, где, с одной стороны, затягивает в водоворот чудовище Харибда, а с другой – Скилла***, бросаясь со скалы, выхватывает смельчаков и разбивает о камни.

* Циклопов.

** Цирцеи.

*** Сцилла.

Мифы рассказывались неодинаково в разных местах, и они нередко противоречили друг другу. Современник Гомера, поэт Гесиод, пытался связать их вместе в поэме "Происхождение богов". Он говорит, что боги и вселенная возникли из хаоса. Стариннейшие боги – Уран, небо, и Гея, земля; от них произошли все остальные; Зевс, его братья и их жены – третье поколение. Эти новые боги правят недавно, после того как победили своих отцов. Но Гея родит еще враждебных Зевсу титанов, которые должны отомстить за поражение старых богов. Титаны громоздят в северной Греции одну гору на другую, чтобы взобраться на высокий Олимп, где сплотились боги света. Зевс сбрасывает их своей молнией и пригвозждает оковами под землей, откуда они в бессилии изрыгают пламя через вулканы.

IV. ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА И ПЕРСИДСКАЯ ДЕРЖАВА 700 – 480 ГГ. ДО Р. Х.

Во времена гомеровских витязей страна была усеяна замками, около которых располагались деревни. Нередко несколько вождей со своей родней соединялись вместе в одном замке: он разрастался тогда в целую крепость, становился *городом*. В городе господа уговаривались решать дела общим советом, а для военной команды и для суда выбирать, вместо царя, по очереди из каждого рода на небольшой срок одного или нескольких начальников.

Торговые путешествия. Колонии, с 700 г. до Р. Х. Для господ и для их свиты надо было наготовить много посуды, одежды, мебели, оружия: внутри стен города и близ них в слободах садилось много ремесленников. Прежде богатые греки носили азиатские материи, обвешивали свои комнаты привозными коврами, пили и ели из азиатских мисок и чаш. Теперь все это они стали готовить у себя. Мало того, так как народу становилось все больше, и надо было покупать чужой хлеб и привозить его из других стран в Грецию, то стали готовить выделанные вещи на вывоз. Особенно искусно делали греки глиняные кувшины и чаши, разрисовывая их фигурами, черной и красной краской.

Греческие купцы направлялись морем на запад и восток от родины, чтобы найти сбыт для своих товаров. В иных местах греки прогоняли ранее появившихся торговцев, финикийцев. Многие греки уезжали с родины от тесноты и строили в чужой стране новые города, колонии.

Прежде всего они заняли весь берег Малой Азии, прилегающий к Эгейскому морю и обращенный к Греции. Самые важные колонии здесь были *ионийские* на средней части берега и на островах Хиос и Самос. Далее из своего моря греки пробрались на север через проливы к Черному морю. Крайние поселения их на севере были близ устьев больших рек нынешней южной России, Днепра и Дона, в стране, населенной *скифами*. На юг они селились в Египте и *Кирене* (теперь Барка)*. На западе много греческих колоний возникло на берегах Италии и Сицилии; самая крайняя на западе колония была *Массилия* (нынешний Марсель в южной Франции). Греция точно раздалась по всему побережью Средиземного моря, но греки не шли дальше берегов и островов.

* Ныне город Шаххат в Ливии.

Морское дело. Крупные корабли греков ходили на парусах и веслах. В больших судах, *триерах*, гребцы были посажены у борта тремя этажами, один ряд над другим; они работали быстро в такт под звуки флейты. Набирались они большею частью из бедного люда. Корабль мог идти со скоростью 16–18 верст в час. Для поездок выбирали спокойное время с весны до осени: зимой не ездили. Военные суда имели крепкий острый нос, обитый металлом: в битвах старались ударить своим кораблем в бок вражескому и пробить его острием.

Торговые города. Новые города строились у морских бухт; таков был, например, город *Сиракузы* в Сицилии; очень обогатился и расширился старый город *Коринф*, стоявший на перешейке у Пелопоннеса, между двумя глубокими заливами, заходившими с запада и востока. Если старый город был далеко от моря, он обзаводился гаванью; так случилось с *Афинами*, главным пунктом в области Аттик (Атика – величиной с небольшой уезд в нашей средней губернии). В середине Афин сохранился старинный замок на крутом холме (по-гречески акрополь, т. е. город на высоте). Он считался потом священным кремлем, и в нем помещались только храмы.

Названные города да еще ионийский *Милет* в Малой Азии были самыми большими среди греческих. Но они далеко уступали в количестве населения нашим большим городам. Их население доходило до 80 000 – 100 000. Большинство же городов было гораздо меньше, от 5 до 10 тысяч жителей.

Но почти каждый такой город с десятком деревень да полоской берега был независим и управлялся сам собою. Таких самостоятельных городов-государств в Греции было около 100, а если считать с колониями, их число доходило до тысячи. С высокого холма в одном государстве была видна крепость соседнего, его город или гавань.

Городское ополчение. В старину на войну выходили господа, окруженные своими мужиками; те и другие неодинаково вооружались и бились. Город не только мог выставить больше воинов, чем старый замок и поместье; горожане еще и согласнее бились: их легче было собрать и обучить одинаковому бою. Всякий должен был вооружиться на свой счет, в строю ратников размещали по оружию. Отдельно строилась конница; в пехоте впереди становились воины в шлемах и латах, одетых поверх красных рубашек. Это были люди побогаче, потому что полное вооружение стоило дорого. Латники подвигались в сражении не спеша, под звуки флейты; они вступали в бой плотной стеной (фалангой), в два или три ряда, придвинув друг к другу широкие щиты и выставив вперед длинные, с сажень, копья; все вооружение воина весило более 2 пудов, и часть его в пути везли на телегах.

Воины эти шли и бились по команде. Теперь уже перестали ценить бой отдельных молодцов, которые выскакивали вперед из толпы; боевые колесницы также вышли из обычая. Врага одолевали силой всего сомкнутого отряда. В строю стояли рядом товарищи и соседи, которые связывали себя клятвой вместе биться и умереть. Идя в поход, они пели дружные песни в такт марша. Эти воины составляли главную силу городского ополчения; с боков и сзади стояли ополченцы из бедных, которые не могли купить тяжелого вооружения и бились метательными короткими копьями, или пращами, или стрелами из луков. Они обыкновенно начинали битву или преследовали бегущего врага. Но решали битву латники.

Спарта. Для того чтобы иметь такое войско, надо было приучить воинов к согласным ловким движениям, надо было смолоду закалить их тело. Первые мастера в военной выправке были *спартапцы* в Пелопоннесе. Это были владельцы лучших земель в области Лаконии; они соединились все вместе, чтобы жить в главном городе Спарте. От крепостных (*гелотов*)*, которые работали на их поместьях, они получали хлеб, вино, оливки, а сами проводили время в гимнастических играх и упражнениях, в маршировке и боевых приемах. Они жили точно в казарме или лагере, вечно под военной тревогой. Да и действительно, многочисленные крепостные могли постоянно возмутиться, и спартапцы должны были держать их в страхе, чтобы оставаться в господах.

* Илоты – земледельцы, прикрепленные к земельным участкам спартиатов.

Каждый спартапек был на счету у военного начальства; никто не мог отлучиться без его позволения, особенно за границу области своей. В Спарте думали, что чужие порядки могут подать дурной пример или поднять среди граждан мысль ввести у себя какие-нибудь перемены. Поэтому на чужих людей в Спарте косились, а в особенно тревожное время иногда зараз удаляли всех иностранцев, проживавших в городе. Образцовый воин, думали в Спарте, чтобы не избаловаться, должен привыкнуть к простой жизни и не бояться лишений. Все воины, как товарищи, должны быть на равной ноге между собою; чтобы поддержать товарищеский дух, их заставляли сходиться на общие обеды в палатках; командиры и сами верховные вожди, сохранившие в Спарте титул царей, сидели вместе с другими за столами.

В гражданах старались развить солдатскую честь: им внушали, чтобы они не боялись никакого врага, оберегали свое достоинство, стояли крепко в строю и бились до последнего издыхания там, где велит долг или где приказали вожди. Мальчиков с семи лет брали из дому и отдавали в военную школу. Здесь дети были поделены на роты под командою старых слуг, которые строго их муштровали. В 16 лет юноши выходили отсюда на бессрочную службу до старости.

Из людей старше 60 лет, богатых опытом, составлялся *совет старцев*, который вместе с двумя царями (из двух старинных семей) ведал все дела. По временам собирали на *общую сходку* всех воинов, но только для того, чтобы сообщить решение старцев. Это были те же порядки, что во времена Гомера.

Спартапские ополчения ходили несколько раз войной в соседнюю область на западе, плодородную Мессению: у мессенцев отняли всю землю, роздали спартапским воинам, а самих мессенцев обратили в крепостных, обязанных работать на новых господ. Остальных жителей Пелопоннеса спартапцы

заставили войти в *союз* с собою. Когда Спарта затевала поход, союзники должны были приводить на помощь свои ополчения; все соединенное войско шло под командой спартанского царя.

Промышленность. В приморских и промышленных городах, каковы были Милет, Афины, Коринф, Сиракузы, образовались другие нравы. Народ был здесь подвижной, любознательный, склонный поговорить и поспорить: купеческая и ремесленная работа не казалась свободному человеку низким делом. В Афинах говорили, что отец не может требовать от сына поддержки в старости, если не обучил его сам какому-нибудь ремеслу.

В маленьком городе поневоле одни и те же люди готовили разные предметы: столы, телеги, кровати, строили дома и т. п.; ни в одном мастерстве не достигали они особенного искусства. В больших городах, где множество лиц нуждались в одних и тех же предметах, каждый мастер мог ограничиться одним ремеслом; мало того, одно ремесло дробилось между несколькими мастерствами: один, например, резал кожи, другой шил башмаки, и еще башмачники делились на мастеров мужской и женской обуви; одни кроили платье, другие сшивали его и т. д. Оттого изделия становились тоньше и красивее. Но греки не знали машин и работали инструментами, которые в сравнении с нашими были очень незатейливы.

Рабы. Мастера, которые работали на заказчиков, помещались в небольших лавочках; им помогала семья, или они нанимали рабочего, свободного или раба. На вывоз работали фабрики и заводы: оружейные, мануфактурные, мебельные, глиняных изделий; они не были так крупны, как у нас, потому что и в них работали от руки. Рабочие на фабриках были рабы. В одну мастерскую набирали от 20 до 100 рабов. Хозяин одевал, кормил их, давал им помещение, но весь их заработок забирал себе. Иной владелец рабов предпочитал избавить себя от всяких хлопот и надзора за ними: тогда он покупал их побольше числом и отдавал их внаем заводчикам: заработанное рабами делилось между владельцем и заводчиком. У одного афинского рабовладельца было 1000 рабов, которых он отдавал горнопромышленникам в тяжелую работу в рудниках; он собирал таким образом со своих рабов огромный доход.

Рабов стали привозить в большом количестве и издалека. Это были большею частью не греки, а иноземцы. Грек попадал в рабство только в особенно несчастливых случаях, например при взятии в плен. Рабов продавали на рынке. Покупатель осматривал раба как вещь. Для тяжелых грубых работ ценили сильных людей, которых привозили с Балканских гор (из Фракии) или с берегов Черного моря (из Скифии). Такой раб стоил от 80 до 100 рублей на наши деньги*. Раб, обученный ремеслу, стоил дороже, свыше 150 и 200 руб. В Афинах, когда город стал богат, рабов было очень много, более половины числа свободных.

* Для сравнения укажем: десятина (1,09 га) земли в 1907 г. продавалась за 105 руб., а в 1914 г. – за 136 руб.

Писанные законы около 600 г. В старину на злодеяние, на насилие сам обиженный или его ближние отвечали собственной расправой. За обиду мстили новой обидой, и ссоры, кровопролитие могли тянуться без конца.

Теперь в городской тесноте нельзя было больше допускать самоуправства. В промышленном городе было много чужих: они были далеко от своего родства, и за них некому было заступиться. Расправы и ссоры мешали спокойно торговать в городе. Поэтому в городах самоуправство было запрещено. Прежде суду было не много дела: к нему обращались лишь в тех случаях, когда хотели добровольно кончить спор миром. Теперь недовольные или обиженные были обязаны жаловаться суду. Суд должен был вступаться, когда налицо было злодеяние, или когда двое спорили о владении землей или о том, уплачен ли долг и т. д. Судьи стали разбирать множество дел с утра до вечера.

Дела были очень различны. Для решения их надо было установить подробные и точные правила, надо было положить за проступки наказания и штрафы. Иначе стали бы жаловаться на самих судей, что они меняют решения, что за более тяжелые проступки назначают легкие наказания и т. д. В Афинах выбранный народом верховный судья Дракон* первый точно определил, как наказывать за убийство со злым умыслом и за убийство без намерения; в старину этого не различали и мстили одинаково за всякое убийство. Эти правила для судей были записаны; их называли *законами* и выставляли на видном месте,

на главной площади в виде записей на деревянных и каменных столбах, на медных досках. Всякий мог их теперь прочитать и требовать себе справедливого суда.

* Драконт.

Смуты в городах. В промышленных городах потомки вождей и царей, владевшие землей и крепостными, не могли остаться единственными господами и управителями.

Иные из благородных сами нашли выгоду в мореходстве, в торговом деле и стали в ряды промышленников. А главное – многие купцы, судохозяева, фабриканты, владельцы рудников становились богаче помещиков. Городской труд, опасности морских путешествий равняли людей разного происхождения. Одною древностью своего рода немного можно было взять в большом городе. Видные купцы и промышленники не хотели больше подчиняться старым господам. Они желали иметь участие в городском совете, где до тех пор сидели одни господа; они желали, чтобы начальники на войне и судьи выбирались из их среды.

Ремесленники, рабочие были на их стороне. Крестьяне стали тоже на них рассчитывать: малоземельные думали, что если отнять власть у господ, то можно будет забрать их землю и разделить ее между собою; другие, которые были в долгу у помещиков и обязаны были платить им большую часть своего урожая, надеялись избавиться от оброка.

На площадях и улицах недовольные шумели и собирались толпами. По временам происходили кровопролитные схватки. Иногда промышленники и простой народ выгоняли прежних господ или избивали их и отбирали их богатство. Иногда благородные брали верх, казнили противников или тоже выгоняли их, отнимали имущество. В ожесточении благородные взаимно клялись друг перед другом: "Обещаюсь вечно быть врагом народа и вредить ему, сколько хватит моих сил".

Посредники и тирании*. 600 – 500 гг. до Р. Х. Случалось, что обе стороны, уставши от борьбы, не желая больше проливать кровь, уговаривались покончить дело миром. Тогда выбирали посредника и старались сойтись на человеке, которому обе стороны доверяли. Во время смут в Афинах был избран посредником Солон: он был родом из благородных, но занимался торговым делом. Решено было дать ему на время полную власть и подчиниться его приговору (594 г.).

* Ныне принято писать это слово с одним "н".

Солон предложил облегчить положение крестьян; тем, кто платил тяжелый оброк из-за долгов, простить долги; высвободить из рабства тех, кто попал в кабалу за долги, и запретить вообще обращение в рабство за долги. Затем Солон предложил в известные сроки собирать на сходку всех свободных людей, богатых и бедных, для выбора командиров и судей. Солон очень гордился тем, что примирил враждующих: в песне, сложенной им, он говорит, что дал народу столько силы, сколько следовало, не обошел его почетом и не поднял в нем спеси.

Но Солон ошибся, и его приговор не покончил смут в Афинах. Благородные не хотели делиться властью с безродными промышленниками. Крестьяне хотели раздела господских земель. Торговые люди хотели, чтобы в их пользу были заведены морские сношения с разными краями. Очень трудно было людям простого звания, дробившимся на множество разрозненных семей, бороться со знатными, которые соединяли около себя большие роды. Все члены рода и люди, которые исстари были приписаны к роду, чтити одного общего предка-покровителя, составляли одно жертвенное братство и сходились вместе на общие праздники. Глава рода мог легко собрать все братство: он упрашивал или грозил на собрании, и множество зависимых от него людей оказывали ему поддержку.

Родственник Солона Пизистрат*, сам богатый землевладелец, стал на сторону безродных людей и особенно крестьян. Народ, оберегая своего вождя от раздраженных на него господ, позволил Пизистрату ходить со свитой в 50 человек, вооруженных дубинами. Но Пизистрат хотел быть не только защитником народа; он надеялся стать господином Афин при помощи народа. Быстро увеличил Пизистрат свою свиту до 300 человек, дал им копья и мечи и укрепился на акрополе. Он заставил всех слушаться себя и стал в Афинах властителем, по-гречески *тиранном*.

* Писистрат.

Народ продолжал крепко стоять за своего вождя. Пизистрат еще больше помог крестьянам. Он теснил благородных, и многие уехали из страны: земли их достались крестьянам. Много сделал Пизистрат и для купцов. Он завладел важным торговым проездом, который через проливы вел из Эгейского моря в Черное, и вошел в дружбу с тиранном Поликратом, правившим в это время на острове Самос; они уговорились помогать друг другу в торговле.

Сильно раздражены были изгнанные господа против тираннов. Но у них было только одно средство вернуться на родину: они сами должны были приобрести расположение народа. Старинный гордый род Алкмеонидов стал первый в Афинах хлопотать об этом. Им помогло то, что сын Пизистрата, Гиппий, после смерти отца вел себя высокомерно, как будто он захватил страну войной: приказал, чтобы граждане выдали ему оружие, держал чужих нанятых солдат в городе. Из народного защитника тиранн обратился в нового господина. Народ не хотел этого терпеть; позвали на помощь спартанцев и выгнали тиранна (510 г.).

Правление народа, около 500 г. Один из Алкмеонидов, Клисфен, уговорил афинский народ не доверяться более таким вождям: решено было каждый год собираться всем на сходку, чтобы подумать, нет ли в городе такого опасного человека, который замышляет стать тиранном. Каждый гражданин мог написать на глиняной плитке имя того, кто ему казался опасным: если очень многие сходились на одном имени, этого человека изгоняли из города. (Плитки назывались остраки, а тайная подача голосов – *остракизм*.)

Клисфен, хотя сам был из старинного рода, задумал, однако, расстроить силу родов, во главе которых стояли знатные семьи. При выборе начальников прежде всего спланивались вместе и договаривались люди каждого братства, собиравшиеся в праздники на общую жертву и молитву: они выбирали самого главу знатной семьи или человека, который был угоден знатному владыке, потому что, по старинным понятиям, он был ближе всего к богам и совершал общую молитву. По предложению Клисфена выборные собрания стали происходить иначе. Собираться вместе стали соседи одного поселка или одной части города: крестьяне и землевладельцы на сельских сходах, ремесленники и купцы в городских участках. Родственники, жившие в разных местах, попадали при таком распределении на разные сходки; они не могли столкнуться вместе, крупные люди не могли дать приказа зависимым от них членам братств. На этих новых сходках каждый год выбирали уполномоченных, которые соединялись в Афинах и составляли *Совет* из 500 лиц; благородные и простые люди могли здесь сидеть рядом.

Все считались теперь равными по достоинству в государстве. Важные дела должны были решаться на *общем собрании* граждан (экклесии), где каждый одинаково мог сказать свое слово. Выборные командиры, судьи и казначеи должны были представлять всему народу отчет в своих действиях.

Большая перемена произошла в Афинах в те 100 лет, которые протекли от Солона до Клисфена. До Солона правили благородные (по-гречески правление благородных – *аристократия*). Со времени Клисфена граждане считались равными между собою, и можно было сказать, что правит весь народ, что народ стал государем (по-гречески *демократия*, т. е. народоправство).

Общие собрания греков. Не все греческие города установили у себя народное правление, как в Афинах. Каждый город имел свои порядки. Города, где господа сохранили власть, враждовали с теми, где правил народ; например, Спарта почти всегда враждовала с Афинами. Изгнанные граждане отправлялись к врагу и подстрекали его напасть на их родной город. Помимо того, граждане одного города часто обрушивались на соседний город, ломали его стены, обращали его в ничтожную деревню, а жителей либо переселяли насильно к себе, либо, если те сопротивлялись, обращали в рабство или избивали. Такие расправы были очень жестоки; случалось, что победители вырезывали все мужское население в захваченном городе.

Но как ни враждовали между собою греческие города и деревни, греки всегда чувствовали, что они составляют один народ. Они все могли понять друг друга, потому что говорили на одном языке. Каждый город чтил своего особого бога-покровителя; но греки верили также, что есть общие боги всей Греции – "олимпийские". Праздники в честь этих богов привлекали греков со всех концов и заставляли их забывать на время о вражде.

"Отцу богов и людей", олимпийскому Зевсу, было посвящено в южной Греции обширное место *Олимпия*, где раз в 4 года летом происходил большой праздник. Особые вестники доходили до крайних пределов греческих поселений у Черного моря, в Египте и в Испании. Они провозглашали священный мир и грозили проклятием бога всякому, кто начнет войну во время праздника или оскорбит богомольца на пути.

Десятки тысяч благочестивых странников и любопытных собирались в Олимпию. Богатые люди приезжали и расставляли у священной рощи палатки. Бедные приходили пешком, часто издалека, и ночевали под открытым небом. Торговцы открывали ярмарку. Каждый город присылал особых почетных послов. На большом алтаре всякий богомолец делал Зевсу приношение какое мог, начиная от дорогой жертвы в 100 быков и до мелкой в виде козленка, горсти зерен, чаши вина и т. п. Участники подходили в белых одеждах с золотой бахромой и в красных лентах. Кругом всегда стояла большая толпа. Перед нею выступали люди, которые хотели себе составить имя в Греции, читали стихи, приготовленные речи.

Главную часть праздника были военные и гимнастические игры, которые, по преданию, установил богатырь Геракл, сын Зевса. Для них было отведено просторное овальное место, кругом которого на уступах могло усесться около 40 000 человек. Состязания были те же, что во время Ахилла: бег колесниц, запряженных четверкой, бег людей обнаженных и в вооружении, борьба, метание копья и т. п. По окончании их особые "греческие судьи" присуждали победителям награды. Родной город победителя очень гордился его славой, встречал его с особым почетом и заказывал его статую для постановки в священной роще Олимпии.

Сильные своим ополчением и флотом, греки сумели отбиться от большого врага, *персов*, которые надвигались с востока.

Персидское государство, с 560 г. Персы жили на востоке от Вавилона в гористой местности у Персидского залива: их потомки и сейчас заселяют Персию*. Они занимались скотоводством, были лихие наездники и стрелки. Персидский царь Кир, современник Пизистрата, покорил Вавилон (в 539 г.) и всю равнину Двуречья, придвинулся к Средиземному морю и подчинил себе Сирию, Финикию и Малую Азию; азиатские греки должны были признать его власть. Его сын прошел дорогой ассирийцев в Египет и покорил всю нильскую долину**. На дальнем востоке владения персов доходили до границ Индии и Туркестана***. Такого большого государства еще не было до тех пор. Оно было величиной с половину Европы и раз в восемьдесят превосходило Грецию.

* Иран.

** Царь Камбиз покорил Египет в 525 г. до н. э.

*** В начале XX столетия в состав Туркестана входили Туркестанский край России, Хивинское и Бухарское ханства.

Велики были и его богатства. Персы собирали с многочисленного населения Египта, Вавилона, Сирии, Малой Азии много подати товарами и деньгами; везде произвели расценку земли и налог брали по величине дохода, который с нее получался. Современник Клисфена, третий царь Дарий, ввел для всего населения обширного государства одинаковую золотую монету с изображением государя-воителя; эта монета, дарейк, распространилась и в Греции. У персидских царей было высокое понятие о своем государстве. Одна надпись, вырезанная на камне, говорит, что "Агурамазда, верховный бог, сделал царя персидского господином над всей великой землей, над многими странами и языками, над горами и равнинами по ту и по сю сторону моря, по ту и по сю сторону пустыни". В другой сказано, что обязанность царя "наказывать неправду и ложь, награждать друзей, карать врагов и под защитой Агурамазды давать всем странам законы". Персы не теснили людей чужой веры, как ассирийские завоеватели. Кир отпустил плененных Навуходоносом евреев на родину; они возобновили разрушенный в Иерусалиме храм и стали выбирать первосвященника.

В управлении персы держались тех обычаев, которые применяют степняки, когда захватывают обширные страны земледельцев. Все государство было разделено на 20 больших областей; в каждую посылали всемогущего наместника, *сатрапа*, который распоряжался жизнью и смертью подданных; при нем состояло войско и подчиненные чиновники; города и деревни управлялись по-старому своими старостами, священниками и тиранами. Для передачи сатрапам царских приказов и пересылки царю отчетов устроена была особая почта, которая проезжала по большим дорогам, соединявшим окраины

государства с серединой. Главная "царская дорога" шла от Сузы (в горах на восток от Вавилона) через Тигр и Евфрат к *Сардам*, городу Малой Азии недалеко от Милета. Так как царь не доверял сатрапам и постоянно боялся измены с их стороны, почта служила также для тайного надзора за наместниками. Иногда в область внезапно наезжал для расправы важный сановник, "око государево". Иногда наместника, по доносу, внезапно отзывали ко двору, сажали в заключение или казнили.

Афина по изображению Фидия

Греческий воин в полном вооружении

По древнегреческим памятникам

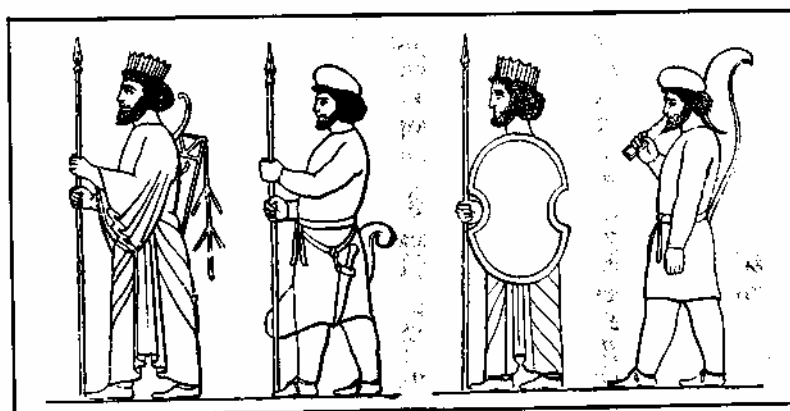

Афродита Милосская. Античная мраморная статуя

Персидский царь Дарий и его слуги с зонтиком и опахалом; наверху крылатый бог света Агурамазда

Персидские воины Ксеркса. По изображению на вазах

Цари персидские приняли обычаи вавилонского и египетского двора, завели пышные церемонии, многочисленных сановников с громкими титулами и большую свиту. Но они продолжали кочевую жизнь старины, переезжая со всеми придворными из Сузы в Вавилон (на зиму), из Вавилона в высоколежащую *Экбатану* (на лето). При всех огромных тратах царь не проживал богатств, получаемых с огромной державы. Привозимое с разных концов золото, в виде монеты, посуды и украшений, он приказывал сплавлять вместе и лить в большие глиняные чаны; глину потом разбивали, и куполообразные золотые слитки расставляли в царских кладовых. Когда надо было сделать новый расход, царь распоряжался взять золота, сколько потребуется, из склада.

У "великого царя", как его звали греки, были большие военные силы. Конницу и стрелков ставили персы, мидяне и другие воинственные жители Ирана. Хороший флот доставляли финикийцы, соперники греков в торговле на Средиземном море. Но и греки малоазийских городов должны были служить царю. Когда Дарий затеял поход против скифов и направился из Малой Азии через Босфор, северо-восточный угол Балканского полуострова и Нижний Дунай в черноморские степи, он взял с собой тиранна города Милета и афинянина Мильтиада, правившего в Херсонесе, против Трои.

Начало греко-персидских войн с 500 г. Греки неохотно подчинялись персидскому царю. Ионийские города вскоре после похода Дария на скифов восстали и просили помощи у своих единоплеменников в Греции. Спартанцы оставили эту просьбу без внимания, афиняне прислали небольшую подмогу. Но Дарий двинул финикийский флот и расстроил силы восставших; персы взяли Милет и сожгли его. Афиняне рассказывали, что царь очень разгневался на них; он пустил стрелу к небу и воскликнул: "Боже, дай мне отомстить им!"

Вслед за этим персы завоевали весь северный берег Эгейского моря вплоть до горы Олимпа, покорили острова, лежащие по середине моря, и даже захватили угол острова *Эвбеи* совсем вблизи от Афин. Дарий образовал из этих новых владений 21-ую сатрапию и стал готовиться к походу на тех греков, которые еще сохранили независимость.

Сначала двинулся большой флот вдоль северного берега моря. У мыса *Афонской горы* он потерпел в бурю крушение, причем погибло много людей. Тогда персы проехали поперек моря и высадились в Аттике у *Маратона*; с ними был тиранн Гиппий, которого они хотели вернуть в Афины. Но в горной местности они не могли пустить в ход свою конницу; афинские ратники в бронях, под начальством Мильтиада, ушедшего с персидской службы, расстроили их пехоту и отбросили персов на корабли (490 г.).

Хотя Дарий скоро после этого умер, но было ясно, что персы не оставят своего намерения. В Афинах Фемистокл предложил народу отдавать весь доход с серебряных рудников на постройку военных кораблей, так как главная оборона будет на море.

Нашествие персов в 480 г. Между тем сын Дария, Ксеркс, сам стал во главе большого войска, собравшегося в Малой Азии. Он переправил солдат через пролив по временному мосту, проложенному на судах, и двинулся на Грецию с севера. За войском тянулся большой обоз; персы во время похода не любили себе отказывать в удобствах, а царь вез за собой свой двор. Впереди царской повозки ехала большая колесница, запряженная восемью конями; на ней везли изображение высшего божества. Вдоль берегов окольной линией рядом с войском двигался большой флот, который должен был доставлять на сушу припасы; для того чтобы избежать объезда у опасного Афонского мыса, персы заранее прорыли каналом перешеек, соединяющий горный кряж с материком.

Жрецы храма в *Дельфах*, подававшие грекам советы от имени бога Аполлона, уговаривали всех подчиниться страшной силе. Города, где правили знатные роды, ждали персов, чтобы присоединиться к ним. Только Афины и Спарта с пелопоннесцами решили сопротивляться.

Персы были непобедимы на азиатских равнинах, но в Греции они во второй раз встретились с неудобствами горной природы: они должны были медленно пробираться по горным ущельям и тропинкам и брать врозь каждую небольшую область, защищенную горами, как крепостной стеной. К тому же добыча в скудной Греции была невелика.

Все же положение тех греков, которые решили защищаться, было очень опасно. Небольшой отряд спартанцев в течение нескольких дней защищал против персов проход *Фермопилы* между северной и средней частью Греции, но был обойден и погиб. Персы добрались до середины Греции и везде опустошали страну. Жители Аттики и Афин должны были бежать. На судах перевезли семьи граждан и то, что можно было захватить из имущества, на соседний островок Саламин и в близкие города на юге; а все афиняне, способные к оружию и к работе, сели на корабли и соединились с другими греческими эскадрами.

Но греки сошлись из разных независимых городов; у них не было ни общего плана, как действовать, ни даже согласия. Пришлось отдать главное начальство спартанским вождям, потому что спартанцы считались самым сильным греческим народцем. Между тем спартанцы как раз не знали морского дела, и у них почти вовсе не было кораблей. Афиняне под начальством Фемистокла желали биться на море у самой родины своей; спартанцы хотели отступить южнее к своим берегам и укрепить перешеек у города Коринфа, чтобы не пускать персов дальше по сухому пути.

Против желания спартанцев греки должны были поневоле сразиться в узком проливе у острова *Саламина*: флот персов обогнул середину Греции и запер греческие корабли с двух сторон этого пролива. Греки взяли верх своим искусством в морском деле: они ставили корабли в круг носами вперед и затем быстро разъезжались лучами во все стороны: тяжелые корабли персов путались около

незнакомых скал. Грекам помогла и непогода, разбившая много вражеских кораблей. Остатки расстроенного флота персов отъехали к Малой Азии, а царь, недовольный затяжкой войны, вернулся домой. Его беспокоило к тому же опасное восстание в Вавилоне. Сухопутное войско персов продолжало еще стоять в середине Греции. Лишь через год в упорной битве под городком *Платеи* оно было разбито греческим ополчением из спартанцев и афинян. В тот же день флот греков, преследуя персидский, одержал над ним победу у мыса *Микале* против острова Самоса.

Греки и варвары. Никак нельзя было сказать, чтобы у персов не хватало храбрости: они отчаянно бросались в битву. Но они бились почти так, как греки в старину: впереди стояли боевые колесницы, за ними пешие, которые сражались врассыпную и не выдерживали долго натиска, если сами не могли сразу взять верх. Они были хуже вооружены, без крепких лат, их главное оружие были стрелы и короткие копья.

Греки брали своим плотным строем и согласной выучкой. Каждый отряд должен был помнить, что на нем вся защита родного города. Защищая родину, греки были уверены, что они стоят за правое дело и что за них боги: иные верили, что боги появляются по-старому в их рядах и поражают врагов. Когда заходила речь о том, как маленький народ греческий отстоял себя против грозной силы, греки гордо указывали на свою дружную храбрость, свой ум и искусство: персы привыкли рабски слушаться своего повелителя, "кланяться ему в ноги", в то время как греки – люди свободные, сами себе господа. С этой поры греки стали себя ставить выше *варваров* (так называли они всех не-греков; это значит собственно "бормотуны", люди, не умеющие чисто и ясно произносить греческую речь, которая грекам казалась настоящей человеческой).

V. АФИНЫ. 480 – 400 ГГ. ДО Р. Х.

Сила Афин после 480 г. Фемистокл. Персам пришлось отказаться от замысла подчинить себе европейских греков. Теперь ободрились и малоазийские греки; они не хотели больше платить дань персам. Они примкнули к афинянам, видя, что это – лучшие моряки в Греции.

Между афинянами и греками, жившими на островах и на восточном побережье Эгейского моря, составилась *союз*. Союзники афинян ставили корабли, воинов или платили деньги; афиняне распоряжались общим флотом, войском и казной и не пускали персов к берегам Эгейского моря. Морская сила союза состояла из 300–400 кораблей.

Афиняне забрали в свои руки золотые прииски на северном берегу Эгейского моря; отсюда же они добывали лес для стройки своих кораблей. Особенно важно для них было владение проливами, ведущими в Черное море. С северных берегов Черного моря они получали хлеб; иначе и не могло бы прокормиться множество народа в Афинах: в Аттике было мало земли и почва была скудна.

Фемистокл был занят все новыми и новыми планами. Он предложил народу выстроить кругом Афин и кругом морской гавани, Пирея, крепостные стены, да еще соединить Афины с Пи-реем двумя рядами стен вдоль дороги. В случае нового нападения на Афины, говорил он, не нужно будет больше покидать город; афиняне теперь стали морским народом; в городе можно будет оставить небольшой гарнизон, а главная сила граждан будет биться на кораблях у гавани. Пока афиняне – господа на море и могут подвозить морем припасы и все нужное для борьбы, они непобедимы. У Фемистокла была еще одна смелая мысль: захватить врасплох спартанцев и дать Афинам господство над всею Грецией.

В это время положение господ в Спарте было очень тяжело: против них восстали крепостные в Мессении. По замыслу Фемистокла, надо было помочь мятежным гелотам и в союзе с ними разрушить общину воителей в Пелопоннесе.

Но и врагов у Фемистокла было много. Забота его о морском деле была выгодна для торговцев, фабрикантов, ремесленников, судовладельцев и моряков; и этим были недовольны землевладельцы и крестьяне. В Афинах сплотились все сторонники старины, которые боялись, что после перемен, введенных Фемистоклом, войдут в силу подвижные и предприимчивые горожане Афин и приморских гаваней и оттеснят сельских владельцев. Главным противником Фемистокла был Кимон, сын победителя при Марафоне, сам отличный предводитель в войне с персами, которая еще продолжалась на море. Богатый землевладелец, Кимон дружил со спартанцами; он держался за них, как за людей старинного обычая. По его словам, Грецию везут два коня, Афины и Спарта, и беда, если великая родина всех греков станет хромать; надо не губить Спарту, а помочь ей. Спартанцы заметили сами, как опасен для них Фемистокл, и внушили афинянам, что он человек ненадежный.

Врагам Фемистокла удалось изгнать его, да еще вдобавок обвинить в измене, в сношениях с персами. Фемистоклу не было больше места в Греции; он мог бежать только к самим персам. Царь, услышав о том, что главный противник персов просит теперь у них приюта, пришел в восторг и богато одарил его поместьями и городами. Но Фемистокл скоро умер.

Победа демократии в Афинах. 460 г. Кимон предложил послать спартанцам помощь против мятежных мессенских гелотов и вызвался сам пойти во главе афинского отряда. Но спартанцы недоверчиво отнеслись к поддержке афинян и отослали их назад. Два новых вождя народа, Эфиальт и Перикл, с радостью ухватились за эту неудачу Кимона; они убедили народ отправить его в свою очередь в изгнание.

Эфиальт и Перикл решили разбить последнюю опору защитников старины и отнять судебные дела у тайного совета, состоявшего из бывших сановников (этот совет собирался на *Ареопаге*, т. е. на холме бога войны Арея, где в старину творили месть и расправу над убийцами). Тайный совет судил все еще строго и жестоко; нередко, кроме того, старики, сидевшие на суде, противились решению всего народа, ссылаясь на старый обычай и осуждая граждан за легкомыслие. Эфиальт предложил передать разбор тяжб и обвинений суду всех граждан; по мнению вождей народа, здравый смысл и свободная совесть людей разного положения будут подсказывать решения лучше, чем строгий суд немногих лиц, постоянно занятых одним и тем же делом.

Народный суд стал теперь собираться каждый день. Совершено ли было преступление в городе, жаловались ли друг на друга союзники, обвинялся ли кто-нибудь в оскорблении богов или в нарушении закона – дело шло на общий суд граждан.

Судьи набирались из всех граждан старше 30 лет и сидели очередями по 200, по 500 и более человек. Они звались "присяжными": в начале каждого года они приносили присягу, что будут решать дела по законам, постановлениям народа и по внушению своей совести, не оказывая ни дружбы, ни вражды; они прибавляли, что если клятва окажется ложной, то гибель да поразит их самих и их род. Присяжные приходили к зданию суда на большой рыночной площади, держа в руках жезлы, старинный знак власти. Судебное заседание начиналось торжественной жертвой. Судьи сидели за оградой, но к решетке мог подходить народ и слушать разбирательство.

В наше время на суде обвиняет прокурор, т. е. чиновник, поставленный от правительства. В Афинах на суде кто-либо из граждан по своей воле выступал обвинителем; если обвинение казалось мало похожим на правду и почти никто из судей не принимал стороны обвинителя, его самого подвергали наказанию. Обвиняемый защищался сам или брал себе защитника. Так же, как народ в собрании, и судьи долго и обстоятельно выслушивали обе стороны.

Главное дело судей было – решить, виновен или невиновен судимый. В важных делах они подавали мнение тайно: каждый клал раковинку в чашу оправдания или в чашу обвинения; большинством значков в том или другом сосуде и решалось дело. На решение присяжных не могло быть жалобы: это был окончательный приговор народа-государя. Бедные граждане могли участвовать в суде наравне с богатыми; им нечего было бояться потери заработка за день, проведенный в заседаниях: по предложению Перикла, они стали получать дневное содержание из казны.

Перикл. 460–430 гг. Передача суда народу была тяжелым ударом для защитников старины. В озлоблении они подослали убийц к Эфиальту. Но со смертью одного вождя дело не остановилось; его

продолжал Перикл. Он был из старинной знатной семьи и приходился внуком Клизфену; так же, как дед, Перикл решился стоять за выгоды народа.

И Фемистокл, и Перикл имели на своей стороне всех, кто был занят или заинтересован в морской торговле и мореходстве. Небогатые граждане, служившие на кораблях во время славной борьбы с персами, вошли теперь в силу. В больших народных собраниях, где решали все дела, они составляли большинство, между тем как крестьяне, особенно более отдаленных деревень, появлялись реже.

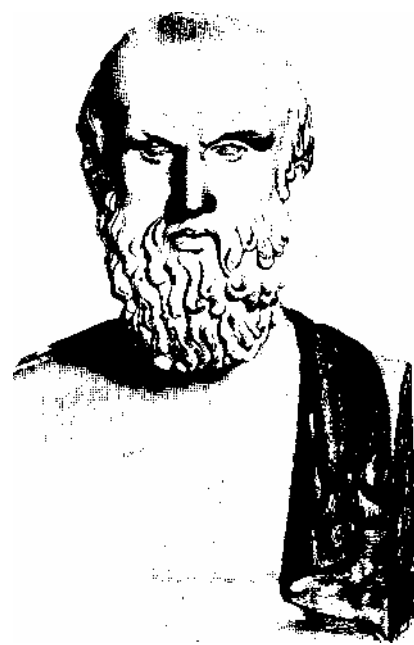
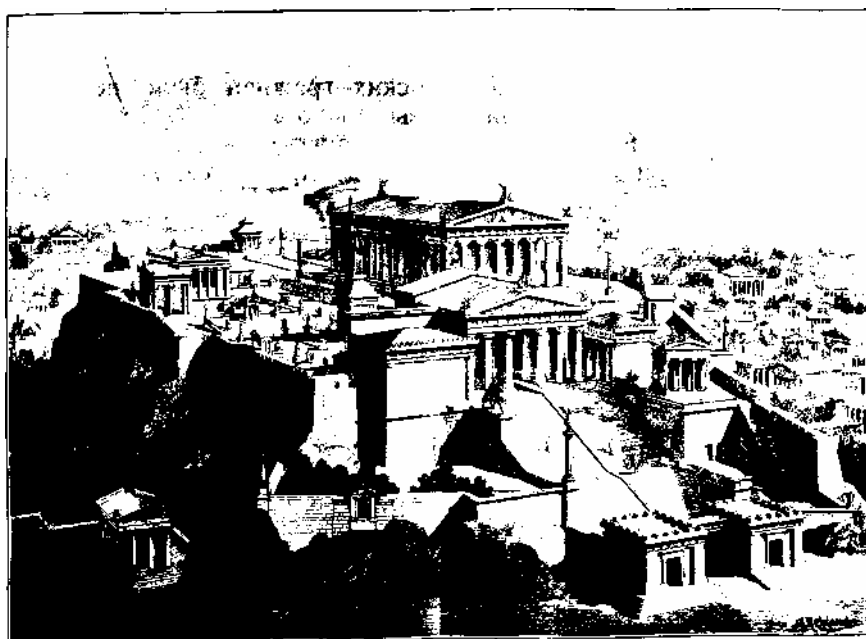
Афинский народ в это время широко раскинул свои предприятия. В наследство от поколения Мильтиада и Фемистокла осталась война с персами. Афиняне решились на смелый шаг: отправили большой флот в Египет, чтобы поддержать там восстание против царя. Они заняли уже Мемфис, но персам удалось запереть всю афинскую силу на острове среди нильских рукавов и истребить ее. Между тем спартанцы, успевшие оправиться от восстания крепостных, стали угрожать нападением на Аттику. Пришлось помириться с персами на условии, что афиняне перестанут помогать их врагам, а персы откажутся от плавания по Эгейскому морю. Завоевания афинян остановились.

Взамен Перикл предложил расширить торговлю Афин: приобрести союзников на Западе в Италии, куда афиняне вывозили свои ремесленные изделия, особенно художественно разрисованную посуду, и установить сношения с колониями Черного моря (по-гречески *Понта Эвксинского*), откуда афиняне получали главные предметы питания, хлеб, скот, рыбу, соль, а также строительный лес, лен и пеньку для корабельных снастей. У входа в Азовское море (по-гречески *Боспор Киммерийский*) афиняне заняли укрепленное место и стали распоряжаться подвозом хлеба, шедшего из Скифии. Во главе большого афинского флота Перикл проехал в Понт, чтобы (как он говорил) "поддержать тамошних греков, а варварским царям и князьям показать величие, уверенность и смелость афинян, которые плавают, где им угодно, и властвуют над всем морем". Перикл хотел сделать Афины первым городом в Греции не только по богатству, но и по умственному значению. Он сам был близок с выдающимися учеными, писателями, художниками своего времени, он старался, чтобы Афины привлекали чужих посетителей интересной и разнообразной жизнью, красотой своих построек, богатством театральных развлечений. В Афинах были затеяны обширные работы; особенно изукрасили афиняне свой акрополь и более всего почтили богиню Афину.

Все предприятия эти требовали больших средств. Перикл предложил народу взять те сокровища, которые составились из благочестивых взносов и лежали без применения в храме богини-покровительницы города, носившей одно с ним имя: пусть пойдут эти богатства в оборот; в случае успеха граждане могут вдесятеро вернуть божеству, которое помогает им. Он убедил также афинян взять в свои руки деньги, получаемые из взносов союзников, малоазиатских и островных греков: эти деньги принадлежат по праву афинянам за то, что они оберегают греческое море, народ может тратить их на свои нужды, не спрашивая союзников. В знак этой перемены казна, в которую платили союзники, была перевезена с острова Делоса (среди Эгейского моря) в Афины. Вследствие этого союзники из товарищей, каковыми они были вначале, обратились в подданных афинян, в их оброчных людей. Большой союз половины почти греков под начальством афинян стал теперь *державой* Афины. В этой державе между господами и их подчиненными было крупное неравенство в положении.

Перикл. Античный бюст

*Общий вид афинского
Акрополя.
Реконструкция. Слева
направо: Эрехтейон,
Парфенон, Пропилеи
(внизу), Храм Афины
Победительницы*

Эсхил. Бюст

Афинский народ. Число афинских граждан было невелико сравнительно с подданными: первых было в 20 или 30 раз меньше, чем вторых. В самой Аттике настоящими гражданами считались только дети родителей граждан; все другие, как бы долго ни жили в Афинах, оставались "обывателями"; их мнения не спрашивали в делах, касавшихся всего города или всей державы; они не получали никаких выдач из казны.

Тем более заметны были выгоды, которыми старались наделить граждан. За участие в суде, за потерю времени на какой-либо службе они получали вознаграждение. Иногда между ними разделяли хлеб, купленный и привезенный на общественный счет. Небогатые граждане, кроме того, постоянно получали даровые билеты на театральные представления, причем цена этих билетов уплачивалась устроителям театра из казны.

Эти раздачи и вообще дневное содержание, выдаваемое гражданам за службу, были, правда, невелики. Но и потребности большей части граждан были очень ограничены. Теплый климат позволял греку носить простейший костюм, состоявший из рубашки, плаща в виде четырехугольного куска материи и подвязанных подошв. Часто он выходил из дому босой и без шляпы; большую часть дня он проводил на воздухе. У простого человека дом был тесен, кое-как выстроен, почти без мебелировки; в питье и еде народ был крайне умерен. Однако, довольствуясь немногим в своей обстановке, небогатый горожанин с большим интересом следил за предприятиями своего города, жадно ловил новости, любил поговорить о делах и выразить свое мнение; он требовал к ответу выбранных им начальников и слушал охотно споры и доводы людей разных взглядов, выступавших в народном собрании.

С граждан не собирали подати. Но народ заставлял богатых людей тратить на снаряжение кораблей, на устройство праздников. Многие находили в этом удовлетворение своего честолюбия, особенно когда на празднике называли громко имена щедрых дарителей. Но другие роптали, что простонародье взяло себе чрезмерную силу в городе; нигде, говорили они, нет такого господства "корабельной черни"; оттого так своевольны стали в городе и рабы; раб одевается так же, как свободный, не уступает дороги на улице, и его нельзя тронуть, так как он может ответить на удар.

Народное собрание при Перикле. Перикл крепко стоял за выгоды горожан, ремесленников, торговцев, моряков, которые создали силу Афин. Противники пытались обвинить его в растрате казны, в притеснении союзников. Дело дошло до большого тайного голосования, в котором народ должен был решить, кто подлежит удалению из города, Перикл, или его главный обвинитель, Фукидид. Большинство написало имя противника Периклова (в 442 г.).

После этого ostracism Pericles занял такое положение, что уже никто не решался ему сопротивляться. Из года в год его выбирали одним из военачальников (*стратегов*), в опасных обстоятельствах назначали неограниченным стратегом всего флота и войска. А главное – все делалось по советам и указаниям Перикла, которые он излагал в народном собрании. В Афинах не было одного

главы государства, подобного нынешнему президенту республики; Перикл был первым министром, первым и исключительным советником народа афинского (по-гречески *демагогом*, т. е. вождем народа). Перикла сравнивали с тиранном Пизистратом и выражались так: в Афинах по виду – правление народа, а на самом деле – власть первого гражданина. Многие не любили и боялись этого замкнутого в себе, гордого, всегда серьезного и погруженного в дела человека. Между людьми набожными ходило обвинение, что Перикл отрицает силу народных богов; указывали на его близость с учеными, выразившими новые взгляды на мироздание, между прочим с Анаксагором, который решился утверждать, что солнце – не живое божество, а раскаленный громадный камень и что миром управляет великая сила Разума.

Со времени Фемистокла Афины были гораздо сильнее и богаче всех греческих городов. Но у Афин было много врагов: старый торговый город Коринф, у которого афиняне перебили рынки; Спарта, которая до нашествия персов считалась первым городом в Греции; большая часть приморских греков, считавшихся в союзе с Афинами, но недовольных тем, что они стали данниками Афин; наконец, персы, потерявшие из-за афинян греческие города Малой Азии. В отдельности никто из противников не мог сладить с Афинами; но вместе они могли сокрушить афинскую державу.

Сначала Коринф поднял против Афин Спарту. Повод нетрудно было найти. Спартанцы заступились за соседний с Аттикой небольшой город, которому афиняне запретили возить в Афины товары. Дело было неважное на первый взгляд, и многие понимали, что спартанцы ищут случая с тем, чтобы объявить войну.

Только общее собрание народа могло решить, как ответить спартанцам на их требование. Но прежде чем собирать весь народ, дело обсуждалось в *Совете пятисот* уполномоченных от деревень и от городских участков. Совет входил в разные мелочи и подробности всякого дела, которые нельзя обсудить в большом собрании из нескольких тысяч человек. Он решал, как дела докладывать народу. Совет вел также счет доходам и расходам казны; ему сообщали все важные новости, какие приходили с разных концов государства.

Когда Совет решил передать дело всему народу, граждане сошлись в большом помещении, похожем на открытый театр с каменными уступами. Начали, как всегда, с жертвы и произнесли проклятие тому, кто бы вздумал обманывать народ. Только при ясном небе могло состояться собрание. Грозу, затмение и даже простой дождь считали за дурной знак богов; тогда надо было распустить народ. Когда все сели, вестник объявил дело, уже обдуманное Советом, которое предстояло порешить народу.

Каждый гражданин, если только за ним не было замечено чего-нибудь дурного, мог сказать, что он думает. Тот, кто хотел говорить, поднимался на возвышение посредине и надевал во время речи венки на голову. Но кто решался говорить в большом собрании, должен был достигнуть большого искусства: нужно было уметь и заинтересовать, и убедить слушателей. Среди них было много необразованных людей; но, посещая собрания, они привыкли долго и внимательно слушать речи и обсуждать приводимые доводы.

В нашем случае несколько человек говорили, что лучше уступить требованию спартанцев и не вызывать их на открытую ссору. Спартанцы всегда могут пройти перешеек и опустошить Аттику; афиняне не могут с ними сладить в открытом поле. Другие возражали, что уступить спартанцам обидно для Афин: спартанцы пойдут на новые, более тяжелые требования, и все равно придется воевать с ними. Обе стороны в собрании говорили долго и не переспорили друг друга; большая часть народа осталась в нерешимости и ждала, что скажет Перикл.

Уже раньше Перикл обсудил дело со своими друзьями и сторонниками; они в свою очередь говорили между своими знакомыми и настроили многих в пользу того же мнения. Все, кто привык собираться вместе и толковываться заранее, уговорились, за что отдать свой голос. Но все же Периклу удалось своей речью в собрании убедить многих колебавшихся. Он говорил, что войны со спартанцами нечего бояться: у врагов нет ни кораблей, ни денег; они бессильны на море. Пускай они опустошают Аттику. Ведь не люди земле служат, а земля – людям. Афиняне могут все запереться в стенах главного города и гавани. Своими кораблями они нанесут много вреда неприятельским берегам и заставят противников просить мира.

После этой речи никто больше не захотел говорить. Кто был не согласен с Периклом, мог заметить, что уже не удастся перетянуть остальных на свою сторону. Пора было идти на голоса; чтобы не тратить времени на ответы, заставляли поднимать руки в пользу одного и другого мнения. Начальники спросили, кто за уступку спартанцам. Подняли руки большей частью землевладельцы и крестьяне, которые боялись разорения земли, если придут спартанцы; поднятые руки сосчитали. Затем спросили, кто против уступки спартанцам и, следовательно, за войну с ними. Подняли руки промышленники, купцы, моряки, большинство городских жителей. Их также сосчитали, и оказалось, что их гораздо больше, чем первых (приблизительно 4000 против 2000). Согласно мнению, которое взяло верх, народное собрание постановило дать спартанцам суровый ответ и готовиться к войне.

Пелопоннесская война и падение Афинской державы. 431–404. Афиняне назвали эту войну Пелопоннесской, так как Спарта могла привести с собою ополчение почти всех областей и городов Пелопоннеса. Перикл задолго подготовил защиту и убедил афинян, что война пойдет успешно: он указывал на денежные запасы, на изобретательность и энергию народа. И действительно, спартанцы, не имевшие флота, не могли нанести афинянам большого вреда; их ополчение каждый год опустошало Аттику; большая часть деревенского населения пряталась в Афины, Пирей и за длинные стены между ними, а с моря подвозили припасы. На море афиняне везде оставались господами.

Но торговля их все-таки терпела от войны; нашествия спартанцев мешали обрабатывать землю в Аттике. В городе от скопления множества людей быстро распространилась занесенная кораблями чума. Война подняла сильную вражду между гражданами. Примолкшие противники Перикла заговорили, что на него падает вина за неудачи. Ревнители веры, пользуясь отчаянием простолюдинов, которым несчастья казались гневом божества, напоминали, что Перикл раздражил богов своим неверием. Все эти обвинения подействовали на афинский народ. Первый человек, которого беспрекословно слушались в течение почти 30 лет, был свергнут; его лишили должностей и обвинили на суде за растрату казны. Через год народ опять вернул Периклу прежнее положение, но его уже подкосила смертельная болезнь.

В Афинах вообще подняли голову противники правления народа. Они смеялись над тем, что лавочники и мастеровые рассуждают о важных вопросах; по их мнению, это – дело "немногих", "лучших" людей, т. е. состоятельных, обладающих досугом. В то же время положение Афин стало опаснее. Демагог Клеон, заступивший место осторожного Перикла, хотел вести дело решительно, не обороняться только, а нападать на врагов. Для покрытия военных расходов он предложил увеличить сбор денег с союзников, но это грозило вызвать среди них новое раздражение. Афиняне еще могли бы удержать власть, если бы не тянулись дальше своих старых владений. Но народ увлекался новыми морскими планами.

Алкивиад, родственник Перикла, представил народу заманчивую картину: завладеть богатой Сицилией, уничтожить торговую силу Карфагена на Западе и тогда захватить все Средиземное море. Афиняне отправили большой флот и лучшее войско под начальством самого Алкивиада против Сицилии (415 г.). Алкивиад почти ничего не успел сделать. Его враги нашли случай обвинить его заочно. В Афинах незадолго до отъезда флота ночью были сломаны старинные изображения богов, стоявшие на перекрестках улиц. Алкивиад известен был за человека неверующего: пользуясь этим, обвинители доказывали, что оскорбление богов – его дело. Алкивиад не поехал на суд и был заочно осужден на смерть.

Между тем афиняне осадили большой сицилийский город Сиракузы с моря и с суши. Сиракузяне оказались опасными противниками. После долгой полутораговой осады они рассеяли афинский флот, обратили в бегство войско и в горах захватили его: афиняне, оставшиеся в живых от резни, были большей частью отправлены на каторгу в рудники. В несчастном сицилийском походе погибло более 200 кораблей и около 50 000 человек. Это был непоправимый удар. Для Афин это значило потерять половину своей силы.

Между тем Алкивиад появился в Спарте: раньше он хотел взять себе первое место в Греции при помощи Афин, теперь его цель была – подняться выше всех в борьбе против Афин. В свои планы Алкивиад втянул и персов. Он умел сходить с людьми разных стран: в Афинах вел беседы о философии, искусстве, в Спарте жил просто и по-военному, у персов тратился на роскошную дворцовую обстановку. Он устроил союз персов и спартанцев. Персы дали деньги, на которые

спартанцы снарядили сильный флот. Большая часть недовольных афинских союзников стала на их сторону. В самих Афинах противники демократии забрали власть, восстановили старинный порядок, бывший до Солона, образовали совет из богатых людей и перестали созывать народное собрание. Они задумали помириться со Спартой, чтобы опрокинуть раз навсегда ненавистную им демократию.

Но войско и моряки, стоявшие флотом у острова Самоса, объявили себя против правления "немногих" (*олигархии*) и позвали Алкивиада, который уже успел поссориться со спартанцами. Самая большая опасность грозила афинянам оттого, что спартанский флот завладел проливами, ведущими к Черному морю. Туда и двинулся Алкивиад; он отвоевал прежние владения Афин у проливов и очистил торговый путь, которым везли в Афины хлеб. После этих побед демагоги в Афинах сбросили господство немногих и восстановили правление народа.

Еще семь лет выдерживали Афины борьбу против многочисленных врагов: мужественный народ снаряжал корабли за кораблями. Но средства истощались, из храмов взяты были последние запасы золота, энергия падала. Народ раздражался от неудач, винил своих вождей в измене. Когда Алкивиад потерпел поражение, его вторично осудили, и он бежал к персам. Еще раз в великой морской битве у островов Аргинузских близ берегов Малой Азии афиняне разбили спартанцев. Но следом за сражением разразилась жестокая буря, которая унесла в открытое море несколько кораблей и выкинула беззащитных в волны; начальники флота не могли спасти утопающих и похоронить павших в бою. Из Афин тотчас пришел приказ о смещении их и вызове на суд; их обвиняли в гибели сограждан и оскорблении памяти мертвых. Сильно возбужденный народ не хотел слушать их оправдания и осудил их на смерть. Скоро после казни афиняне стали раскаиваться в своем решении и обратили гнев на тех, кто "обманул народ", поднявши обвинение против победителей.

Но уже близок был конец. Спартанский адмирал Лизандр захватил последний флот афинян, стоявший в проливе, без боя в то время, как матросы и солдаты ушли на берег за припасами. Афины были теперь отрезаны от всякого подвоза. Враги окружили город с суши и с моря и после пятимесячной осады взяли его голодом. Лизандр заставил скрыть укрепления Пирея и длинные стены, соединявшие порт с Афинами; афиняне должны были выдать все военные корабли и сжечь свои верфи; все владения, кроме Аттики, были у них отняты. Так кончилась афинская держава, простоявшая 73 года (от 477 до 404 г.).

Лизандр потребовал также, чтобы афиняне уничтожили у себя демократию и ввели опять правление немногих. Власть захватили 30 человек богатых граждан, прозванные впоследствии *тридцатью тираннами*. Они не созывали вовсе народного собрания и казнили всех, кто казался им подозрительным. Но уже через год сторонники демократии, бежавшие в Фивы, вернулись в Аттику и под начальством Фрасибула, одного из адмиралов Пелопоннесской войны, захватили Пирей. Глава тридцати, Критий, погиб в стычке; в Афинах опрокинули во второй раз олигархию и восстановили равенство граждан и правление народа.

Умственная жизнь Афин. 460–400 гг. В Афинах времени Перикла как будто билось сердце Греции. Лучшие люди греческого народа, первые художники, поэты, ученые, изобретатели этого времени были или афиняне родом, или если это были уроженцы других греческих городов, то они подолгу жили в Афинах, искали случая познакомиться афинянам со своими мыслями и работами. Многие из греков, приезжавших в Афины, были в восторге от афинского порядка жизни, где все граждане пользовались равенством прав и свободой мнений и речи.

Сократ. Античный бюст

Битва с амазонками.
С рельефа на античном саркофаге

Афинские юноши, едущие в торжественном шествии. С фриз Парфенона. Работа Фидия

Афинская тетрадрахма. На лицевой стороне голова Афины, на оборотной – сова с масличной ветвью и три начальные буквы названия города: А.Ф.Е

Платон. Мраморный бюст

Новые понятия о богах. Понятия более развитых греков в это время стали сильно разниться от тех, какие были во времена Гомера. Многим эти старые взгляды казались детскими или варварскими. Приступая к рассказу о старине, один писатель заявлял: "Я, Гекатей из Милета, пишу только о том, что считаю за истину; из сказаний, которые ходят среди греков, многие, мне кажется, смешны". Он разбирает далее сказание об адском псе, за которым Геракл через пещеру спускался в преисподнюю, и удивляется легковерию и нелепости народа: ведь все эти ужасы подземного мира – пустые призраки; здесь случилось самое естественное происшествие: Геракл схватил в пещере большую ядовитую змею, которую за ее укусы прозвали адским животным, – вот и все.

Так же, как новый суд в Афинах был непохож на старую расправу, и понятия о богах стали непохожи на старинную веру.

Пролить кровь человека, отнять чужое стали считать дурным делом, виной, грехом. Боги не велят этого делать, так думали теперь люди. Ничто не ускользает от ока Зевса: дочь его Дика (т. е. Правдa-мстительница) открывает ему все обиды и несправедливости на земле. Не может избежать гнева богов злой и несправедливый человек; если грех велик, боги взыщут с его потомков. Сами боги чисты и святы; высоко поднялись они над людьми, и нет у них человеческих слабостей и недостатков. Прежде Зевса представляли громовиком, который ссорился с другими богами, был капризен и злоупотреблял своей силою. По-новому Зевса считали разумным правителем всего мира; все совершается по мудрым его указаниям.

Особенно привлекал людей прекрасный образ молодого бога Аполлона. На земле много зла, и люди сами не могут от него избавиться. Аполлон спускается на землю, чтобы очистить, освободить людей от беды. Он убивает страшного змея, в котором собралось зло земное. Он учит людей благородным мыслям. Все, что настраивает человека на возвышенные чувства, принадлежит Аполлону, особенно искусство, более всего музыка и поэзия. Вдохновение, талант – дар Аполлона. Вдохновенный человек – а это может быть поэт, проповедник, ученый – видит нередко больше, чем обыкновенные люди, как бы предугадывает будущее; Аполлон, говорили тогда, сам вещает его устами.

Дельфийский оракул. Греки думали, что есть места на земле, где особенно близок к людям Аполлон, есть чудодейственные источники, которые дают таинственную силу. Таким местом более всего считали горные ущелья в середине Греции у города *Дельф*. Тут, по преданию, Аполлон убил змея.

Среди диких скал, где низвергаются водопадами прозрачные ручьи, после долгой молитвы или во время сна, людям казалось, что пред ними открывается будущее или что они способны принять твердое решение, как будто внушенное самим богом.

В Дельфы постоянно направлялись во множестве богомольцы, чтобы очиститься в молитвах, возносимых к Аполлону, или спросить у бога совета, указания будущего. Они приносили дары богу. Спрашивали обо всем: будет ли выгода от такого-то нового занятия, решаться ли на путешествие, мириться ли со своим недругом, как воспитывать ребенка своего; наконец спрашивали от имени городского совета или народного собрания о делах, которые касались целого города или области. На эти вопросы отвечали постоянные служители Аполлона, жрецы его, которые ближе к нему стояли.

Грубый обычай старины примешивался к этой подаче советов от имени бога-вдохновителя. По старинному понятию, в несвязной речи безумного или юродивого заключено пророчество. В Дельфах выбиралась жрица, которую приводили в состояние, близкое к безумству. Когда наступало время прорицания, она в сияющей, как бы венчальной одежде поднималась на золотой треножник, стоявший над горной трещиной, из которой выходил удушливый газ. Жрица приходила в тяжелое забытие и говорила, заикаясь, со стоном несколько неясных слов. Стоявший рядом с нею толкователь связывал их в стихи и передавал вопрошателям: это считалось ответом бога, открывшего свою волю в мучительных криках жрицы.

Дионисовы праздники и мистерии. Вдохновение, восторг могут, однако, наполнить душу человека и помимо этих мучений. Среди расцветающей природы или в хороший урожай, во время сбора плодов и винограда хороводы, пляски, пение точно окрыляют человека, заставляют его забыть о всяком горе, вселяют в него счастье. Греки верили, что это чудо в человеке совершает веселый и благодушный бог Дионис, особый покровитель виноделия.

Миф рассказывал, что Дионис приезжает с Востока в торжестве, увитый венками и гирляндами, окруженный шумной толпой смешных козлоногих плясунов. Никто не может устоять против его смеха, щедрости и доброты; все пристают к его веселому поезду. В память этого появления Диониса в Аттике справлялся шумный народный праздник весною. В толпе вертелись ряженные; слышались задорные шутки, потешались балансированием на надутом натертом маслом мехе. Более горячие почитатели Диониса, особенно женщины, возбуждали себя музыкой, быстрой головокружительной пляской и с громкими криками, распустив волосы по ветру, носились вереницами по холмам и долинам; им казалось, что они сами присоединяются к свите Диониса, что душа их парит над землею.

Недолго жить светлому богу. Его подстерегают злые враги. Зимняя стужа, бурные ветры губят цветы и деревья. Так и Диониса одолевают чудовищные великаны; они растерзывают на куски его тело. Светлый бог скрывается в преисподней. Но Зевс снова его воскрешает: он опять возвращается, и опять с ним веселится вся земля.

Другой большой праздник в Аттике справлялся в начале осени, ко времени, когда скрываются в преисподнюю благодетельные боги-покровители земного обилия. Боги эти становятся внизу могучими владыками подземного мира. Люди, которые боялись тяжелой участи души за гробом, искали их помощи и принимали особое посвящение. Посвященные в числе нескольких десятков тысяч собирались в Афинах, совершали очистительное омовение в море и отправлялись длинной процессией в священное место *Элевзин*, где происходило торжество. Главное богослужение, *мистерии*, совершалось ночью: народ собирался среди благоговейной тишины в большом помещении, имевшем вид театра: перед его глазами воспроизводили судьбу богов, сходящих в подземный мир и возвращающихся оттуда. Таинственная ночная обстановка, музыка, блеск священных представлений сильно действовали на собравшихся. Они уходили с верою, что за гробом подземные боги избавят их от мук, что их ждет трапеза с самими богами на светлой горе, покрытой цветами, в то время как другие, непосвященные, будут тонуть в смрадном болоте.

Искусство. Прекрасных благодетельных богов своих греки старались изобразить. В картине, в статуе бога они собирали самые возвышенные черты, какие только могли найти между людьми или какие могли представить себе. По всей Греции получили известность художники, которым заказывали наперерыв большие изображения богов в различных греческих городах.

Во времена Перикла особенно выдавался афинянин Фидий. Он сработал для храма в Олимпии огромную статую Зевса. Зевс был представлен мощным царем на престоле. Фидий сделал также большую фигуру богини Афины для главного храма (*Парфенона*) в своем родном городе. Обе статуи состояли из деревянного остова; лицо, шея и руки были обиты пластинками из слоновой кости, одежда была сделана из листового золота; глаза в статуе Афины были вставлены из самоцветного камня. Чаше делались статуи меньших размеров из бронзы или мрамора; белый камень раскрашивался в разные цвета и покрывался позолотой.

Художнику часто заказывали сделать статую борца или бегуна-победителя на играх. Гимнасты и участники военных игр обыкновенно выступали обнаженные. Художники старались представить силу мускулов и стройность человеческого тела, и никто не мог достигнуть такого искусства в изображении человека, как греки.

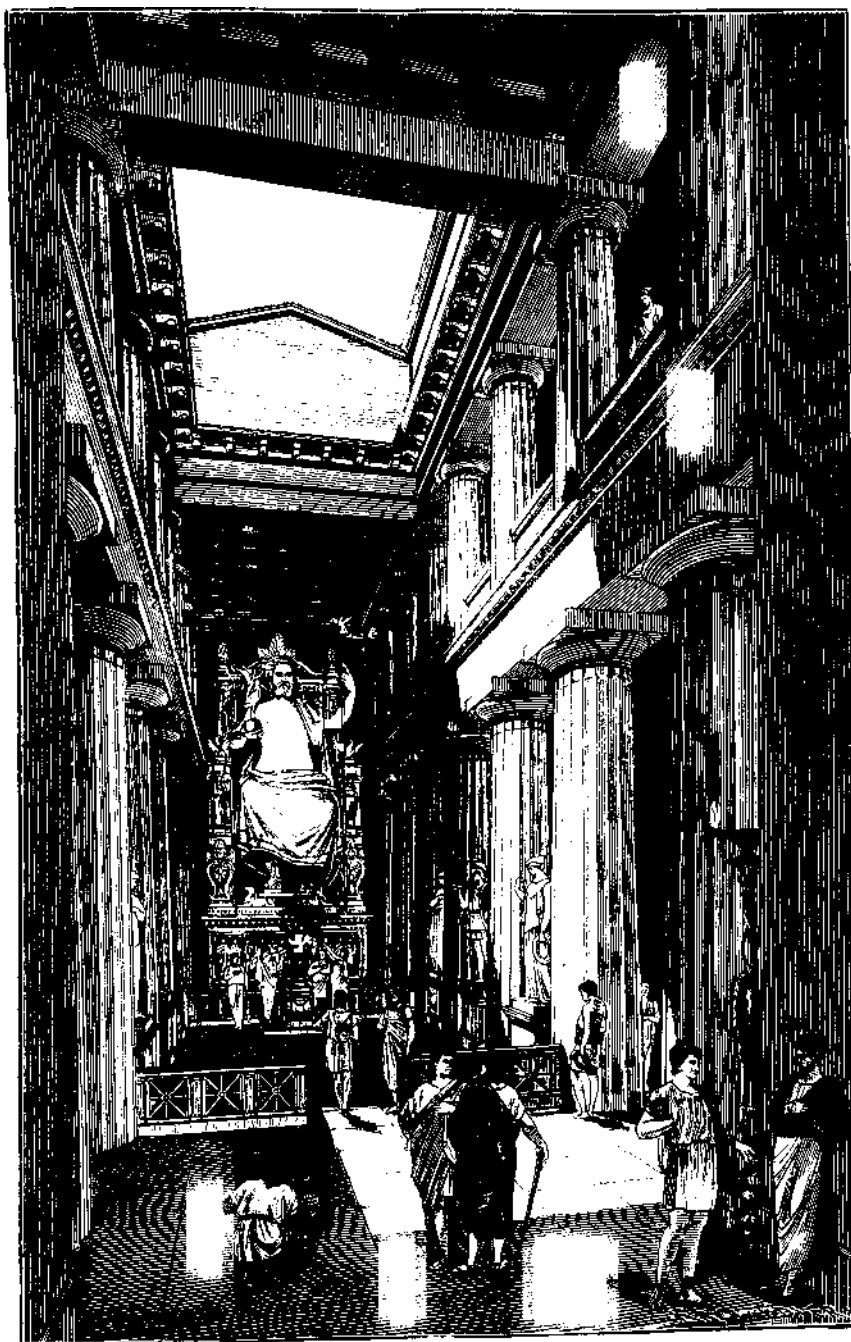
Храмы у греков были не так крупны, как в Египте и Вавилоне. Сначала божий покой был небольшой крытой кладовой для того, чтобы хранить дары богомольцев или священные предметы бога, его копье и щит и т. п. Они имели вид продолговатого четырехугольника вроде нашей избы, только с более отлогой крышей.

Позднее здание расширили и разделили на две половины. Меньшую, темную часть позади оставили для сокровищ; большую, переднюю часть, освещенную широким отверстием сверху, отводили для жертв и молитв; здесь ставилось изображение бога. Вход старались сделать красивее: вытягивали вперед навес крыши и подпирали его каменными столбами. От двух наклонов крыши и прямой полосы над столбами получался треугольник; он разукрашивался обыкновенно выпуклой картиной (рельефом): представляли бой витязей троянской войны, двенадцать подвигов героя Геракла или праздничный ход граждан и т. п. Иногда навес вытягивали во все четыре стороны храма и подпирали его кругом колоннами. Получалась кругом всего храма галерея, где можно было укрыться от солнца.

Колонны могли быть низкие, грузные, как будто выросшие прямо в пол, без украшения наверху: весь храм казался тогда тяжеловесным, суровым на вид: это была старинная стройка (*стиль*, т. е. обычай, *дорический*). Позднее вкус изменился: стали приподнимать фундамент, вытягивать повыше колонны, делать их более стройными, с подножием внизу и завитком наверху вроде стружки или раскрытого цветка (это были стили *ионический* и *коринфский*). Фигуры на храме, украшения, навесы и колонны раскрашивались яркими и светлыми красками.

В храме лежало за крепкими стенами и затворами много золота и серебра в вещах и слитках. Это были не только сокровища бога, но и разное имущество или денежные средства людей, отданные на хранение. Городскую казну обыкновенно хранили в храме; например, афиняне держали свое запасное золото в главном храме богини Афины на акрополе. Храм мог укрыть и людей, искавших защиты бога; в священном месте не должно быть ни кровопролития, ни насилия. Поэтому храмы считались убежищем для преследуемых и даже преступника нельзя было оторвать от алтаря или изображения бога.

Театр. В храме или на площади люди ставили изображение бога, чтобы постоянно видеть его, чувствовать его близость. Больше того, греки хотели представить бога в живом образе. Это происходило в большой весенний праздник любимого народом бога Диониса.

Внутренняя часть храма
Зевса в Олимпии с изобра-
жением Зевса работы Фи-
дия. Реконструкция

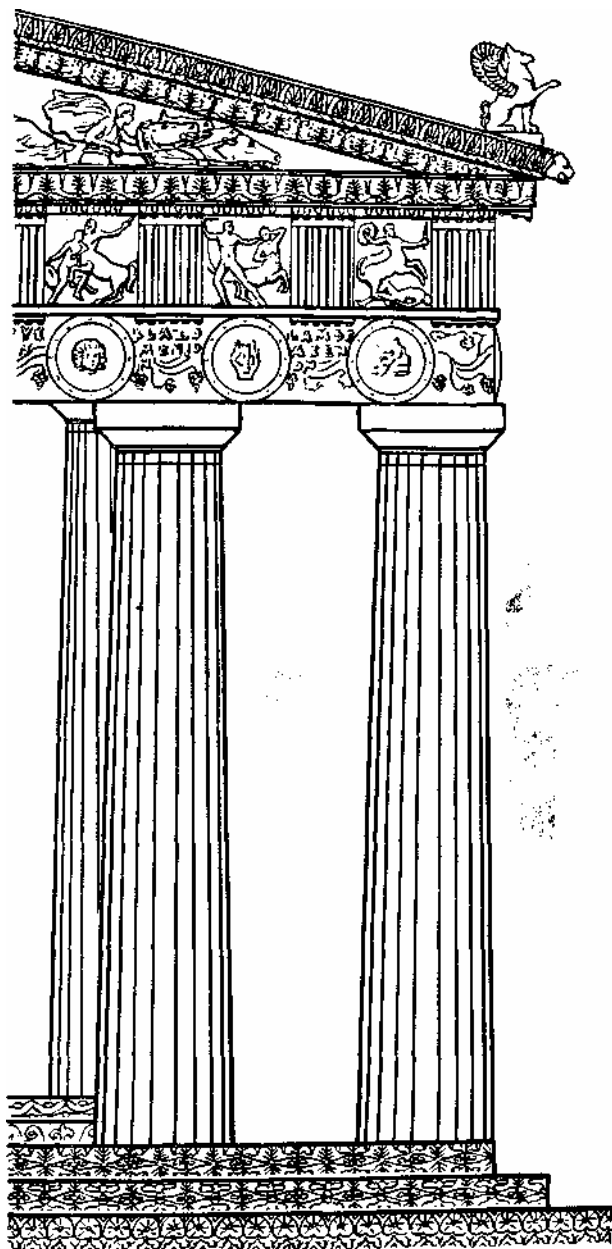
Геродот. Античный бюст

Олимпийские игры.
Соревнование в беге.
Из изображения на вазе

Метатель диска (медного круга)

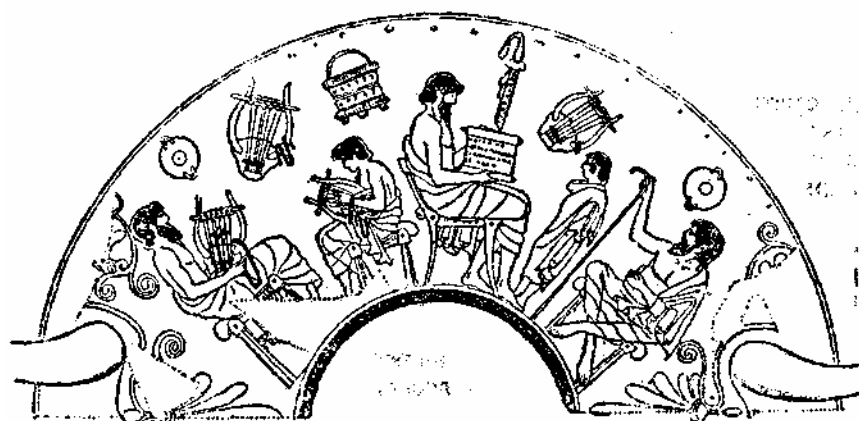
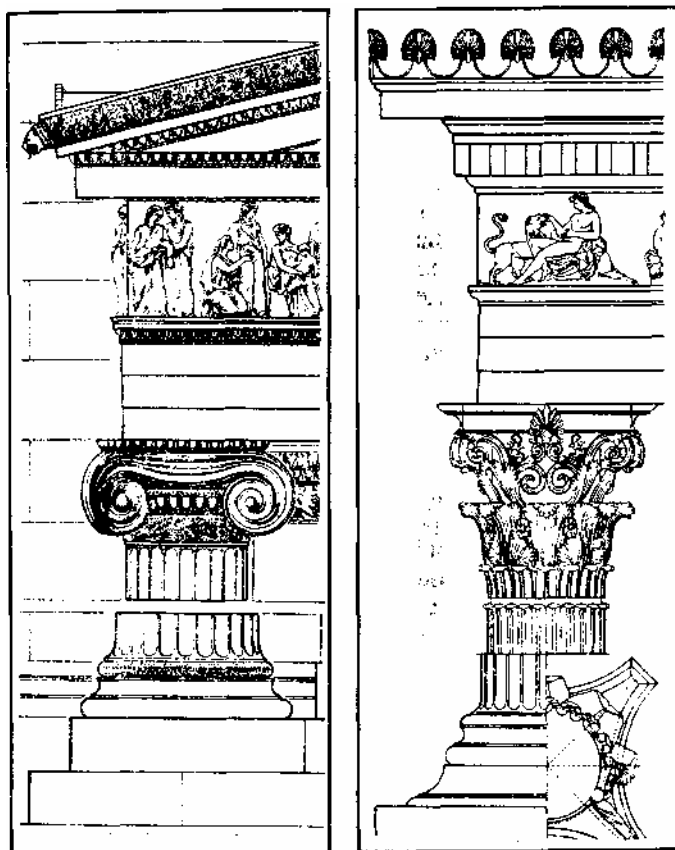

Греческий ионический ордер. Эрехтейон в Афинах. Строители Архилох и Филокл. Реконструкция

Греческий коринфский ордер. Памятник Лисикрата в Афинах. Реконструкция

Греческая школа. Налево урок музыки, направо – поэзии; учитель развернул книгу, по которой читает ученик; на стене развешаны учебные предметы; позади ученика сидит педагог, т. е. раб-проводжатель

Несколько человек брали на себя главную часть торжества. Они должны были изобразить самого бога и его веселую козлоногую и хвостатую свиту (силенов). Дионис появлялся в сияющем одеянии на повозке, которой придавали вид корабля (по мифу, он прибыл в Грецию морем). Он доезжал, окруженный силенами, до круглой площадки, около которой толпился народ. Здесь силены, в вывороченных шкурах и с намазанными лицами, плясали и пели хором (площадка называлась *орхестра*, т. е. место хоровода; от нее – название нашего оркестра). Дионис говорил им стихотворную речь, в которой рассказывал свою судьбу, страдания и торжество; его свита выражала сочувствие. Снова начинался хоровод, а в это время тот, кто изображал Диониса, исчезал в поставленной позади палатке (*скене* – сцена) и переодевался. Он выходил потом, чтобы изобразить какое-нибудь другое лицо, по мифу связанное с Дионисом, например его врага, опять поднимался на возвышение, на повозку или на широкий каменный помост посреди площадки и говорил за это новое лицо. Хор отвечал ему другими словами, выражением гнева или печали, если слышал речь недруга Дионисова.

Эти незатейливые представления и были началом *театра*, т. е. зрелища. Изображение судьбы Диониса называлось также *трагедией* (что буквально значит песнь козлов). Народ увлекался театром и постоянно открывалась возможность прибавить к нему что-нибудь новое. Кроме мифа о Дионисе,

можно было представить в лицах многие другие мифы. Представления стали чаще. Поэты писали стихотворную речь для главного актера, хороводные песни и разговоры между главным лицом театра и его свитой. Богатые люди, которые хотели выдвинуться на праздник, угодить народу, тратились на обстановку, покупали для действующих лиц богатые костюмы, нанимали искусных певцов и плясунов или готовили к празднику на выучку целый хор.

Трагедия. Особенно много нового для театра придумал поэт Эсхил, живший во время греко-персидских войн. В представлениях стали изображать не только мифы, но и события недавнего времени. Эсхил, сам участник саламинского боя, представил в трагедии "Персы" бегство варваров и принижение "великого царя".

Для оживления театра Эсхил придумал выводить второго актера. Пока из сцены выходил всего один актер, он мог только рассказать словами о том, что случилось с богом или героем, которого он изображал. Двое актеров, особенно если они представляли противников, могли воспроизвести само происшествие, могли представить действие (по-гречески *драма*). Чтобы актеры могли свободнее двигаться и все-таки быть выше хора, Эсхил перестал выводить их на помост или на повозке и снабдил их высокими деревянными каблуками или привязными скамеечками. Эсхил устроил и первую декорацию. Актеры у него должны были играть ближе к палатке: ее переднюю стенку стали раскрашивать, придавая ей, смотря по пьесе, вид алтаря, скалы, переднего фасада дома с дверью посередине и т. д. Если в пьесе надо было представить и людей, и богов, то боги входили на плоскую крышу палатки, чтобы казаться выше людей.

В трагедиях Эсхила сюжет был возвышенный или грустный. Зрители следили с замиранием сердца, как богини кровавых призраков преследовали несчастного Ореста, убившего мать за то, что она изменнически зарезала своего мужа Агамемнона, отца Орестова, когда он вернулся домой после взятия Трои. Они глубоко волновались, глядя на прикованного к скале героя Прометея, благородного друга людей, наказанного Зевсом за то, что он похитил для людей огонь с неба, научил их труду и поднял над грубой жизнью животных.

В театральных представлениях принимали участие множество граждан. Играли на сцене вовсе не актеры по ремеслу, а любители, постоянно сменявшиеся. Еще более смены нужно было для исполнения хоров и танцев. Пьеса давалась обыкновенно только один раз. Публика требовала к каждому большому празднику новые четыре драмы: три трагедии и одну пьесу насмешливого содержания в заключение. Афинские поэты были поэтому очень плодовиты. Современник Перикла, Софокл, написал более 120 пьес. Между немногими, дошедшими до нас, есть три трагедии, связанные между собою по содержанию. Они изображают страдания царя Эдипа и несчастья его детей.

Царский сын Эдип, по мнению его родителей погибший, убивает в случайной ссоре отца своего, которого он вовсе не знал. Он правит потом долго и счастливо, пока не наступает среди народа тяжелый мор. Тогда предсказатель объявляет, что это – наказание за великий грех царя. Эдип в ужасе от того, что узнал, отрекается от власти и выкалывает себе глаза, но беда преследует его дом: два его сына убивают друг друга в споре за власть; его дочь погибает потому, что хотела похоронить убитого брата-изгнанника. На всех этих людях нет вины; они ищут лучшего пути в своих действиях; гибнут они потому, что уже заранее решено и предсказано их осуждение. Мысль этой драмы та, что человек, как бы ни строил он жизнь свою, сколько бы ни было в нем высоких порывов, все же бессилен против судьбы.

В драмах Софокла действие разнообразилось живыми картинами. В его пьесе "Аякс" представлен герой троянской войны, впавший в дикое безумство, когда доспехи убитого Ахилла присудили не ему, а Одиссею; жена Аякса сообщает хору его товарищей, что Аякс в бешенстве и ослеплении перебил стадо баранов, приняв их за Одиссея и его воинов; во время этих слов широко распахиваются двери сценической палатки: из них выезжает на колесах помост и на нем несчастный, потерявшийся Аякс среди фигур перебитых им животных; через несколько минут эту подвижную сцену укатывают назад, и действие продолжается.

Во время Пелопоннесской войны между драматическими писателями выдавался Эврипид*. Он выбирал по обыкновению содержание из мифов, но под видом героев изображал современных ему людей. В драмах Эврипида несчастья и гибель человека представлены, как следствия его характера и

ошибок, которые он совершил. В разговорах действующих лиц поднимаются разные вопросы: сила или правда торжествуют на свете, можно ли верить в богов и др. Эти беседы напоминают иногда споры и доказательства в афинском суде.

* Еврипид.

Эврипид придумал много нового для театра. У него пьеса обыкновенно начиналась с большой живой картины. Чтобы не готовить ее на глазах у зрителей и не портить впечатления, стали спереди сцены, между вытянутыми боковыми ее стенками, устраивать занавес: так получилось четырехугольное место между задней декорацией, боковыми стенками (кулисами) и занавесом. Это место, которое и стали называть с тех пор сценой, было приподнято над орхестрой; актеры выходили из задней двери, а хор с боков палатки; пройдя кругом орхестры, хор входил по широким ступеням на сцену.

В пьесах Эврипида к концу были приготовлены новые эффекты: герой взлетает на воздух на крылатом коне; волшебницу увозят в облака драконы и т. д. Зрители привыкли под конец действия смотреть наверх. Развязку приносил обыкновенно бог или просветленный герой, появлявшийся с небес. Для этого придумана была особая машина (наше слово машина происходит от греческого *механе*, что значит подъем для полета): кулисы были вытянуты вверх значительно выше палатки; между этими крыльями протягивались канаты, по которым можно было двигать корзину, где сидели актеры, изображавшие богов на воздухе; позади канатов широкую стену раскрашивали голубым цветом неба; или к столбам на краях приделаны были крюки, которые держали корзину с актерами и поворачивались к середине.

Представления отличались от наших тем, что актеры покрывали лицо маской, менявшейся смотря по характеру изображаемой фигуры. Женские роли исполнялись мужчинами. Греческая трагедия была отчасти похожа на нашу оперу: хор исполнял несколько песен; действующие лица, помимо обыкновенного разговора, еще мерно читали нараспев стихи.

В греческом театре только сцена была крытая. Зрители толпились или рассаживались кругом открытой орхестры. Чтобы дать им побольше места, вокруг орхестры строили каменные уступы, поднимавшиеся кверху все более широкими кругами. Внизу, ближе к сцене, помещали главных лиц в городе, начальников, членов совета и почетных гостей из других городов.

Театр у греков мог вмещать несравненно больше зрителей, чем у нас: более 20–30 тысяч человек. Он служил не для одних только представлений; в его широкое помещение сходились слушать музыку, слушать чтение стихов и речей. Говоривший речь (ритор) выбирал предмет, который мог воодушевить присутствующих, например о борьбе с персами. Слушатели следили за ним так же внимательно, как в народном собрании, оценивали красивые обороты речи и награждали горячим одобрением.

Комедия. Были и другие представления, где через край бил смех и шутка. Они тоже начались на праздниках Диониса. Народ собирался около особого деревянного помоста; в то время как внизу быстро вертелись скоморохи (по-гречески их круговая песнь называлась *комедия*), на помосте в середине появлялись спутники Диониса с большими животами и хвостами. Они передразнивали всевозможные вещи. Все мифы изображались здесь наизусть, герои и даже боги выходили в смешном виде. Например, великий богатырь Геракл, который, по сказанию, освободил людей от чудовищ и исходил со своей палицей всю землю, представлялся в комедии в виде огромного сонного обжоры и болтуна. На помосте комедии появлялись разные карикатуры на хвастовство, жадность, недогадливость и т. д. Актеры вставляли намеки на недавние события, высмеивали людей, которых знал весь город.

Трагедия началась в Афинах. Комедия была прежде в ходу в Сиракузах и в Пелопоннесе; она игралась переходными актерами на манер нашего Петрушки, в котором прежде вместо кукол были живые фигуры. Во времена Перикла комедия появилась в Афинах.

Великим мастером писать комические пьесы был афинянин Аристофан. Он был неистощим на шутовские картины. Когда Алкивиад и другие вожди старались увлечь афинский народ разными планами новых завоеваний и приобретений за морем, Аристофан осмел жадных искателей и изобразил, как два афинских болтуна и мечтателя основывают совсем по душе себе беспечальное царство птиц между небом и землею. Или Аристофан нападал на афинских граждан за их страсть слушать в суде бесконечные тяжбы и представлял, как сын решает не пускать в судебное заседание

старика-отца, запирает его дома и гонит его товарищей-судей, являющихся в виде злых ос с острыми жалами; для развлечения старику позволяется устроить суд над двумя собаками. То Аристофан выводил модных учителей (Сократа в комедии "Облака"), которые берутся обучить своих молодых и взрослых слушателей всей науке и приучают их только дерзко спорить и беззастенчиво доказывать что угодно. То осмеивал слишком самоуверенного демагога (Клеона) или, наконец, представлял весь народ афинский под видом старичка, выжившего из ума, которого водят за нос лстивые говоруны. Аристофан часто брал через край: нападая на новых учителей, он осмеял самый интерес к науке и открытия ученых. Но никто в Афинах и не думал стеснять писателей и актеров комедий. Они могли представлять и высмеивать не только советников и вождей народных. Сам верховный господин в Афинах – народ позволял над собою смеяться.

Обучение. В большом городе, как Афины, можно было многому научиться. В народном собрании и суде постоянно рассматривали разнообразные дела, в речах граждане сравнивали свои и чужие порядки, вспоминая о старине, разбирали тонко поступки, мысли и чувства людей. На видных местах в городе красовались стройные здания и статуи, сработанные художниками, и глаз отвыкал от всего грубого, несоразмерного, нескладного, приучался к изящному. В театре выступала вся народная мудрость: представляли старину в мифах и новейшие события; действующие лица на сцене разбирали, какая должна быть правда на земле, живут ли люди рассудком или чувствами и т. д. Много мыслей возбуждали эти зрелища у посетителей, и много разговоров потом поднималось по их поводу. Благодаря всему этому и простолюдин мог развить свой ум, наблюдательность. Перикл был прав, когда сказал однажды в своей речи в народном собрании, что Афины – школа для всей Греции.

Но слова Перикла заключали в себе только хорошее сравнение. Он говорил в том смысле, как мы выражаемся, что жизнь есть лучшая школа. Настоящих же школ, учебных заведений для подрастающих, в Афинах и вообще в Греции было мало, и эти школы были плохи. Притом в них могли учиться только дети состоятельных родителей, потому что плата была высока.

Вслед за обучением грамоте преподавали три предмета: словесность, музыку и гимнастику. Обучение словесности состояло в том, что учитель читал вслух отрывки из Гомера или лучших писателей, повторяя фразы по нескольку раз вроде диктанта; ученики, однако, не писали, а повторяли вслед за ним отрывок по частям до тех пор, пока не вытверживали всего урока. Цель состояла в том, чтобы они знали много стихов и красивых речей наизусть и могли хорошо декламировать.

Ученые и софисты. Этого обучения было мало для любознательного человека. Между тем кругозор греков очень расширился благодаря их дальним предприятиям и сношениям.

Геродот, родом из малоазийского города Галикарнаса, современник Перикла, побывал не только во всех почти греческих колониях, но и в Скифии, в Египте и в персидском государстве до Вавилона. Он составил подробное описание стран и народов, которые видел. Это описание оканчивается рассказом о великой борьбе греков с персами. Геродот назвал свое большое сочинение *историей* (что значит исследование). В сочинении Геродота много народных сказаний, и он кажется как будто продолжателем Гомера в прозе. Но он не ограничивается рассказом и старается объяснить причины событий, найти в человеческих делах общую связь и смысл. Войны греков с персами, по его мнению, – лишь продолжение вековой борьбы между Европой и Азией, которая идет от начала времен. В судьбе людей много чудесных явлений; неожиданно могут сменяться счастье и гибель; эти перемены происходят от вмешательства богов, которые наказывают высокомерие сильных: так они покарали гордыню персидского царя, напавшего на греков. Геродот думает также, что события всегда оправдывают предсказания оракула. Геродот долго жил в Афинах и был большой почитатель Афин; он горячо стоял за равноправие; пример Афин показал, по его мнению, что народ свободный гораздо сильнее, чем подчиненный тирану.

Лет двадцать спустя после Геродота афинянин Фукидид (не имеет ничего общего с противником Перикла) подробно изложил события Пелопоннесской войны, в которой он сам принимал участие. Фукидид близко знал Перикла; в своем сочинении он приводит две речи Перикла, чтобы показать, как велик был ум и талант правителя Афин. У Фукидида совершенно иные взгляды на ход человеческих дел, чем у Геродота. Он нигде не упоминает о вмешательстве богов; он старается отыскать всякому явлению естественную причину, которая лежит в свойствах людей и в обстоятельствах дела. Фукидид

не хотел допускать в историю сказаний и поэтического вымысла. История – не собрание сказок, главная цель историка – найти истину. Поэтому Фукидид или сообщает то, чему сам был свидетелем, или если приводит чужие известия, то не иначе, как после строгой проверки. Изложить правду о прошлом он считал важным потому, что в будущем могут повториться события, похожие на те, которые уже переживались людьми.

Впереди других в науке были ионийские греки, жившие близко к образованным народам востока. К ним перешли сведения вавилонян о небесных явлениях, но они пошли дальше в своих наблюдениях и суждениях о мире. Много думали греки над существом самого человека: они рассуждали о том, как развивается человеческий ум, как появляются у человека понятия о добре и зле; рассуждали о том, чем держится порядок в обществе: страхом ли людей перед наказанием за проступки, или врожденным человеку чувством правды. Греки называли людей, которые думали об этих вопросах и старались понять, как устроен мир и человеческая жизнь, *философами*. Мы теперь называем таких людей учеными.

Около ученого собирались поучиться не только юноши, но и взрослые люди. Философ мог сделать из своего обучения ремесло: слушатели платили ему взносы и приносили подарки. Таким же преподавателем по ремеслу мог стать *ритор*, т. е. мастер красноречия: в большом городе, вроде Афин, многие желали научиться говорить в народном собрании и суде. С искусством речи преподавалось также искусство спора, умение доказывать свою мысль и опровергать чужую. Ученого преподавателя, по-нашему профессора или доктора, в Греции называли обыкновенно *софистом*.

Софисты, которые приобрели славу, нередко переезжали из одного города в другой, гостили в каждом по несколько месяцев, излагали свою ученость в лекциях и беседах и направлялись дальше. Приезд софиста Протагора вызвал в Афинах сильное волнение. Он остановился в доме богатого Каллия. Ранним утром весть об этом облетела город. Целый день стучались в двери дома Каллия люди всякого возраста, добиваясь послушать знаменитого преподавателя. В прохладной галерее, выходившей на внутренний двор, Протагор прогуливался в сопровождении слушателей и излагал предмет; потом он садился и отвечал на задаваемые ему вопросы.

Сократ. Самым известным софистом был афинянин Сократ, которому в начале Пелопоннесской войны было около 40 лет. У Сократа были постоянные слушатели среди афинян и были чужие: один приходил за целый день пути в Афины, а когда Афины объявили войну его родному городу, он одевался в женский костюм и все-таки проникал в Афины к Сократу. Но помимо того Сократ любил случайные беседы: он заходил в какую-нибудь лавочку и поднимал разговор с ее владельцем и посетителями. Сократ умел заинтересовать собеседника; он говорил просто о трудных вещах и умел искусно доводить своего противника в споре до сознания в ошибке. В Афинах все знали невысокого человека, с большой лысой головой, некрасивого, с живым взглядом и меткой речью. Его главная цель была в том, чтобы научить своих слушателей не брать на веру никакого мнения, все проверять, все разбирать рассудком.

Софисты проверяли старые понятия о богах. Многое в старинной вере не удовлетворяло их. Иной из софистов резко говорил, что мифы – выдумки предков без всякой цены. Многие находили, что о богах ничего нельзя сказать верного; неизвестно даже существуют они или нет; дело темно, а человеческая жизнь слишком коротка, чтобы добраться до истины. Другие старались составить себе более возвышенное понятие о божестве и выражались так: "Один бог поднимается над всеми богами и людьми, он не похож на смертных ни внешним видом, ни духом своим".

Нередко было очень опасно говорить подобные вещи. Люди неразвитые думали, что такие слова оскорбляют ближних богов-покровителей города; боги могут прогневаться за то, что их забывают, и погубить весь город. Если случалось несчастье и народ впадал в сильный страх или раздражение, всегда находились люди, которые извлекали выгоду из предрассудка; они обращали внимание народа на тех, кто учил о богах по-новому, и обвиняли кого-либо из философов в безбожии. Когда начались бедствия Пелопоннесской войны, из Афин изгнали Протагора; сочинения его были сожжены на площади.

По окончании Пелопоннесской войны, когда Афины потеряли всю свою силу, а народ в отчаянии искал виновников беды, разразившейся над городом, привлекли на суд 70-летнего Сократа. Все помнили, что среди его учеников были Алкивиад и Критий, люди, которые принесли много вреда Афинам. Но на суде Сократа обвинили за его учение о божестве. Сократ был уверен, что человеку

врожденно чувство правды; в глубине души каждого начертан "неписанный закон"; этот закон в нас вложила высшая Сила, и он указывает нам, что хорошо, что дурно, что нужно, что не нужно делать. Человек должен внимательно к нему прислушиваться. Точно божок какой-то сидит в нас, говорил Сократ; божок этот безошибочно наставляет, как нам поступать и жить. Вот эти речи Сократа о "божке" правды и поставили ему в вину: он вводит новых богов, говорили обвинители.

Простые афинские граждане могли хорошо разбирать разные тяжбы; они привыкли также толково рассуждать о городских делах и о союзниках. Но им не под силу было судить о науке или о новой вере. Для них были страшны слова: "затронул старую веру", "пренебрегает богами, которых чтит весь город". Притом Сократ не старался оправдаться на суде. Он, по обыкновению, резко и упрямо выражал свое мнение, что его надо не судить, а выделить наградой среди граждан за то, что он многих людей сделал лучше. Раздраженные такой речью, судьи осудили Сократа большинством голосов на смерть. Сократ спокойно выпил назначенный ему ядовитый напиток (399 г.).

VI. ГРЕКИ НА ВОСТОКЕ. 400 – 100 ГГ. ДО Р. Х.

Наемники. Вследствие постоянных войн между городами Греция разорилась. Многим сильным и здоровым людям было трудно найти дома заработок и они уезжали в промысел и на поселение на востоке, в Египет, Сирию, к Евфрату. Покидавшие родину часто поступали на службу к персидским наместникам, к владетельным князьям Малой Азии и Египта и к самому великому царю. В Греции можно было теперь легко нанять солдат, которые готовы были служить всякому, кто только хорошо заплатит: нанимались также офицеры и командиры. Были прославившиеся командиры, под начало которых особенно охотно собирались солдаты с разных концов Греции.

Наемные вожди обратили военное дело в особое искусство. Они быстро двигались со своими отрядами и быстро перемещали их в битве; для этого введено было другое вооружение: с воинов сняли тяжелые латы и наконечники и дали им в руки более длинные копья и мечи. Наемники устраивали засады, ставили войска клином, чтобы врезываться в середину врагов, придумали употреблять крупные метательные орудия, подводить к крепостям осадные башни и т. д.

Десять тысяч греков на востоке около 400 г. Греческие наемники показали путь в глубину персидского государства. Вскоре после падения Афин персидский принц Кир, бывший наместником Малой Азии, задумал свергнуть своего старшего брата Артаксеркса. Он нанял отряд греков под начальством спартанских офицеров и повел его вместе со своими азиатскими силами. В решительной битве с царскими полками под Вавилоном Кир погиб, но нанятые им греки отбили все нападения многочисленного противника. Царские начальники пошли на переговоры с ними; главные командиры греков доверились персам и были изменнически захвачены. Греческие солдаты, однако, не потерялись; они сошлись все на собрание так же, как привыкли обсуждать дела на родине, выслушали разные мнения и выбрали себе новых начальников. Один из выбранных был афинянин Ксенофонт, ученик Сократа; он и сохранил подробный рассказ о походе. Греки двинулись домой; они шли 8 месяцев на протяжении около 1200 верст, не имея карт страны, частью по пустынным местностям среди враждебного им населения, преследуемые персидскими войсками. С небольшими только потерями добрались они до Черного моря, где сели на корабли.

Военная монархия в Сицилии. Там, где приходилось всю защиту доверять большим наемным отрядам, их начальник мог захватить верховную власть над целой страной. К концу Пелопоннесской войны карфагеняне завоевали большую часть острова Сицилии; они угрожали последнему оплоту греков, Сиракузам. Двадцатипятилетний командир Дионисий потребовал у сиракузского народного

собрания передачи ему неограниченной власти для ведения войны. Он оттеснил карфагенян на западный угол острова, укрепил Сиракузы громадной несокрушимой стеной и сделал этот город столицей большой державы, захватившей кроме Сицилии южную Италию, но вместе с тем отменил демократию, закрыл народные собрания и запретил свободу слова. Новый тиранн выстроил себе укрепленный дворец на островке среди сиракузской гавани, засел там со своей гвардией и следил при помощи многочисленных шпионов за настроением народа; людей, казавшихся опасными, он казнил или отправлял на пожизненную каторгу в каменоломни. Дионисий держался (с 405 г.) около 40 лет, опираясь на своих наемников, частью набранных из полудиких жителей Италии; в награду за службу он раздавал им земли, отнятые у тех владельцев, которые сопротивлялись его власти.

Греция после большой междоусобной войны 400–360 гг. Во время Пелопоннесской войны спартанцы уверяли, что сражаются за освобождение греков от афинской неволи. Но после войны оказалось, что спартанцам было мало заботы о свободе других греков. Они поставили по городам, отнятым у афинян, своих наместников, которые везде заменяли демократию правлением немногих богатых людей. Спартанцы одолели в междоусобной войне при помощи персидского золота. С этой поры без участия персов и без их денег не обходились споры и войны между греками.

Когда в Афинах удалось опрокинуть правление 30 тираннов и восстановить демократию, афиняне в свою очередь стали искать помощи персов. Афинский адмирал Конон, успевший убежать от разгрома флота Лизандром, поступил на службу к персидскому царю, во главе персидского флота разбил спартанцев и подъехал к родному городу. На персидские деньги афиняне начали снова строить длинные стены и укрепления Пирея. Но прежней силы Афины далеко не могли достигнуть. Ионийские города и вообще весь берег Малой Азии персы опять захватили, как во времена царя Дария.

Александр Македонский.
Бюст

Греки до такой степени ослабили друг друга, что "великий царь" прямо вмешался в дела Греции: он предписал грекам мир (в 387 г.) и поставил условием, чтобы между греческими городами не составлялось никаких союзов и, следовательно, ни один из них не мог вновь усилиться; спартанцы взяли на себя обязанность следить, чтобы не поднялась где-либо опять такая же подвижная и деятельная демократия, как в Афинах.

Эллинская девушка.
Рисунок со скульптуры

Аристотель.
Античная статуя

Восемь лет спустя, однако, сторонники демократии в Фивах сделали попытку возмущения. Они изгнали из своего города спартанский гарнизон. Фиванский стратег Эпаминонд разбил непобедимых до того времени спартанских латников и прошел в Пелопоннес, призывая к освобождению от Спарты все греческие города. Фиванская демократия не поладила, однако, с афинской, так как фиванцы задумали вытеснить афинян на море. Обе стороны, чтобы ослабить друг друга, обращались к денежной поддержке персов. Вследствие этих раздоров Греция осталась при раздроблении, которое было так выгодно для персов.

Противники демократии. Платон. Во времена Перикла, когда демократия имела успех, ее хвалили как наилучший порядок: горячо стояли за правление народа поэты Эсхил и Эврипид, ученые Геродот и Протагор. Теперь, когда на демократию обрушились несчастья, отовсюду посыпались на нее и обвинения, даже со стороны многих афинян. Еще во время Пелопоннесской войны Сократ осмеивал правление народа, которое приводит, по его словам, к тому, что делами управляют первые попавшиеся, быстро сменяющиеся люди; по его мнению, было бы нужно, чтобы правили люди особого призвания, обученные своему делу так же, как обучаются своему искусству ремесленники, художники, моряки и ученые.

Один из учеников Сократа, Ксенофонт, покинул Афины и ушел в Спарту: спартанская аристократия казалась ему более правильным порядком. Другой ученик Сократа, Платон, правда, остался в Афинах и собрал около себя последователей; но в то же время сурово осуждал демократию и ее вождей. Народ, по его мнению, невежествен, капризен и падок до зрелищ: речи на суде и в народном собрании увлекают его, как представления в большом театре. Негодна демократия еще и потому, что она дает каждому

отдельному человеку свободу действий; сильный продолжает давить слабого; люди слишком привыкли действовать врозь и мало жертвуют своим личным интересом для общего дела. Поэтому Платон в сочинении "О государстве" предлагает другой порядок. Равноправие не годится. Нужно каждому в государстве указать его настоящее место. Люди сами собой по натуре своей делятся на рабочих и на воинов; первые способны работать, но не имеют ни рассудка, ни воли; только вторые обладают качествами, которые нужны для граждан: мужеством, пониманием общего блага. На работу первых должно содержать воинов, они одни будут настоящими гражданами. Они будут жить вместе, должны отречься от узких интересов семьи и вовсе не иметь ничего в собственном владении; дети их будут воспитываться без сношения с родителями в больших общественных учреждениях. Воины служат только общему делу. Между ними следует выделить еще философов, людей особого таланта и глубокого познания; они должны править новой общиной.

По мнению Платона, в расстройстве греческих городов виноваты также те из софистов, которые отвергали народные понятия о богах и не давали взамен новой опоры для веры. Платон отличает от них Сократа, верившего в божество; он написал горячую защиту Сократа, в которой изобразил его святым человеком. Платон учил сам, что земной мир, окружающий человека, – всего только слабый и плохой снимок с прекрасного и великого небесного мира. На земле есть, однако, частицы, занесенные из светлой надзвездной области: это души людей. Телесная оболочка человека – тюрьма, в которую заключена душа. Люди похожи на узников, скованных и запертых в пещере, куда едва проникает свет; они не знают, где их истинная родина; лишь слабое чаяние души напоминает им об этом. Души большинства людей гложут в ничтожных интересах и низменных понятиях: они погибли для вечной жизни; тем немногим, кто не успокаивается на ходячей мудрости, мысли и знание открывают путь в истинный мир, далекий от земли.

Платон (умер в 355 г.*) надеялся найти сочувствие к своим взглядам у сильного монарха; он два раза ездил с учениками своими ко двору сицилийских тираннов Дионисия и его сына. Афинский ритор Исократ указывал на другую монархию, усилившуюся в это время, – македонскую.

* Платон умер в 348 или 347 г. до н. э.

Македония с 360 г. Страна эта лежала на север от собственно Греции, между Балканскими горами и северо-западным углом Эгейского моря. Македоняне были греки, но их постоянно беспокоили дикие горцы, и они отстали в торговле, ремесле и образовании от остальных греков. Македоняне были суровыми охотниками и воинами: их обычай требовал, чтобы юноша, еще не убивший кабана, не смел садиться на пиру за стол; кто не умертвил ни одного врага, носил на теле в знак позора веревку. Порядки у них были старинные: во главе крестьян стояли воинственные князья. Царей окружали дружины людей, с которыми они делились военной добычей.

Македонский царь Филипп перенял у греческих наемников все новые военные приемы, но образовал постоянное войско из своих подданных: в бою посредине становилась неприступная фаланга из плотно сдвинутых рядов солдат, вооруженных длинными копьями; с боков нападала многочисленная конница. Пользуясь слабостью и ссорами греков, Филипп захватил старые владения афинян на севере Эгейского моря, богатые золотыми рудниками, и города у проливов, важные для торговли с Черноморьем и для переправы в Азию. В старом оплоте демократии, Афинах, выступили противники македонского царя; самый горячий из них, Демосфен, искусно рассчитанными речами старался поднять народ против Филиппа, побудить афинян к устройству войска и флота и составить для борьбы союз из греческих городов. Демосфен доказывал, что цари и тиранны – враги свободы; Афины должны стать на защиту правды и закона против произвола. Но Афины не имели прежних средств. Спасти свободу греческих городов можно было только при помощи денег, взятых у персидского царя. Между тем в самих Афинах и других городах были сторонники большой общегреческой войны против персов, готовые признать Филиппа вождем греков.

Но когда македонский царь захватил важный Фермопильский проход и привел свои силы в середину Греции, в Афинах весь город крайне встревожился. С получением вести ночью зажгли по всей стране сигналы; на другой день собралось множество граждан в народное собрание. На призыв вестника никто

не решался говорить. Тогда поднялся Демосфен и предложил немедленно, забыв все счеты, соединиться с соседними общинами.

При Херонее ополчения Афин и Фив, собравшиеся в последний раз, были разбиты обученным войском Филиппа (338 г.). Почти все греческие города признали Филиппа своим главным военным начальником и обязались доставить ему подмогу в войне против персов.

Поход Александра около 330 года. После смерти Филиппа его сын Александр повел греческие и македонские отряды в Азию. Александр был образованным греком. Он учился у замечательного греческого ученого Аристотеля, приглашенного Филиппом в Македонию. Многие были благоприятно походу в Азию. У Александра были отличные генералы его отца. Пути внутри персидского государства были теперь известны. В некоторых областях были почти независимые от персидского царя князья, в других, как, например, в Египте, непрерывно происходили восстания против персов. Персидскому царю, однако, также служили искусные греческие командиры; в его распоряжении были греческие наемники. Можно сказать, что в начале этой войны греки бились против греков.

В то время как Александр переправлялся в Малую Азию, один из греческих вождей, Мемнон, предлагал персидскому царю Дарию III отправить флот в Эгейское море и отрезать Александру доставку припасов, подмоги и самое возвращение в Грецию. Мемнон начал свои действия на море очень удачно, но скоро умер. В совете персидского царя было мало согласия; персидские вельможи ненавидели греков. Один из греков, предлагая свой план защиты, решился резко возразить персам в присутствии царя; это сочли за нарушение этикета и уважения к царю: Дарий притронулся к поясу грека, и служители тотчас вывели и задушили его.

Стремительные нападения Александра рассеивали большие нестройные, плохо вооруженные силы персов. Александр прошел Малую Азию и пробил себе путь в Сирию, который ему загородил сам царь Дарий при *Иссе*: здесь все семейство царя и много богатства его досталось Александру. Дарий предложил заключить мир и поделиться: он уступал все приморские земли с Египтом, а себе хотел оставить земли за Евфратом; но Александр не согласился. Подвигаясь дальше вдоль берега, Александр уничтожил города финикиян и особенно богатый Тир. Старые торговые соперники греков были теперь погублены. В Египте Александра принимали как избавителя от персов. В храме бога солнца Аммона, находившемся в далеком оазе среди пустыни, куда Александр проник, жрецы объявили его сыном бога; Александр приказал изображать себя на монетах со знаками божества.

Из Египта он двинулся на Евфрат и внутрь персидского государства. Дарий еще раз встретил его с большими силами за рекой Тигром около Ниневии. Опять рассеял их Александр и направился еще дальше, в нынешнюю Персию, Афганистан и Туркестан. Дарий во время бегства был убит одним из персидских наместников. Александр объявил себя законным наследником персидского царя: он взял себе в жены двух царевен – наследниц старой персидской династии.

Все больше его увлекали обычаи восточного двора: он выбрал столицей старинный Вавилон, далекий от Греции; в торжественных выходах он стал появляться в парадном восточном одеянии и требовал, чтобы его встречали земным поклоном; рядом с греческой гвардией он завел персидскую. Многим грекам не нравились эти отступления от привычной им простоты; старые генералы Филиппа возражали против предприятий Александра; он казнил некоторых из них совершенно так же, как раньше это делал персидский царь со своими слугами. Завоеванное Александром государство держалось так же плохо, как персидское; поднимались восстания, выступали самозванные цари.

Но Александр строил новые планы: он хотел проникнуть в сказочную Индию, о которой греки знали только по слухам: теперь была надежда добраться и до великого моря, которое, как казалось греческим географам, окружало весь земной мир. Предприятие это не удалось: индусы* упорно бились, солдаты Александра не хотели идти так далеко и заставили его вернуться. Но корабли Александра все же проехали от устья Инда по Персидскому заливу к устью Евфрата и открыли важный торговый путь, примыкавший к новым поселениям греков в Сирии и Вавилонии. Крайние места на востоке, до которых дошел Александр, были наш Туркестан и Пятиречье. Было заложено несколько городов, названных именем Александра; из них *Александрия крайняя* стояла на месте нынешнего Ходжента.

* Индусы (индуисты) – приверженцы распространенной в Индии религии индуизма. Индусами иногда неправильно называют все население Индии (правильно–индийцы).

Греки на Востоке. Вскоре после похода в Индию Александр умер еще молодым (в 323 г.). Уже во время его похорон произошли кровавые схватки между македонскими генералами. Долго спорили они и их сыновья из-за наследства. Генералы Птолемей, Селевк и другие провозгласили себя царями и образовали несколько греческих государств. Вся та половина персидского государства, которую Дарий оставлял себе, предлагая Александру дележ, была потеряна греками; ею завладели *парфяне*, народ полукочевой, наездники и стрелки подобно персам. Греки удержали только земли у Средиземного моря – Малую Азию, Сирию, Египет.

Лет через 100 после похода Александра в этих странах жило больше греков, чем на старой родине, в Европе. Но и в новых областях греки больше населяли города; туземцы оставались в деревнях. Выросли заново огромные города, заселенные преимущественно греками: *Александрия* в Египте и *Антиохия* в Сирии. Население этих городов доходило до полумиллиона.

Египет. Из греческих государств на Востоке самым богатым был Египет под властью царей из семьи Птолемеев. Греческие цари сумели добывать из этой богатой и густо населенной земли очень много дохода. Они вели через чиновников точный счет всего населения, количества обработанных земель, размера ремесленных и торговых заведений. Каждый домохозяин должен был дать самые подробные показания о том, сколько в его доме или имении живет людей, какой их возраст и занятия, сколько у него рабочих, сколько у него имущества и дохода. Подати поступали деньгами в казну или предметами в склады царя, хлебом, овощами, топливом для войска; масло, льняные материи вырабатывались исключительно на царских заводах, а растительный материал, необходимый для этих произведений, доставлялся со всей страны царю. Птолемеи наравне с фараонами старинного Египта были причислены к богам; на этом основании они отобрали себе большие поместья богов при храмах, кормившие множество людей, и перевели доходы с них в свою казну.

На эти средства Птолемеи держали лучший флот в Средиземном море и обстроили свою приморскую столицу Александрию. Это был большой, по плану, правильно расположенный город, непохожий на старые греческие города с их тесной разбросанной стройкой. Александрия перерезывалась во всю длину широкой в 14 сажен улицей, тянувшейся на 6 верст. Гавань была закрыта узким длинным островом, который соединялся с берегом широкой каменной плотиной более версты длиной; на краю острова стояла большая мраморная башня, служившая маяком: огонь, который поддерживали на ее верху, был виден в море за 60 верст.

Сирия и Иудея. Крупнее размерами, чем Египет, но не так прочно было государство, основанное Селевком в Передней Азии. Оно захватывало Сирию и вначале также равнину рек Евфрата и Тигра; столицей его была Антиохия. Значительную часть населения этого государства составляли евреи, жившие около Вавилона и в *Палестине* (это новое название Ханаана, также как евреи со времени плена зовутся *иудеями*). Около 450 года вавилонский книжник Езра, современник Перикла, составил для иерусалимской общины подробный закон в дополнении к Моисееву закону. Александр при завоевании персидского государства признал самостоятельное устройство палестинских иудеев.

Греческие цари Сирии, Селевки и Антиохи по именам, провозгласили себя богами на земле и в знак этого носили громкие титулы Непобедимых, Спасителей и т. п. Около 160 г. один из них, Антиох Епифан (Явленный), потребовал, чтобы иудеи ввели у себя греческих богов. В ответ на это братья Маккавеи собрали воинственные дружины и в долгой войне освободили страну от подчинения греческим царям. Симон Маккавей занял своим войском Иерусалим, а народ признал его первосвященником. Его потомки, первосвященники-цари, восстановили государство Давида и Соломона.

Но Палестина заключала в себе лишь небольшую часть еврейского народа. Со времени вавилонского плена он сильно размножился. Лишенные земли иудеи преимущественно занялись ремеслом и торговлей; многие искали заработка в чужих странах, переселялись в приморские города Египта, Малой Азии, Греции, Италии. Еврейские переселенцы, или "иудеи рассеяния", спланивались всюду в общины: они сохраняли связь с единоплеменниками и посылали в великий единственный свой храм в Иерусалиме подарки и приношения.

Наука греков. Ко времени передвижения греков на Восток у них накопилось очень много сведений географических, физических и исторических. Аристотель, ученик Платона, пришел к мысли собрать эти знания, привести в порядок, сравнить сходные явления и вывести поучения. Аристотель был родом с македонского берега и одно время находился при македонском дворе, но большую часть жизни провел в Афинах (умер в 322 г.). Он соединял огромные знания почти по всем наукам. У него была большая коллекция по естествоведению, в которую много интересного прислал Александр с своего похода. Ученики Аристотеля под его руководством описали устройство множества греческих и иноплеменных городов.

Аристотель пошел совершенно иной дорогой, чем Платон; у него нет поэтического вымысла, чтобы объяснить явления жизни на земле; он хочет опираться только на точные наблюдения и опыт. Аристотель не поднимал горячо голоса ни за, ни против демократии; он только разбирал спокойно достоинства и недостатки разных видов правления – монархии (власти одного лица), аристократии и демократии.

Еще шире стали познания греческих ученых в следующие два столетия. Географы составили подробные описания земной поверхности: по крайней мере, впятеро больше был кругозор греков теперь, чем во время греко-персидских войн: моряки греческие добирались до Мадагаскара, до Индокитая и даже Китая. В Китай, "страну шелка", знали и морской путь кругом Азии, и сухопутную дорогу чрез среднеазиатские горы, где были устроены рынки шелка. Слоновую кость привозили от великих озер у верховьев Нила. Половина Старого Света была известна грекам.

Греческие ученые сделали заключение, что земля – шар, хотя и не могли проверить это понятие на опыте, как позднее европейцы, совершавшие кругосветные плавания. Вселенная, по учению греков, тоже шаровидна. В середине ее держится в равновесии земной шар, потому что от всех краев неба он отстоит равномерно далеко. Большое внимание обратили греческие ученые и на движение небесных светил. Около 250 г. Аристарх, родом с острова Самоса, первый решился сказать, что не солнце и планеты вращаются кругом неподвижной земли, а, напротив, земля и все планеты вертятся около солнца. Аристарх сделал еще одно важное открытие: до него солнце считали гораздо менее земли, примерно с Пелопоннес величиною; Аристарх объявил, что солнце гораздо больше земли, оттого и должна земля около него вращаться.

Эти мысли Аристарха были, однако, потом покинуты и забыты; большинство греческих ученых не могло отказаться от той мысли, что земля стоит неподвижно в середине мира. Греческие астрономы, особенно Птолемей (живший в Александрии около 150 г. после Р. Х.), расписали пути и порядок видимого хода планет и солнца. Это учение стало называться системой Птолемея; оно продержалось полторы тысячи лет, до открытия Коперника (около 1540 г. по Р. Х.); Коперник вернулся к понятию Аристарха.

Греческих ученых более всего ценили в египетской Александрии. Этот город стал теперь для греков тем, чем были раньше Афины. Царь Птолемей II Филадельф учредил здесь университет, называвшийся *музеем*, куда собирались слушатели со всего греческого мира. В музее (т. е. доме муз, богинь, охранявших знания и искусства) были зоологические и ботанические коллекции, анатомический зал, химическая лаборатория; в нем была собрана огромная библиотека старинных и новых греческих книг; здесь берегли и записанные песни Гомера. Всякая книга, привозимая в Египет, доставлялась в музей; с нее снимали копию и книгу возвращали владельцу.

Множество книг переписывалось в большом количестве экземпляров и распространялось в обществе. Благодаря этому некоторые книги сохранились до нашего времени и не вся умственная работа греков пропала даром. Когда Европа опять стала варварской страной, 6–7 веков спустя после Р. Х., ученые греческие книги, например сочинения астронома и географа Птолемея, были переведены и переписаны арабами; уже от арабов они перешли снова к европейцам, когда европейцы стали опять учиться и интересоваться наукой (12–13 веков спустя после Р. Х.). Греческий язык сделался языком образованных людей на Востоке. В Александрию в большом количестве переселились евреи; они стали здесь забывать родную речь и перевели Библию на греческий язык (она называется Библией 70 толковников). Вавилонские и египетские жрецы писали по-гречески историю своего народа.

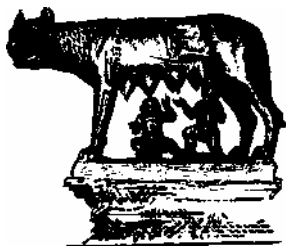
Нравственные понятия. Чем больше расширялись наблюдения греков, тем мягче делались и понятия о людях. Прежде им казалось, что между ними и варварами лежит неизгладимая разница, потому что они различны от рождения, по крови. Теперь они тысячу раз встречались на каждом шагу с людьми другой крови и видели, как эти люди, изучив греческую науку, приняв греческие обычаи, становятся похожи на греков; следовательно, разница крови не имеет большого значения. Людей надо различать не по племени, а по хорошим или дурным качествам; все различие между варваром и греком в образовании, а образование может открыться всякому. Значит, все люди на земле могут стать равны между собою, могут составить одну великую семью.

Так и учил Эпикур (родом с острова Самоса, около 300 г.). Эпикур собирал много слушателей в своем саду в Афинах; он говорил, что главное благо на свете – дружба и что надо ее распространять как можно шире на окружающих людей, на всех, с кем жизнь нас сводит. Кто нам друг? Прежде всего те, кто с нами одних мыслей. Но не нужно замыкаться с одними близкими, нужно равномерно разделять свою помощь между многими людьми. У меня друг везде, где я могу подать руку спутнику жизни, где я могу сказать хотя бы одно ласковое слово. Пусть помнит человек, что больше счастья в том, чтобы совершить самому доброе дело, чем принять его. В дружбе все мое – твое, а все твое – мое. Когда господин отпускает раба на волю, он сам точно переживает освобождение.

Иначе начали теперь смотреть и на рабов. В греческих странах рабов стало гораздо меньше в сравнении с числом свободных. В египетских фабриках и мастерских работали только свободные люди. Вольные рабочие были трудолюбивее и добросовестнее исполняли работу, потому что сохраняли свой заработок. Рабы имелись только в некоторых больших хозяйствах да на службе в управлении. В рабстве теперь не видели такой неизбежной и необходимой вещи, как прежде, и к немногочисленным рабам стали относиться иначе.

Прежде выражали мнение, что рабы – особая порода, низший сорт людей; между свободными и рабами – непроходимая пропасть; рабы – это те люди, у кого нет от рождения ума и воли: они могут только служить и пресмыкаться. Конечно, случается, что благородный, свободный от рождения человек попадает в рабство; но большинство рабов должны быть и оставаться рабами: если их освободить, они тотчас опять отдадутся в службу и подчинение.

Таков был прежний взгляд. Теперь многие стали говорить, что рабы ничем по природе не отличаются от других людей. Более всего это мнение выражали *стоики*. Так назывались слушатели и сторонники Зенона (родом с острова Кипра), тоже учившего в Афинах; название стоиков произошло от галереи *стоа*, где Зенон любил вести беседы. Стоики учили, что все люди – между собою братья. Бог любит людей, как детей своих. Нет человека, о котором бы мы сказали, что он стоит слишком низко и не может требовать от нас любви и справедливости к себе; и раб – человек и у него то же самое право. Во всем мире один закон, одна душа. Душу мира образует великое пламя в середине его; в каждом человеке горит искра от этого огня.

VII. ИТАЛИЯ И РИМ. 500 – 270 ГГ. ДО Р. Х.

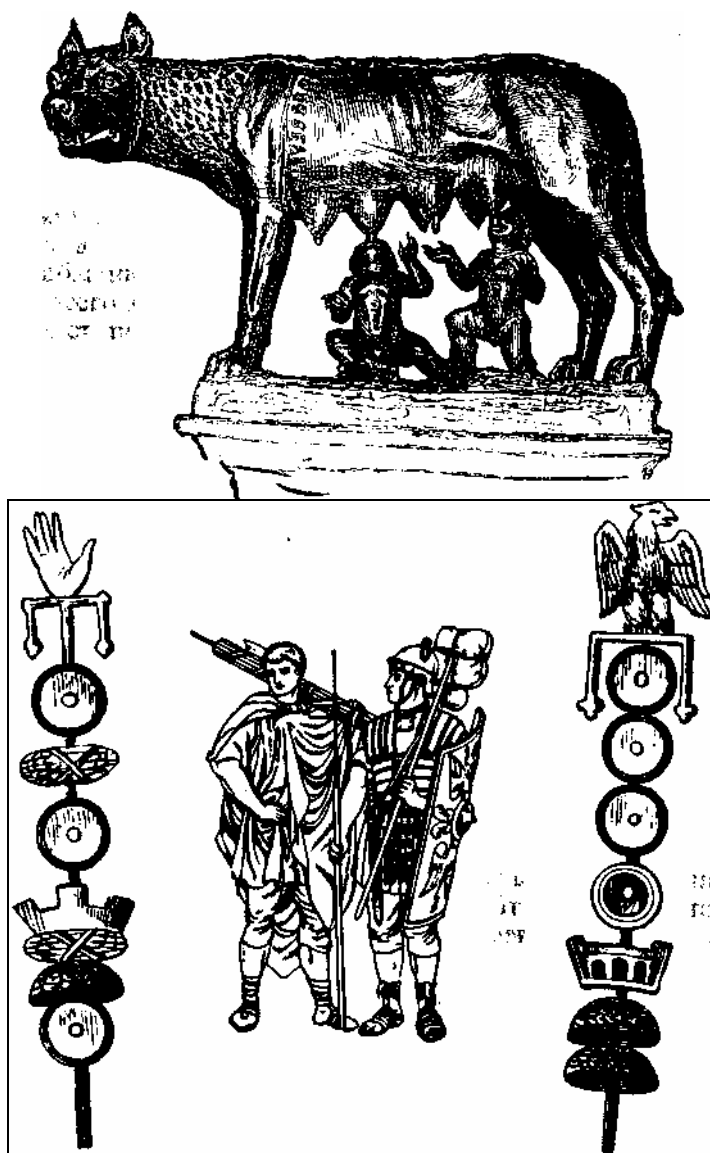
Италия. Около времени похода Александра на восток греки заговорили о новом воинственном народе на западе: это были *римляне* в Италии.

Италия занимает длинный и узкий Апеннинский полуостров. Как Балканский полуостров, Италия отделена с севера высокими горами – Альпами. Через всю страну с северо-запада к юго-востоку проходят Апеннинские горы. Этот внутренний хребет не дробит Италии так, как горы разделяют Грецию; он идет одним главным гребнем ближе к восточному берегу и оставляет впереди себя на западе довольно большие равнины; по Италии легче двигаться, чем по Греции; в Италии можно с

большим успехом заниматься земледелием. Сама страна могла больше прокормить народу, чем Греция, и населению Италии долго не нужно было искать пропитания за морем.

Но море здесь и не так приветливо, как у греков. На востоке Адриатическое море бурно, и его берега неприступны, гаваней нет. Берега западного моря (Тирренского) и особенно южного (залив Тарентский) лучше: они образуют несколько хороших бухт; на западе лежат и острова – Сицилия, Сардиния и Корсика. К западным берегам Италии впервые стали ездить чужие, греки и карфагеняне. С этой же стороны двинулись потом морем и сами жители Италии. Оттого можно сказать, что Италия обращена лицом на запад, как Греция на восток. Греки получали с востока больше товаров и сведений; греков больше переселилось на восток, чем на запад от родины. Жителей Италии, напротив, долго занимали страны, лежавшие от них на запад (нынешние Испания, Франция, Алжир и Тунис).

Италия в настоящее время не имеет лесов; климат ее сухой; ее главные растения – виноград, рис, кукуруза, южные плоды; есть сахарный тростник, хлопчатник, пальмы. Кроме винограда, все эти растения перенесены были в Италию недавно: большую часть их пересадили сюда арабы, лет за 900 до нашего времени. Две тысячи лет тому назад, во времена римлян, Италия имела совсем другой вид. Главные растения в ней были европейские хлеба; больше всего разводили не пшеницу, а ячмень, который теперь сеют только в северных странах. Лесов было очень много, и климат стоял более сырой и холодный, чем теперь.

*Капитолийская волчица.
Древняя бронзовая фигура*

*Ликтор, легионер
и знаки разных когорт*

*Ас. Римская медная монета
с головой Януса*

Бюст весталки

Раб в кандалах

Бичевание раба

Реки Италии крупнее, чем в Греции, а в старину, благодаря лесам, они были многоводнее. Но у них по большей части очень узкие выходы к морю: весной в половодье река, быстро сбегая с гор, запирает себе сама выход кучами мусора, который несет с собою, и разливается большими озерами и болотами; в них вода застаивается, гниет и заражает воздух. Оттого близко к морю было мало поселений; народ должен был забираться на высоты и строить села на разрозненных холмах.

Рим. В середине Италии жили *латины*. Они были земледельцы и скотоводы. Их большие села были окружены крепостными валами. Самое крупное их поселение был *Рим*, на реке Тибре (его основание считается в 754 г. до Р. Х.). Рим стоял недалеко от устья реки, и до него могли добираться морские суда. Сюда приезжали торговать с латинами греки и карфагеняне. Оттого город стал расти и взял власть над другими латинскими поселками. Все население области стало потом называться по главному городу – *римлянами*, а от латинов осталось название латинского языка (Рим по-латыни – Рома, римляне – романи).

Римляне были непохожи на греков. Весь их обиход был суровее и проще. У них долго держались человеческие жертвы: во время наводнений Тибра бросали людей в реку, чтобы умиловить ее бога; когда случалось землетрясение и раскрывались трещины в земле, зарывали несколько человек живыми в жертву страшным подземным богам.

Долго сохранялись в Риме старинные судебные обычаи, которые напоминали расправу: недруга можно было силой притащить на суд или захватить у него любую вещь, чтобы заставить его отвечать на суде; заимодавец мог схватить несостоятельного должника и показать его суду, а потом увести к себе в кабалу или на казнь; должника выставляли на площади и спрашивали, не поручится ли за него кто-нибудь; если никто не вступался, заимодавцы могли умертвить должника и, как гласит старинный обычай, разделить между собой его труп. Жалобщик на суде ничего не доказывал. Он только проделывал нужные жесты и говорил нужные слова присяги, и вещь, которой он домогался, присуждалась ему.

Отец имел в семье неограниченную власть; жена и дети наравне с рабами и скотом составляли его имущество (все вместе, что было под его рукой, называлось *фамилия*, а сам глава был "отец фамилии"); он мог принять новорожденного ребенка своего и не принять его, т. е. велеть выкинуть, мог лишить сына наследства. Женщина была в полной воле мужа, а после его смерти подчинялась во всем своему же старшему сыну, заступавшему место отца.

Суровый характер народа виден и в сказаниях, которые он сложил: есть рассказ, как главный начальник римского войска велел казнить своего сына за то, что тот против его приказа бился с врагом; кругом все просили пощады молодому победителю, но отец остался непреклонен и, ради соблюдения воинского порядка, пожертвовал сыном. Сказание об основании Рима говорило, что два брата, построившие город (Ромул и Рем), вскормлены были диким зверем, волчицей; город Рим построен на крови: братья поссорились, и один убил другого.

Сказания восхваляли также простоту нравов римлян: однажды войско римлян было заперто в горах и город был в смертельной опасности, чтобы спасти его, решили призвать прославленного вождя; его застали за плугом на его небольшом участке. Он освобождает Рим и после побед и подвигов опять возвращается скромно пахать свое поле. Золото, так рассказывали дальше, не имело силы над римскими вождями: послы врагов римского народа пришли было подкупить римского военачальника, но нашли в избушке перед очагом старика в грубом домодельном плаще; он сидел на голой земле и варил себе репу на ужин; увидав подарки, он сказал пришедшим: "Лучше мне повелевать над богатыми, чем быть богатым самому".

Вера римлян. Римлянам были чужды образы живых и светлых греческих богов; у них вообще не было никаких рассказов о богах. Их боги – одни только названия, и взяты эти названия от человеческих действий; малого ребенка учат ходить, кричать и говорить особые боги ходьбы, крика и речи; двери домов и ворота города охраняет бог-Отпиратель (Янус). Есть богиня Верность, бог Держатель слова и т. п. Главная сила у бога-воителя, Марса, и у великого отца, Юпитера. Богам служили товарищества жрецов. В жрецы и гадалы выбирали людей, умевших понимать речь богов; ее можно было открыть в полете и крике птиц, в молниях, в особых приметах на внутренностях животных.

По понятию римлян, между людьми и богом заключен договор: когда люди исполняют в точности все малейшие обряды, бог должен им дать помощь; если он не помогает, значит, что-нибудь в обряде забыли или неверно сделали. Надо зорко смотреть за всем: если, совершая богу возлияние, забудешь сказать: "Прими вино, которое я тебе приношу", бог может подумать, что ему обещано все вино, лежащее в погребе, и тогда придется все и отдать. Но люди могут также воспользоваться каким-нибудь пропуском в договоре или истолковать его в свою пользу. Например, если обряд требовал принесения в жертву редкостного животного, которое трудно было достать, делали слепочек его из теста или воска и подносили богу.

Можно было презвать бога, помогающего врагам, на свою сторону: при осаде города надо было только узнать настоящее имя бога, которое туземцы скрывали от чужих, и помолиться этим именем. Если город удавалось взять, надо было перевезти к себе бога, сделать его из чужого своим, иначе он останется врагом; напротив, если он переезжал к победителям, он должен был увеличить их силу. Все обряды старались исполнять неспеша, спокойно, среди полной тишины: римляне не любили восторгов, излишних чувств и волнения; все это они называли суеверием.

Большое значение имели гадания, без которых не начинали важного дела. Перед началом войны, закладкой города, выбором начальников жрецы молились и гадали внутри священного четырехугольника. Своим загнутым жезлом гадалец проводил две черты, с севера на юг и с востока на

запад, в виде креста и становился на их пересечении лицом к югу. Небо над собою он мысленно делил такими же линиями. Знамения слева от себя он считал благоприятными, справа – дурными. Если знаки были дурные, гадатель говорил собравшемуся народу или его начальнику: "До другого дня". Это значило, что с делом надо подождать или совсем отступить от него. Если знаки были хорошие, гадатель требовал полной тишины; затем он наблюдал небо и дожидался ответа богов на поставленные им вопросы.

Военный лагерь в пути или новый город освящали согласно тому же обычаю. Гадатели становились тут землемерами. По бороздам, которые они проводили при закладке, испрашивая помощь богов, размещались главные улицы лагеря и города. На пересечении их в лагере становился алтарь, перед ним была палатка вождя и около – место сбора воинов, а в городе устраивалась большая рыночная площадь, форум.

Всякое дело у римлян начиналось с гадания. Главные жрецы (*понтифики*) гадали вперед на целый год и устанавливали заранее добрые и злые дни, когда можно и когда нельзя приниматься за дела; в этом и состоял старинный календарь римлян.

Устройство римлян с 500 г. Сначала в Риме были цари, как в Греции во времена Гомера. Достоверного о них ничего не известно. Сказание передавало, что народ изгнал последнего царя Тарквиния Гордого за его жестокое правление (в один год с изгнанием из Афин тиранна Гиппия). С этого времени ежегодно выбирались два *консула* с большою властью. Это были городские головы, главные судьи и воеводы над ополчением граждан. Они издавали приказы, присуждали виновным смерть или телесное наказание; приговор тотчас же выполнялся их слугами, ликторами которые в руках несли топоры, вложенные в связки прутьев. Консулы расписывали всех граждан по разрядам для отбывания военной службы.

Граждане вооружались на свой счет, каждый по состоянию. В первом разряде были богатые и зажиточные: их служба на коне или в тяжелом вооружении, в бою впереди, была самая трудная и самая почетная*. У кого не было земли, тот по бедности не служил в строю, а шел за солдатами в музыкантах или мастеровых. Если гражданин был замечен в каком-нибудь позорном поступке, его выключали из разрядов; тогда он платил штрафные деньги и не имел голоса в собраниях ратников.

* Зажиточная прослойка римских граждан составляла сословие всадников.

Консулы советовались с главами крупных семей. Эти "отцы" составляли *сенат* (т. е. собрание старейшин). В самых важных делах, когда надо было решиться на войну или когда выбирали консулов, созывались все граждане-ратники. Это собрание было непохоже на греческие народные собрания. Собирались по звуку военной трубы за городом на Марсовом поле, т. е. на плацу военных упражнений. На холме вывешивали военное знамя. Ратники приходили в оружии и становились, как в войске, сотнями, каждая сотня со своим значком и с сотником во главе. Речей здесь не было. Консул спрашивал, согласны воевать или нет; в случае выборов он называл тех людей, кого можно было выбирать. Ратники проходили в огороженное место посередине, каждая сотня через особую дверь. К дверям вели со всех сторон узкие мостки, и, проходя по мосткам, каждый ратник громко подавал свой голос. Сначала отвечали сотни лучше вооруженных; если они были между собою согласны, дело считалось решенным; тогда к остальным сотням уже не обращались с опросом.

Тут все проходило, как на смотре, в строгой военной выправке. Но войско в Риме имело большую силу: оно выбирало само всех своих командиров, вплоть до главных начальников.

Патриции и плебеи. Сначала всем заправляли, как в старину в Греции, родовитые, многосемейные, богатые люди, *патриции* (что буквально значит – отцовские семьи). Они владели большими стадами. Их окружали мелкие люди, зависимые от них и отдавшие под их покровительство. Главы этих семей и составляли сенат, и из них выбирались консулы и жрецы. Но войско по большей части состояло из крестьян-земледельцев. Они назывались *плебеями*.

Плебеи являлись в город в праздники, когда был базар, для закупки орудий, предметов обихода и для продажи своих сельских произведений. В эти же дни обыкновенно бывали народные собрания. На суде плебеям вначале трудно было тягаться с патрициями: патриции брали верх, приводя с собою свое

многочисленное родство и зависимых людей; трудно было притом простому человеку заучить слова клятвы на суде и не спутаться в них.

Плебеи стали из своей среды выбирать ходатаев и вожakov, *трибунов*. Эти плебейские защитники приходили в суд выгораживать плебеев; они объявляли себя поручителями за должников или за тех плебеев, которых собирался схватить ликтор по приказу консула; трибуны тогда останавливали силой арест. Правителям-патрициям пришлось поневоле признать этих плебейских вожakov. Если простой народ был недоволен, патрициям было легче столкнуться с немногими его вождями, чем с целой толпой шумевших плебеев; народу было позволено выбирать плебейских трибунов, по десяти каждый год, так же, как ежегодно все римляне выбирали консулов.

Трибуны стали собирать народ в особые сходки, где было свободнее и где можно было обсудить всякое дело. В этих сходках становились не по войсковым сотням и не по виду оружия, а по волостям (*трибам*): в каждом отделении вместе подавали голос соседи, близко знавшие друг друга, и особенных почетных отделений тут не было. Если плебейская сходка решила что-нибудь единогласно, консулы и сенат поневоле должны были принять это решение. Трибунов стали пускать в сенат, где они могли изложить решение народа.

Народные вожаки сделались очень заметными людьми. Многие из них добивались теперь вступить в число правителей: занимать должности консулов и жрецов. Патриции долго находили обидным пустить рядом с собою безродных людей. Особенно они старались не пропускать плебеев на должности жрецов: гадания и календарь были священными тайнами, и их не хотели открывать. От жрецов много зависело в народных собраниях: жрецы-патриции могли назначать для собраний такие дни, в которые крестьянам было трудно прийти в город; они могли объявить, что человек, которого народ выбрал начальником, негоден богам, и выбор отменялся.

Но несмотря на эти затруднения, народ все чаще и чаще выбирал своих вожakov консулами и жрецами. Тайны гаданий пришлось открыть плебеем (в 300 г.). Видные плебеи, занимавшие должности, также стали собирать вокруг себя родство и зависимых людей. Отцы таких плебейских семей становились сенаторами наравне с патрициями; к старинным родам патрицианским прибавились новые плебейские.

Римляне могли теперь сказать, что у них все граждане имеют одинаковые права, что всякий может добиться любого положения. Государство и называлось *республика* (т. е. Общественное дело) *римлян*. На самом деле правили как прежде, так и теперь, немногие семьи; между ними лишь различались старые и новые.

Войны в Италии около 300 г. Большинству крестьян были нужны вовсе не должности. Они добивались земли, которой не хватало, особенно для многодетных. Надо было захватывать новые области. Более всего привлекала римлян соседняя приморская полоса – *Кампания*, лучшая по плодородию во всей Италии. Но и другие итальянские племена быстро размножились и тоже искали новых мест для поселения. Римлянам пришлось долго и упорно с ними биться; особенно сильно сопротивлялись горцы *самниты* в южной половине Италии.

Войны эти тянулись подолгу. С той и другой стороны чуть не каждый год приходили биться крестьянские ополчения; победители медленно подвигались вперед, выстраивая новые поселки. Поход обыкновенно тянулся недолго, несколько недель, в свободное от полевых занятий время; по окончании его ратники возвращались к своим сельским и домашним работам. Им не платили жалованья за службу; иногда с них же брали взнос, смотря по достатку воинов, чтобы заплатить за подвоз припасов или осадных орудий. Если поход кончался удачно и захватывали добычу, ее разделяли между ратниками: таким способом ратники возвращали себе свой взнос и еще получали выгоду, как будто бы дали взаймы казне. Когда нужно было спасти Рим от опасного врага или собрать против него все силы свои, римляне назначали опытного вождя *диктатором*, т. е. давали ему на известный срок власть безграничную.

Строй войска у римлян был своеобразный. Они разделяли в бою полк (*легион*) на небольшие отделения и ставили их в три ряда, с промежутками в каждом ряду; отделения второго ряда стояли против промежутков в первом ряду; когда утомлялись в битве воины первого ряда, в пустые места между ними быстро и без помехи вдвигали второй ряд. В запасе стоял еще третий ряд из старших солдат, которых выводили в случае крайней опасности.

У римлян был замечательный обычай строить укрепленный лагерь, со рвом, валом, стеной и бойницами. Лагерь строили при всякой, даже недолгой, остановке. Если приходилось оставаться дольше на одном месте, он обращался в настоящую крепость. Лагерь давал солдатам неприступную защиту, если они были окружены неприятелем: они могли выходить из него на бой и опять в нем замыкаться.

Солдаты несли с собою в поход, кроме оружия, инструменты, а иногда и колья. Служба была долгая и трудная; греки никогда не согласились бы выполнять ее. У римлян она держалась очень строгой выправкой.....

Италийский союз. Постепенно лучшие земли в Италии достались римлянам. Они забирали себе куски земли в разных местах; остальное сохраняли побежденные, которых римляне принуждали войти с ними в союз. От *союзников народа римского* требовалась та же служба, что от римских граждан: они должны были ставить ополченцев к войне. Эти союзные ратники тоже вооружались на свой счет; продовольствие они получали от Рима. Они приходили под начальством своих выборных вождей и присоединялись к римскому ополчению. Только общий главнокомандующий был римский консул.

Римляне не вмешивались в дела союзников. Каждое союзное племя или каждый союзный город управлялся по своему старому обычаю: имел своих выборных начальников и судей, свой совет старейшин, свое народное собрание, но в делах общих, которые касались Рима и всех союзников, римляне приказывали остальным народам и городам. Крупных людей между союзниками римляне старались привлечь к себе; давали им право *римского гражданства*, т. е. позволяли торговать беспошлинно в Риме, приходить в римское народное собрание и занимать римские должности.

Римлян было числом меньше чем союзников; они старались поэтому разъединить союзников. "Римское поле", т. е. земли, принадлежащие римлянам, тянулось по равнинам вдоль лучшего западного берега и еще перерезывало Аппенинский хребет посередине от одного моря до другого: этим разделялись северные и южные союзники.

Кроме того, в разных местах Италии, среди земель союзников, римляне выстроили *военные колонии*. Это были крепости, служившие для наблюдения за побежденными и для опоры на случай войны. В них были поселены латинские крестьяне, которые получали хорошие наделы земли кругом города и служили здесь гарнизоном. К колониям были проведены из Рима военные дороги, по которым можно было быстро передвигать войска, провозить военные снаряды, доставлять почту. Эти дороги до сих пор остаются чудом инженерного искусства: чтобы сделать их как можно прямее, римляне перебрасывали мосты через долины, возводили широкие каменные фундаменты на болотистых местах, укрепляли бока на скатах громадными стенами, прорезывали туннели через горы. Сама дорога для прочности строилась, как стена: в ров глубиной около сажени клали плотно прилаженные камни, а верх выкладывался гладкими большими плитами. До нашего времени стоят местами эти дороги без всякой починки.

VIII. РИМ В НАЧАЛЕ БОЛЬШИХ ЗАВОЕВАНИЙ.

270 – 130 гг. до Р. Х.

Карфаген. К 270 году вся Италия, кроме долины реки По, подчинялась римлянам. В союз с ними вошли также торговые и мореходные жители городов южной Италии, *Капуи*, греческого *Тарента* и др. Владения Рима подошли близко к великой западной морской державе, Карфагену. Между ними лежала Сицилия, которая протянулась, точно мост, от северного угла Африки к южной Италии. Карфаген

старался завладеть Сицилией для того, чтобы держать в своих руках торговлю в западной части Средиземного моря, и давно уже бился из-за этого острова с греками. Римляне прежде обращали мало внимания на море: торговать к ним приезжали чужие купцы, среди которых были карфагеняне. Теперь римские владения везде примыкали к морю; нельзя было отдать Карфагену Сицилию, потому что тогда Карфаген мог бы держать в осаде все берега Италии.

Новый соперник Рима, Карфаген, был богат и силен. Огромный город лежал на краю хлебодородной долины реки *Баграда*, у глубокого закрытого морского залива (Тунисского). Владения его протянулись вдоль берега от нынешней Барки до Гибралтара. Всем заправляли финикийские купцы и промышленники, державшие в своих руках морскую торговлю. На землях, принадлежавших им, работали туземные африканские крестьяне, которые ставили и солдат. Соседние кочевники (*нумидийцы* в нынешнем Алжире) должны были платить дань и выставять конную подмогу. Карфагеняне могли, кроме того, нанять большие военные силы из африканцев, испанцев или греков. Они имели то, чего не было у римлян: большие денежные средства.

В одном карфагеняне были слабее римлян: господствующий народ, финикийцы, был малочислен сравнительно с остальным населением. Они напоминают положение англичан в нынешней Индии*. В войске карфагеняне служили только офицерами; они командовали над иноплеменными солдатами. Купеческие компании, которые правили городом, неохотно пускались в войны: они готовы были предоставить далекие военные предприятия смелым командирам на собственный их риск.

* До 1947 г. Индия была колонией Англии.

Первая война с Карфагеном до и после 250 г. Римлянам предстоял очень важный шаг: идти или не идти за море? До тех пор все войны велись на сухом пути недалеко от дома, и римские крестьяне в народном собрании долго не соглашались на заморскую войну. Легионы было не трудно переправить через узкий пролив в Сицилию; они везде били карфагенских наемников в открытом поле и при осаде городов. Но карфагеняне могли высадиться в любом месте острова с моря и отрезать римскому войску подвоз припасов.

Пришлось Риму поневоле строить военные корабли. На морскую службу забирали особенно греков-союзников из южной Италии. Римляне старались, однако, и морскую войну обратить в сухопутную: они сцеплялись с вражескими судами борт о борт и бились на палубах.

И Рим, и Карфаген несли огромные жертвы людьми и деньгами: в большом морском сражении близ Сицилии с обеих сторон было около 700 кораблей. Корабли были очень крупны, и гребцы сидели пятью этажами, один ряд над другим. На корабле люди помещены были так тесно, что с крушением его обыкновенно тонул весь его экипаж. Три больших флота римлян погибли от бурь.

Наконец римляне решились на совершенно для них новое дело: переправить войско в Африку и пойти к Карфагену. Скоро оказалось, что их порядки совсем не подходят для такого дальнего предприятия. Ратники, привыкшие к недолгим походам в Италии, не хотели оставаться в Африке; половину войска пришлось отпустить по домам. Сам начальник, консул Регул, жаловался в письме сенату, что небольшое его имение в Италии осталось без призора и в полном разорении: приказчик умер, а батрак ушел и забрал инструменты. Римлян осталось в Африке слишком мало; они были разбиты греческими наемниками Карфагена, и консул попал в плен.

Двадцать три года (264–241) с переменным счастьем тянулась эта тяжелая война. Солдаты, которые сражались в конце войны, в ее начале еще не родились. Наконец Карфаген отдал Риму Сицилию: купцы не хотели больше воевать, так как война расстраивала всю торговлю. В Риме многие были также недовольны этой заморской войной: она разоряла крестьян и их вождь в народном собрании, трибун Фламиний, громко нападал на членов сената, которые взяли себе большую выгоду от нового морского дела и завели на свой счет торговые корабли для поставки товаров в Италию.

Фламиний требовал, чтобы по-старому вели войну на суше и добывали хорошие наделы для малоимущих крестьян. Когда народ выбрал его консулом, он разбил галлов в долине реки По, захватил их землю для раздачи крестьянам и провел первую военную дорогу на север. Фламиний был "новый человек": этим именем старинные семьи, привыкшие занимать должности и сидеть в сенате, называли

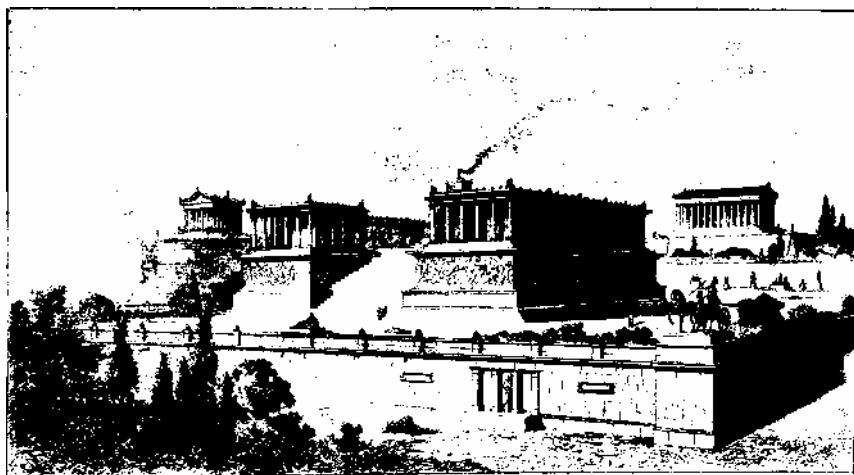
людей, которые не принадлежали к ним и пробивались собственными силами. На Фламиния подняли сильные обвинения в сенате, но народ горячо вступился за своего вождя и не дал его в обиду.

В это время в Карфагене выдвинулись предприимчивые вожди из фамилии Барка (молния). Они действовали на свой страх в Испании и завоевали более половины полуострова. Испания стала как будто их княжеством.

Вторая война, с 220 г. Из Испании Ганнибал Барка задумал большой поход на Рим. Войска его состояли из обученных варваров, африканцев и испанцев. Более опасного противника у римлян не было ни раньше, ни позже. Ганнибал был бесконечно изобретателен, отлично умел управляться со своими полудикими людьми, быстро изучал неприятеля и превосходно пользовался его слабостями. О хитрости его рассказывали чудеса, будто он переодетый, с фальшивой бородой проникал в чужой лагерь. Его лазутчики были везде и чуть не в самом Риме.

Ганнибал повел войско далеким кружным путем вдоль Средиземного моря, через Испанию, Пиренеи, южную Францию, Альпы – в северную Италию. Переходы через горы были очень трудны и стоили огромных потерь; все боевые слоны погибли в Альпах. Но появление Ганнибала на севере было страшной опасностью для Рима. В долине реки По на его сторону стали галлы, только что покоренные Фламинием; римские крестьяне, поселенцы этого края, были выгнаны. Ганнибал разбил одну за другой две римские армии.

В Риме заволновался народ: говорили, что родовитые люди, которые сидят в сенате, своею медленностью губят дело; надо все покончить одним решительным ударом. Народ выбрал консулом своего любимца Фламиния. С горячею уверенностью в победе отправился Фламиний навстречу Ганнибалу и занял крепкую позицию на высотах Апеннин. Но Ганнибал обошел его; несколько дней двигался он ужасными болотами; солдаты его шли в воде и могли отдыхать только на трупах павших лошадей; внезапно Фламиний увидел Ганнибала позади себя на дороге к Риму. Консул бросился назад: утром, когда его армия растянутой линией спешила вдоль Тразименского озера, с покрытых туманом высот ринулись солдаты Ганнибала и перебили почти всех римлян; Фламиния зарезал один галл.

Храмы в Пергамском замке. II век до н. э. Рисунок

Публий Корнелий Сципион Африканский Старший

Римские имена: первое имя — личное, второе — указывало на принадлежность к роду, третье — семейное прозвище, четвертое — прозвище за особые заслуги, пятое — указывало на старшинство

*Лаокоон и его сыновья.
Знаменитая мраморная
группа работы Агезандра,
Афанодора и Полидора
в Родосе. Конец III — на-
чало II века до н. э.*

Дорога к Риму была открыта. Сенат видел теперь все спасение в осторожности. Назначили диктатором человека старинной фамилии, Фабия. Он старался избегать открытых сражений, в которых Ганнибал был непобедим, и затруднять врагу добывание припасов. Опять народ зашумел против медленности Фабия. Опять сделали уступку, сместили диктатора; одним из консулов был выбран народный вождь Варрон, сын мясника. Консулы дали Ганнибалу битву при *Каннах*; она кончилась отчаянным поражением римлян. Рим, казалось, должен был погибнуть. На сторону Ганнибала перешли римские союзники южной Италии и второй город Италии, Капуа*. Сицилия отпала.

* Капуя.

Однако положение скоро изменилось. Все успехи Ганнибала были одержаны без всякой помощи со стороны самого Карфагена. Ганнибал не мог собственными силами довести дело до конца. Его войско очень уменьшилось, и о нападении на Рим нельзя было и думать. Римляне ободрились. По всей Италии держались выстроенные ими раньше крепости. Страна могла выставить еще много ратников-крестьян, и они постояли за себя. Но народные вожди потеряли силу. После двух больших неудач, понесенных по их вине, сенат опять взял дела в свои руки.

Главные силы римлян двинулись за пределы Италии. Молодой Сципион отбил у карфагенян важную Испанию, с ее рудниками и большим запасом сильных людей для войска. Оттуда он переправился в Африку и привлек на свою сторону союзных с Карфагеном нумидийцев. Из своих новых африканских союзников он составил отличную конницу, которой не хватало у римлян. Сципион, не похожий на старинных римлян, мягкий в обращении, образованный в греческой науке, умел располагать к себе людей. Он умел также управиться в новой стране с незнакомыми племенами. Теперь снова Карфаген оказался в отчаянном положении. Патриоты думали спасти город, вызвав Ганнибала из Италии. Но ему дали большею частью новые, неиспытанные войска. Сципион разбил его при *Заме*, недалеко от Карфагена.

Рим поставил противнику тяжелые условия: выдать на сожжение весь военный флот, отдать все владения, кроме небольшой области около города, платить 50 лет огромную дань и не сноситься с другими государствами без ведома и согласия Рима.

Могущество Римской республики после 200 г. Сила Карфагена была совершенно уничтожена. Он стал в полную зависимость от Рима, и к Риму перешли его богатства и владения, находившиеся в Испании, Сицилии, Сардинии и Корсике.

Эти успехи были достигнуты двумя тяжелыми *пуническими* войнами (так называли римляне войны с Карфагеном; по-латыни финикийский – пунический). Рим стал после их окончания самым сильным государством в тогдашнем свете. Греческие цари на востоке, македонский и сирийский, пытались еще сопротивляться Риму. Легионы перешли опять за море, уже на восток, и одолели македонскую фалангу. Оба царя заплатили большую дань. Сирия и Египет должны были заключить с римлянами союзы и обаялись повиноваться великой республике.

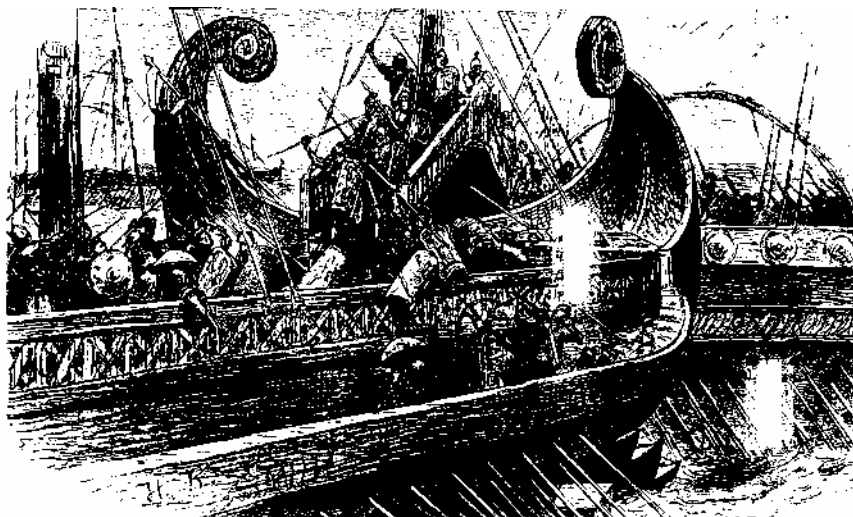
Восставшие против сирийского царя иудеи (стр. 141) прислали в Рим драгоценный золотой щит и просили покровительства: сенат отправил письма ко всем правителям известного тогда мира, требуя охраны для иудеев.

До войны с Карфагеном Италия была крестьянской страной: старые римские помещики мало отличались по понятиям и образу жизни от мужиков; торговля была большею частью в руках иностранцев; в казне римской было немного денег, с населения не собирали податей. После этих завоеваний во всем обиходе Рима и Италии началась великая перемена.

Теперь в Рим стала сходиться отовсюду огромная добыча драгоценностями, золотой и серебряной монетой. У римского народа появились заморские владения: Сицилия, Сардиния, Корсика, Испания. Области эти платили дань нередко доставкой товара, например плодородная Сицилия присылала хлеб. Лишь немногие города вне Италии, сдавшиеся римлянам, сохраняли самостоятельность. Большею частью страну, куда вступили римские войска, Рим объявил *провинцией*, т. е. областью под военной командой. Для управления провинцией посылали одного из бывших римских консулов военным начальником, проконсулом. Он распоряжался полновластно. Туземные жители должны были содержать его двор и свиту. Он мог теснить их большими поборами. Тягаться с ним было очень трудно: пока он управлял провинцией, в Рим не принимали на него жалоб.

Римские откупщики. В отличие от римских граждан и союзников жители провинции были данниками, платили подать. В нынешних европейских государствах подати собирают, считают и проверяют чиновники, назначенные правительством; для этого приходится держать много служащих и платить им жалованье. Римские правители не хотели входить в разные заботы и траты для сбора податей. Они делали то, что делает помещик, который не хочет сам хозяйничать: сдавали имения в аренду.

Вызывалось несколько человек крупных промышленников, которые соединяли свои капиталы и составляли компанию. Они откупали у казны провинцию: вносили вперед аренду и получали право взыскать с провинции подати, с выгодой для себя. Они как будто покупали всю область оптом и потом возвращали себе затрату с лихвой в розницу, собирая деньги с городов и поселков.

Римская трирема с перекидным мостом времен пунических войн. Реставрация

Сиракузская монета

Рельефная облицовка платформы, на которой выстроены пергамские храмы. Афина за волосы влечет за собой поверженного гиганта. Из глубины появляется богиня Гея и молит Афину пощадить ее сыновей-гигантов. Навстречу Афине летит Нике – богиня Победы

Триумф Эмилия Павла. За колесницей триумфатора идут победоносные войска. Впереди идет побежденный македонский царь – последний потомок Александра Македонского – с сыновьями

Эти капиталисты, *откупщики*, как их называли в Риме, нанимали уже от себя множество сборщиков, счетчиков, писцов, заводили канцелярии и склады; из Рима, где сидели директора компании, посылались в разные места провинции и обратно множество деловых писем: для этого была устроена правильная почта, которая тоже была в руках этих капиталистов. Служащие у них были большею частью рабы или вольноотпущенные. Откупщики брали также в аренду у казны рудники, леса, пастбища, соляные варницы, сбор пошлины в гаванях, подвоз хлеба в столицу.

Зажиточные люди в Риме старались, при помощи капиталистов, также получить выгоду с провинций: как у нас кладут деньги в банк, так в Риме их отдавали на сбережение или в промысел откупщикам; сберегатель получал на свой взнос процент. Перед началом какого-нибудь предприятия, например разработки большого рудника, множество людей давали свои деньги вперед на устройство и обзаведение дела; за свой взнос они получали в предприятии долю, пай или несколько паев; в случае удачи всем пайщикам выплачивалась выгода, соответственно взносу каждого. Дело могло, разрастись, давать все большие барыши, тогда паи получали более дорогую цену, их можно было перепродавать с выгодой другим лицам. В Риме граждане стали рассуждать и горячиться по поводу разных доходных заморских дел; на *форуме*, большой базарной площади, образовалась биржа: за столами сидели банкиры, которые покупали и продавали паи, обменивали монеты, сходявшиеся из разных стран, давали ссуды.

У промышленников было чрезвычайно много доверителей и должников между гражданами; в сенате и в народных собраниях капиталисты могли легко склонить голоса в свою пользу, если им хотелось захватить новую доходную область. Своих торговых противников римские купцы и банкиры

безжалостно уничтожали. В угоду им через 50 лет после войны с Ганнибалом сенат решил покончить с Карфагеном.

Начало римской империи после 150 г. Карфагеняне несколько раз откупались от беды, исполняя все требования Рима; они выдали даже все свое вооружение. Но когда в Африке высадилось римское войско и карфагенянам было приказано, чтобы они сами разрушили свой город и переселились за две мили от моря, т. е. отказались вовсе от морской торговли, в городе все обезумели от негодования. Доведенный до отчаяния, Карфаген быстро вооружился. Римляне нашли перед собою высокие тройные стены с четырехэтажными башнями, настолько просторные, что в них помещались конюшни для целой кавалерии, для массы слонов и казармы для большого войска. Три года простояли римляне, осаждая город, и нужно было все искусство лучшего военного вождя, Сципиона (Младшего), чтобы взять Карфаген. Он был разрушен до основания (146 г.), и его область римляне обратили в провинцию *Африку*.

В том же году прибавились еще две провинции на востоке. Так же как Карфаген, был уничтожен богатый торговый Коринф. Римляне обратили в провинции Грецию и Македонию. Еще через 12 лет римляне ступили на почву Азии. По завещанию умершего греческого царя, правившего в Пергаме (около древней Трои), к Риму перешла без войны западная половина Малой Азии с богатыми приморскими греческими городами. Она стала называться провинцией *Азией*.

К 130 году во власти римлян находились все выдававшиеся в Средиземное море полуострова Европы, Азии и Африки. Кроме Италии, все эти земли были провинциями, или, иначе говоря, входили в *империю* Рима, т. е. находились под военным управлением.

Вместе с легионами везде появлялись также римские денежные люди. Они ссужали данников Рима, а также соседние города и владетельных князей. Ссуды давались за крайне высокие проценты, и римские ростовщики беспощадно взыскивали долги с жителей провинций и даже с союзников Рима. Один город на острове Кипр задолжал важному римскому капиталисту огромную сумму за 48% в год; но средств не было, и городской совет отказался платить; тогда ходатай капиталиста выпросил у римского наместника соседней области отряд и запер весь городской совет в здании думы: несколько советников во время осады умерли с голоду.

Страшно стало римское имя по всему побережью Средиземного моря: римляне гордились тем, что в чужой земле достаточно назваться римским гражданином, чтобы заставить себя уважать и бояться: Рим не даст волоска тронуть у кого-либо из своих; всюду могут появиться его страшные легионы.

Нобили. Те семьи, которые правили делами в Риме, стали несравненно богаче и сильнее, чем были раньше.

Во время больших войн их служба и положение совершенно изменились. В прежних войнах, которые велись в Италии, от вождей главным образом требовалось упорство и добросовестность; на войне применялись стародавние и однообразные приемы и порядки, так как противники мало чем отличались от римлян. Не то стало теперь, когда начались морские войны, когда легионы посылались в Испанию, Африку, Грецию, Азию, против народов разного обычая и разного характера боя. Начальник должен был выказать много ловкости, умения обойтись с чужими людьми; ему приходилось быстро изучать новые местности, придумывать или перенимать новые военные способы. Бравый, но ненаходчивый человек вроде Регула пропадал в таком положении. Гибкие талантливые вожди, как Сципионы, напротив, достигали огромных успехов.

Таких людей римляне подолгу оставляли у команды, гораздо дольше старинного годового срока; им поручали после войны устроить захваченную провинцию и управлять ею первое время. Эти наместники чувствовали себя точно царями над покоренными жителями: они издавали приказы, через их руки проходили огромные суммы добычи и дани. Войско выражало им свою преданность: иногда солдаты громко объявляли своего вождя *императором*: это был почетный титул победителя,

При возвращении в Рим ему устраивали торжество, *триумф*. Император в сопровождении своих солдат, которые пели победные песни, ехал через весь город в раскрашенной повозке, имевшей вид круглой башни, в ярко-красном плаще с золотой каймой, с лавровым венком на голове и браслетами на руках. Над ним раб держал золотую корону с драгоценными камнями и повторял: "Гляди назад", т. е. не возгордись. Впереди несли его добычу, золото и серебро, диковинные вещи, невиданные растения, вели

животных, пленников в оковах и между ними иногда побежденных царей; несли большие картины, изображавшие все его победы, крепости, которые он взял, горы, реки, моря, города, которые он захватил. Победитель Македонии, Эмилий Павл*, вез в течение трех дней свою добычу: первый день на 250 огромных телегах прошли взятые у греков статуи и картины, на другой – появился целый арсенал оружия, несколько тысяч человек тащили на плечах сосуды с серебряной монетой, на третий – несли золото в деньгах, золотую посуду побежденного царя и т. д. По всем улицам стоял народ в праздничных белых плащах. Шествие направлялось к Капитолию, старинной крепости, в храм Юпитера, где богу возносили молитвы и отдавали лучшие вещи.

* Эмилий Павел Македонский в 168 г. до н. э. победил при Пидне македонского царя Персея.

Бывший вождь сохранял в Риме видное положение: нередко к нему обращались и во второй раз; или же, как Сципион после победы над Ганнибалом, он легко мог провести на должности своих родственников и близких друзей. Эмилий Павл был близок к Сципиону Старшему; сын Эмилия после смерти отца был принят в семью Сципионов и получил ее имя (это – Сципион Младший, который окончательно взял Карфаген). Семьи заслуженных людей в Риме стали называться *нобиями* (т. е. видными, знатными).

Нобили выделялись в Риме особым правом: в доме нобили хранились восковые маски, снятые с лиц всех предков, которые занимали должности: маски были помещены в главном зале, в шкафчиках вдоль стены, а между ними были нарисованы на стене линии, соединявшие их в большое родословное древо; над каждым изображением была надпись, которая рассказывала о подвигах и отличиях умершего; если в роде нобили были императоры, то в честь их в доме ставились статуи. В праздничные дни шкафчики раскрывались, и маски увенчивались лавром.

Когда умирал нобиль, на похоронах народу показывали весь блеск рода; впереди гроба ехали на колесницах люди в масках предков умершего и в старинных консульских и триумфальных костюмах. На форуме эта процессия останавливалась; умершего приподнимали на носилках; актеры, изображавшие предков, садились в кресла, и один из родственников произносил хвалебную речь покойному и всем словно воскресшим кругом него членам знаменитого рода.

Нобили заполняли *сенат*. В сенат собиралось от 300 до 600 человек. Консул объявлял дело, которое надо было обсудить, и приглашал сенаторов по порядку сказать свое мнение. Один за другим вставали они, и кто мог подробно объяснял свой взгляд, но говорили лишь те, кому уже пришлось занимать должности или, как римляне выражались, иметь кресло (консулы, судьи и др. садились перед народом на кресло, обитое слоновою костью). Остальные молча присоединялись к говорившим. Чтобы узнать, к чему клонит большинство, консул предлагал расступиться: направо садились тогда сенаторы, которые держались одного мнения, налево – те, кто стоял за мнение противоположное.

Нобили устанавливали между собою очередь для управления провинциями. Из провинций они привозили громадные богатства. Но для того чтобы стать наместником, надо было сначала пройти должность консула или судьи (*претора*) в Риме, а на эти должности выбирал народ. Нобиль старался всеми средствами получить расположение народа: устраивал большие общие обеды на улицах в разных частях города, забавлял народ зрелищами в театре и цирке, нередко прямо раздавал деньги сотням и тысячам людей через особых кассиров; однажды четыре нобили, которые соперничали из-за консульства, уплатили каждый по 1 миллиону рублей на наши деньги. Таким способом нобиль как бы покупал себе в будущем доходную провинцию, а в ожидании богатства иногда совершенно разорялся. В дни выборов те, кто желал получить должности, выходили в белых плащах, и народ быстро различал своих угодников и любимцев.

Нобиль считал для себя недостойным заниматься лично торговлей, мореходством, но он отдавал обыкновенно капитал своим рабам или вольноотпущенным; те заводили какое-нибудь дело, лавку, ссуду, доставку товаров морем; выгода доставалась господину.

Множество людей искали у нобилей занятий, поддержки или подачки: они назывались *клиентами* (послушными, зависимыми людьми). Куча челядинцев наполняла большой дом нобили: он держал множество ненужных рабов ради важности, блеска: один открывал двери, другой кричал, какое подают кушанье за обедом, третий был шутком и т. д. Их бывало в доме несколько сот человек. В передней у

нобиля и у дверей снаружи дожидались клиенты и искатели подачек: когда он выходил, его поздравляли, выпрашивали у него поручения. Он часто не знал всей своей свиты: особый раб называл ему имена пришедших. Иногда им раздавали монетки, старые плащи, кормили их за господским столом и т. д.

Большие имения. Нобиль считал своею гордостью приобрести побольше земли: часто он скупал имения разорившихся крестьян или мелких помещиков. Составлялось огромное имение в несколько тысяч десятин.

Часто в таком имении не было хозяйства: владелец строил себе великолепную дачу, запуская большой простор под парк для охоты или, вместо того чтобы обрабатывать землю, оставлял огромные пространства под пастбища; по большим пустырям, где прежде были населенные деревни, особенно на юге Италии, стали бродить обширные стада, а за ними смотрели полудикие рабы-пастухи, которых вооружали на случай нападения зверей; пастухи эти нередко обращались в разбойников и бросались на проезжих. Много земли пропадало так даром.

Рабы. Но иной нобиль заводил у себя обширное хозяйство в имении: сажал виноград и оливку, держал птичник и т. д. Свободных людей он старался не брать к себе на работу, потому что им надо было платить: он искал себе самых дешевых работников, рабов, которых приходилось только кормить и держать под крышей.

Рабов можно было теперь покупать в огромном количестве: каждая война кончалась продажей множества пленных; кроме того, на Средиземном море завелся особый промысел: морские разбойники похищали людей по приморским деревням. Всех этих пленных, присужденных к каторге или похищенных людей привозили толпами на рынки: на острове Делосе, где был один из таких рынков, в один день высаживали на берегу, запродавали, к вечеру сажали на другие корабли для отсылки до 10 000 рабов.

Римляне, народ суровый, жестче относились к рабам, чем греки. Один практичный римский хозяин говорил, что надо купить раба очень молодым, чтобы было подешевле, и самому его обучить; когда он начнет стареть, надо от него отделаться, продать его, пока он не стал обузой. Был и другой совет: заставить раба работать до такой степени, чтобы он ни о чем не думал, кроме еды и сна. Раб ведь и не человек: он хозяйское орудие. Есть орудие безгласное, например плуг; есть орудие полугласное – скот; есть орудие гласное, это – раб.

Рабам в большом имении (*вилле*) обыкновенно не позволяли обзаводиться семьями; они жили в казарме. Провинившихся заковывали в цепи и запирали в тюрьму, где до узких окошек в стене нельзя было с полу достать рукой. Рабов выводили на работу отрядами, нередко в цепях; впереди шел десятник с бичом или заостренной палкой, чтобы подгонять нерадивых. Они складывали вместе верхнюю одежду, которую берег особый надсмотрщик. Владельцы оправдывали свою жестокость тем, что рабов кругом у них огромная масса и что рабы – чужие, иноверные, иноязычные люди; живешь как будто среди врагов и иначе, как неумолимою строгостью, нельзя их держать в страхе. Случаи убийства господ рабами были нередки. Поэтому нобили в сенате издали особый закон для устрашения рабов: в случае, если господин будет найден в своем доме или в путешествии убитым, то пытке и казни должны быть подвергнуты все рабы, которые жили в доме или были в пути с убитым, хотя бы их оказалось несколько десятков или сот человек.

Число рабов в большом имении могло доходить до нескольких тысяч. Хозяин старался отрезать своих рабов от остального мира: он не пускал чужих на свой двор; рабы должны были сами сделать себе одежду, посуду (большую мастерскую рабов в имении называли *фабрикой*). У входа во дворе сидел привратник и строго наблюдал за входящими и выходящими; а над воротами в большом доме было устроено окно, в которое глядел управляющий, наблюдая за привратником.

Восстания рабов. Понятно, что, где рабов скопилось много, они были готовы к восстанию. Между ними были сильные люди, например пастухи в южной Италии или гладиаторы, т. е. рабы, обученные военным приемам для игр в римских театрах.

Однажды вся Сицилия, где были особенно крупные поместья, была захвачена восставшими рабами: это были все чужие люди, уроженцы востока. Началось возмущение заговором среди дворни одного крупного землевладельца, известного истязателя рабов. Толпа рабов бросилась в соседний город, где

был хозяин, и убила его среди театра. На всем острове перебили господ; к рабам присоединились обнищавшие свободные люди. Один сирийский невольник, Эвн, которого хозяин показывал как фокусника и шута, а товарищи читли как предсказателя, был выбран рабами в цари. Три года распоряжались они в Сицилии, и целые римские армии с консулами во главе ничего не могли сделать против них. Наконец их одолели, и расправа была самая бесчеловечная: 20 000 рабов было распято на крестах.

Город Рим. После больших завоеваний совершенно изменился вид самого Рима. Прежде город состоял из низких, беспорядочно разбросанных домов, которые прерывались большими пустырями. Только в базарные дни да когда грозила опасность от врага наполнялся он пришлым народом из деревень, а то в нем было мало своего населения и мало движения.

Совсем иное дело, когда Рим стал столицей всех земель около Средиземного моря. В город являлось множество иностранцев: послы других держав со своими свитами, торговцы, художники, риторы. Откупщики устраивались со своими канцеляриями и посыльными. Около нобилей скоплялось большое количество клиентов. На всех этих разнообразных приезжих, служащих, дворовых людей надо было готовить и подвозить съестные припасы, одежду, посуду, мебель, предметы роскоши; множество ремесленников, лавочников, извозчиков и носильщиков стали получать заработок в Риме.

Вместо прежнего населения в несколько десятков тысяч количество народа в Риме доросло до миллиона. Пустыри застроились, стройка далеко зашла за черту старых стен. Теперь пришлось строить ввысь многоэтажные дома. Правда, для площадей, для красивых построек, храмов, цирков, театров, сенатских зал отводили широкий простор; много места занимали дворцы нобилей с обширными садами около них. Но от этого становилось еще теснее в кварталах, где жила беднота. Тут поднимались шести-семиэтажные громады, казармы на вид, разделенные внизу на лавочки и мастерские, наверху – на множество мелких квартир и углов для бедного люда. Бедняку приходилось взбираться часто на 200 ступенек вверх, а то, напротив, он спускался на 10–20 ступенек вниз от земли в подвальное помещение.

Грязно, нездорово и опасно было жить в этих "крепостях" (вместо этого нашего выражения в Риме называли подобные дома "островами", потому что они занимали целый квартал, как бы остров между проездами): между ними ползли узкие, кривые улочки, куда не проникал солнечный луч. Верхние этажи домов наскоро строились из дерева: в случае пожара из множества скученных домов получался настоящий костер. Пожары в Риме бывали часто: тогда выгорали целые части города и много бывало человеческих жертв.

Народ в Риме. Население Рима стало очень пестро. Помимо того, что в столицу являлось много приезжих, состав самих граждан очень изменился. Победители привозили толпы пленных рабов. Во множестве их потом отпускали на волю. Вольноотпущенный, живя в Риме, мог стать римским гражданином. Вследствие этого в Риме все под тем же старым названием римлян скоплялась разноплеменная толпа: испанцы, африканцы, галлы, греки, сирийцы и т. п. Другие лица виднелись теперь в народном собрании; другие нравы проникли сюда: вместо серьезных тяжеловатых плебеев-крестьян стали шуметь бойкие городские жители; вошли в обычай споры, перерывы, возбуждающие речи. Когда однажды знаменитого победителя Карфагена, Сципиона Младшего, стали прерывать в народном собрании, он гневно крикнул: "Молчите вы, рабы, которых я вчера привел в оковах в Рим!"

Чужие обычаи и вера. Вместе с иностранцами проникла в Рим и чужая вера. Переселенцы приносили своих богов, за ними двигались проповедники и жрецы. Уже раньше стали появляться греческие боги; римляне по большей части соединили их в уме со своими богами, как, напр., Зевса с Юпитером. Между римлянами и греками были издавна сношения: оттого латинская азбука взята с греческой. Греческие архитекторы строили теперь по греческим образцам храмы римских богов, греческие художники ставили их изображения.

Но были принесены и совсем чужие боги. Египетские жрецы в белых льняных одеждах с трещотками в руках голосили и плакали по умершему своему богу Озирису. Почитатели малоазиатской богини Кибелы, великой матери богов, поднимали оглушающий шум бубен, стук оружия, дикие крики и бешеный танец, стараясь привести себя в состояние восторга. Позднее других стали переселяться евреи, которые заняли потом большой особый квартал в Риме; они поражали всех отсутствием изображений и пышности в своих залах, *синагогах*, где они собирались для чтения Писания и для беседы.

Римские правители очень подозрительно относились к этим чужим верованиям и обычаям. Они считали все это "суеверием". Сторонники старины думали, что, если испортился нрав народа, так именно от чужих обычаев, что оттого народ стал жаден, нечестен, бросил свои прежние занятия и стал уходить из деревень в города. Ревнители старины не знали только, за что взяться, чтобы искоренить чужой дух: они то запрещали иностранные наряды, то ограничивали количество серебряной посуды в домах, то выгоняли иноземных проповедников и учителей. Все эти меры оставались бесполезны.

Греческое образование. Между нобилиями особенно сильно распространялись чужие обычаи. Оба Сципиона и Эмилий Павл были большие почитатели Греции. В высшем обществе модным разговорным языком стал греческий. Нобили приставляли к своим детям греческих рабов-учителей. Они любили развлекаться слушанием греческих стихов или греческих речей. Они учились искусству речи у приезжих знаменитых греческих риториков; на суд и в народном собрании стали появляться особые мастера художественной речи, *ораторы*.

У римлян раньше вовсе не было литературы. В то время как у греков особые художники-певцы исполняли целые поэмы о подвигах богов и героев, у римлян за столом заставляли мальчика протянуть какую-нибудь незатейливую песнь о старинном вожде. Теперь, когда в Рим стали стекаться иностранцы, многие греки задумали познакомить римлян со своей поэзией; греческие поэмы были переведены на латинский язык, писались подражания Гомеру, в Риме начали ставить театральные пьесы наподобие греческих. Однако эти занятия были чем-то чужим для римлян: литераторы, писавшие на латинском языке, были по большей части не римляне родом и не из свободных граждан, а иностранцы и вольноотпущенные. В Риме гораздо менее людей, чем в Греции, читали поэзию и любили театр.

Еще менее римляне интересовались наукой: они были великие техники, инженеры и воины, великие мастера в деле управления; но их мало занимали вопросы о строении вселенной или о душе человеческой, в которые так углублялись греки.

IX. КОНЕЦ РЕСПУБЛИКИ В РИМЕ.

130 – 30 гг. до Р. Х.

Разорение Италии. В то время как богател Рим и росло его население, Италия разорялась. Страшно опустошили страну варвары Ганнибала за те 15 лет, которые они в ней пробыли. Многие области так и не поправились потом. Римляне увеличили разорение еще тем, что отобрали земли у союзников, бывших на стороне Ганнибала. Земли эти считались с тех пор казенными. Их называли *общественное поле*. По большей части их разобрали нобили за небольшую плату казне.

Везде, где прошло разорение или где земли были отобраны, не стало больше крестьян. Мужик, потерявший двор и землю, уходил в Рим или другой город на заработок, поступал во флот, уезжал в другую страну. Он становился во всяком случае *пролетарием*, т. е. человеком, у которого завтрашний день не обеспечен.

Да и тем крестьянам, которые остались на земле, стало тяжело. Они не могли больше сбывать свой хлеб в Рим и крупные города у моря, хотя именно теперь там нужно было гораздо больше хлеба, чем раньше. Дело в том, что римляне захватили сами в свои руки морские пути и богатые заморские области и везли к себе даровой хлеб: Сицилия, Африка, а позднее еще и Египет должны были хлебом платить дань своему властелину. Только провоз этого хлеба стоил денег; поэтому чужой дальний хлеб выходил гораздо дешевле домашнего итальянского. Крестьянину итальянскому некуда было деваться с

урожаем своих полей, а между тем он должен был достать денег для разных надобностей. Вследствие этого многие крестьяне продавали свои участки, и в деревнях народу становилось меньше.

Популяры. Об этом разорении итальянских крестьян очень стоило подумать. Ведь из числа крестьян Рим получал большую и лучшую часть солдат, более слабые городские обыватели гораздо менее годились в тяжелую военную службу. В среде нобилей появились люди, которые считали разорение крестьян большой бедой для Рима. Их звали *популярами*, сторонниками народа.

Один из популяров, Тиберий Гракх, внук Сципиона Старшего, видевший много нужды крестьянской, говорил в народном собрании: "Звери и птицы имеют логовища, а людям, покорившим весь свет, некуда голову преклонить!"

Популяры искали должности трибунов, потому что, по старой памяти, трибун считался народным защитником и имел большую силу в народном собрании. Популяры думали, что можно помочь горю, если раздать бедным семьям пустые и даром пропадающие земли; сколько будет роздано участков, столько будет опять крестьян.

Когда Тиберия Гракха выбрали трибуном, он предложил взять для такой раздачи землю общественного поля. Так как этой землей уже владели нобили, Гракх решил их ограничить: никто не должен был держать больше 250 десятин из общественного поля и гонять больше 1000 голов скота на общий выгон. Излишек земли свыше этого размера нобили должны были выдать назад; эту землю Гракх предложил разделить на мелкие крестьянские участки по 2 десятины и раздавать бедным.

Большинство нобилей в сенате было сильно раздражено за то, что перемену производят на их счет. Они образовали против популяров партию *оптиматов* (т. е. "лучших", первых людей). Когда дошел годовой срок должности Тиберия Гракха и он стоял в шумной народной толпе, дожидаясь нового выбора, из залы сената быстро вышли оптиматы, подхватившие что пришлось, ножки стульев и палки; толпа расступилась перед знатными людьми, и они легко перебили безоружного Гракха и небольшую кучку его друзей (133 г.).

Кай Гракх. Десять лет спустя прибыл из провинции и стал также трибуном его младший брат Кай*. Он умел увлекательно говорить; горячо и сильно вел он всякое дело. Он считал, что многое надо изменить в римских порядках, и видел, что придется объявить непримиримую войну оптиматам. Кай Гракх предложил раздавать бедным участки земли не только в Италии, но и в провинциях. Он хотел помочь раздачей земли и союзникам, а для этого принять их в число римских граждан.

* Гай.

Так как в сенате большинство было против этих перемен, Кай Гракх мог рассчитывать только на народное собрание. В этом собрании теперь мало было крестьян. Главные веские голоса принадлежали промышленникам и откупщикам, а большинство составляла городская толпа. Тем и другим Кай Гракх сделал уступки, чтобы привлечь их на свою сторону. Откупщикам он отдал для сбора податей только что полученную римлянами область, провинцию Азию (стр. 165). Городской толпе он устроил раздачу по дешевой цене казенного хлеба. Казна должна была взять на прокорм более сотни тысяч человек в Риме.

Кай Гракх получил огромную силу: по поручению народа он устроил большие работы в Италии, которыми занял много людей; послы от союзников, от провинций и иностранных держав совещались с ним. Как трибун, он мог остановить дела в сенате, положить на все запрет и свою печать, если бы сенат стал ему сопротивляться. Сам он по своей должности защитника народа был "священной особой". Он правил почти неограниченно в Риме два года, пока был трибуном. Но на третий год народ его не выбрал: римским горожанам не нравилось, что он стоит за союзников.

Кай Гракх перестал быть священным лицом. Сенат поручил консулу захватить его. Кай Гракх с несколькими тысячами сторонников окопался на одном из римских холмов. В жестокой схватке он был убит (121 г.).

Оптиматы поспешили разделить между собою навсегда общественное поле в Италии, чтобы уже о нем не поднималось больше речи. Они нашли, что одну меру, введенную Каем Гракхом, хорошо сохранить для того, чтобы иметь на своей стороне городскую толпу, а именно: они согласились раздавать ей дешевый, а потом и даровой хлеб. Более 300.000 человек в Риме стали получать из

казенных амбаров зерно, подвозившееся морем. Ежемесячно по особым билетам выдавали около двух пудов на каждого человека; получали только мужчины, между ними мальчики с 11 лет.

Через 20 лет после Кая Гракха популяры попытались добиться большого раздела земель для неимущих при помощи солдат.

Новое войско, около 100 г. Солдаты в старину были ополченцы, те же граждане; их отпускали после короткого похода по домам. В долгих заморских войнах легионы обратились в нераспускаемые постоянные войска: солдат совсем отрывали от домашней работы; казна стала им платить жалованье; после больших побед они получали от вождей крупные подарки. Солдатское дело обратилось в особое ремесло: вместо набора молодых парней из всех семей стали вербовать солдат, брать охотников. В войске исчезло разделение по богатству и по виду оружия.

Солдаты вместе с тем совершенно отделились по образу жизни и понятиям от остальных граждан. Они считали себя выше граждан и обижались, когда их звали гражданами. Им не было дела до решений сената и народа в Риме. Военный вождь был их единственным начальством; они были уверены, что их благополучие зависит от его искусства на войне и его щедрости после войны.

В походах и на стоянках вожди требовали от них тяжелой работы; солдаты сами должны были окопать и возвести весь свой лагерь; они строили крепости и корабли, мостили дороги, делали водопроводы. За проступки им грозили самые тяжелые наказания: розги и плети, клейма на теле; в случае бегства целого отряда с поля битвы каждого десятого солдата казнили отрублением головы. Но и солдаты привыкли ставить вождю свои требования: в лагере постоянно собирались сходки солдат и офицеров; начальник выходил к ним, говорил им речи, как в народном собрании, сообщал свои намерения, давал обещания. Если солдаты были недовольны, они свергали своего вождя или переходили к другому. Нужно было большое искусство, чтобы с ними ладить и над ними господствовать; но вождю приходилось также угождать им большой добычей.

В это время на севере и на востоке в течение нескольких лет поднимались одно за другим крупные военные предприятия, которые выдвигали вождей и их солдат.

Началось с движения северных орд *кимбров* и *тевтонов*, которые шли из-за Альп. В Италии ходили преувеличенные рассказы об их силе. Они могли бежать рядом со скачущим конем; вождь тевтонов прыгал через 6 лошадей, поставленных рядом. Пронзив человека копьем, варвар мог его и поднять на копье. В сражении они приходили в ярость, вырывали с корнем деревья, отламывали руками куски скал и метали их во врагов, стаскивали в реку целые кучи земли, так, что вода выступала из берегов. Женщины их, крепкие, как мужья, бились вместе с ними. Варвары искали новых мест для поселения в равнинах рек По и Роны, угрожая римским поселениям в той и другой области.

Лучшим генералом в Риме в это время был Марий. Он считался новым человеком, т. е. не принадлежал к нобилям, и пробился на должности при помощи популяров и богатых откупщиков. Мария послали на север и пять лет подряд, против обычая, выбирали консулом. Он долго готовил и снаряжал своих солдат и наконец в упорной борьбе истребил большую часть варваров; остальные были захвачены в плен и проданы в рабство; их купили владельцы больших имений в Италии.

Войско Мария было набрано совсем по-новому; он стал призывать под оружие по большей части безземельных людей, пролетариев. Такие солдаты ничего не теряли, уходя с родины на службу; но когда они возвращались после походов *ветеранами*, т. е. отслужившими, им грозила участь опять стать нищими. Поэтому они требовали, чтобы вождь обеспечил их землей в самой Италии.

Междоусобные войны. Более всего помог Марию пройти в консулы трибун Аппулей Сатурнин; солдатам Мария он обещал земельные наделы. Когда войско Мария вернулось, Сатурнин предложил раздать неимущим земли, отобранные римлянами в провинциях. Он вызывал несколько раз безземельных крестьян со всей Италии на народные собрания в Рим, приглашал бывших солдат Мария и хотел ими запугать сенат. Нобили обратились за помощью к тому же Марию и поручили ему истребить крестьян, вызванных в Рим и вооруженных Сатурнином. Марий осадил своих бывших друзей и сторонников в Капитолии и перебил их (100 г.)*.

* Сатурнин и его сторонники были перебиты оптиматами.

Но итальянские крестьяне не успокоились. Жители союзных общин со времени Кая Гракха раздражены были тем, что их не принимают в число граждан, между тем как в войнах они несли больше повинностей, чем римляне. В 90 году они отложились от Рима, выбрали своих консулов и свой сенат, устроили новую столицу против Рима, по другую сторону Апеннин, и назвали этот город Италией. В войске восставших союзников преобладали горцы средней и южной Италии, и первое место заняли старинные соперники римлян, самниты.

Рим должен был напрягать все усилия в этой войне. Два года кипела отчаянная борьба по всему полуострову. Множество союзников, большею частью крестьян и мелких землевладельцев, погибло; их земли захватили богатые римские нобили. Остальных союзников пришлось принять в гражданство, и в этом Рим уступил.

Все итальянцы стали теперь римскими гражданами. Но страна сильно опустела. Много было людей раздраженных, обнищавших, дожидавшихся случая отомстить разорителям; с другой стороны, многие обогатились захватом чужого; те и другие привыкли рассчитывать на насилие.

Неограниченная власть военных вождей. Сулла. В трудной войне с союзниками больше всего услуг оказал Риму Корнелий Сулла, человек старинной знатной семьи.

Во время войны с союзниками римляне потеряли почти все владения на востоке. Полуварварский царь Понта (т. е. южного Черноморья) Митридат заметил, как ненавидят греки римских откупщиков и торговцев. Он поддержал восстание в Малой Азии: несколько десятков тысяч римских поселенцев были перерезаны. Митридат выстроил флот и захватил европейскую Грецию.

Главным начальником для ведения войны на востоке сенат назначил Суллу. Старый, почти семидесятилетний Марий был глубоко оскорблен этим назначением: его сторонники добились того, что народное собрание отняло у Суллы начальство и отдало Марию. Когда солдаты Суллы, уже готовые к отплытию на восток, узнали о решении народа, они потребовали, чтобы Сулла вел их на Рим. Сулла сделал вид, что соглашается поневоле. Солдаты и их вождь вступили в Рим господами: решение народа было уничтожено. Марий и его сторонники бежали и были заочно приговорены к смерти. Это было неслыханное дело: солдаты как будто завоевали столицу и дали приказ самому народу римскому.

После этого Сулла отправился на восток и отвоевал у Митридата Грецию и Малую Азию. С греческих городов он собрал огромную дань и из нее раздавал богатые подарки солдатам. В отсутствие Суллы популяры вернулись в Рим, а к Сулле бежали нобили, испуганные народным движением. Когда Сулла после побед возвратился в Италию, наступило в свою очередь торжество оптиматов.

Сулла составил опальные списки*; кто был на них записан, лишался защиты суда и законов; всякий мог убить опального; имущество его продавалось с торгов. Многие попадали в списки по доносу своих недругов. Около Суллы теснились люди, которые быстро наживались, скупая дешево имущество опальных. У самого Суллы не было ни жадности, ни ненависти: он только не мешал грабежу и неистовству других. Он был умный, тонко образованный человек; но его увлекала постоянная удача, и он не хотел тратить усилий на что-нибудь хорошее. Суллу признали *диктатором без срока* (в 82 г.): он мог по усмотрению устроить все порядки в Риме. Он отдал солдатам имения в Италии, взятые у опальных, и ушел на покой. Грубые и страшные его ветераны во многих местах сами выгнали старых владельцев; заодно с ними многие нобили, набрав рабов и слуг, вторгались к мелким соседям своим, отнимали их имущество и пускали их по миру.

* Эти списки назывались проскрипциями.

Сулла был оптимат и хотел помочь оптиматам против популяров: он стеснил народные собрания и отнял почти всю силу у трибунов, но он достиг успеха при помощи солдат, которых привел с собой в Италию, а солдаты произвели общий великий грабеж. С этого времени все, кто владел землею или капиталом, стали бояться военных вождей. А между тем не прекращались крупные военные предприятия, для исполнения которых необходимо было давать генералам огромные полномочия. Нобили считались равными между собою: сенат, где они все были соединены, стоял выше их всех, в отдельности взятых. Но вождь, сделавшийся начальником крупной армии и наместником больших посторонних владений, уже не желал более подчиняться сенату; он добивался первого, исключительного места в государстве.

После Суллы на положение такого вождя поднялся его прежний помощник, Помпей*. Он быстро исполнил большое и трудное дело: перехватал страшных морских разбойников в Средиземном море, большею частью бывших рабов, у которых образовалась на море целая держава, был флот, крепости, огромные склады. Помпею дали неограниченную власть на море над всеми островами и берегами, чтобы расстроить силы разбойников. Такие же полномочия дали Помпею год спустя в Азии против вновь поднявшегося Митридата. Помпей прошел почти до Каспийского моря и до Евфрата, захватил царство Сирийское и Иудею с Иерусалимом. Как царь распоряжался он на востоке.

* Римский полководец Гней Помпей (106–48 гг. до н. э.) был вызван из Испании для подавления восстания рабов под руководством гладиатора Спартака, охватившего фактически всю Италию. Армия восставших насчитывала около 70 тысяч человек. В 71 г. Спартак был разбит римской армией под руководством трасса и погиб в бою. Последние очаги восстания подавили Кресе и Помпей.

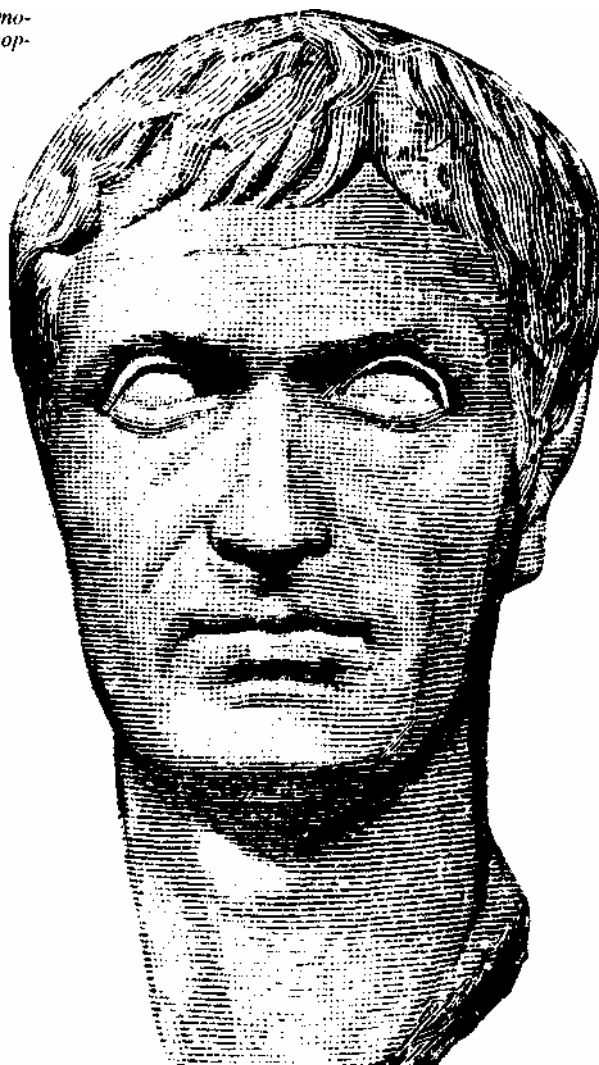
Борьба внутри Рима за богатства империи. Во время восточной войны Помпей в Италии еще раз поднялось сильное народное движение.

Из приобретений Рима за морем сложилась огромная держава, империя. В своих речах перед народом люди, искавшие должностей, постоянно говорили о великих богатствах, которые принадлежат теперь римлянам во всем свете, о "доходных имениях" римского народа. В тяжелые минуты, когда надо было посылать войско на границу, к народу взывали о защите этого достояния. Римские пролетарии, слушавшие эти речи, делали из них свои заключения: то, что принадлежит народу, должно поступить в прямое его распоряжение. Трибун Рулл предлагал соединить добычу, полученную с побежденных, продать казенные угодья и имущества в провинциях и на вырученный капитал приобрести во всех странах, принадлежавших Риму, обширные земли для раздачи неимущим гражданам. Это было повторением плана Гракхов, в еще более широких размерах.

Предложение такой раздачи народу вызвало в Риме большую тревогу. Против него выступили, кроме большей части нобилей, обогащавшихся из добычи, еще откупщики и денежные люди: они должны были в случае продажи казенных имуществ в провинциях потерять все выгоды, которые получали от пользования ими. Расстроить план популяров постарался Цицерон, замечательный оратор в суде и народном собрании. Цицерон был "новый человек", поднявшийся благодаря поддержке откупщиков.

Когда не удалось мирным путем добиться раздачи богатств империи, более решительные народные вожди задумали действовать против своих врагов уже без всякой пощады: перебить видных оптиматов, которые противились переменам, занять главные должности и произвести раздачи народу. Во главе всего дела стоял один из нобилей, Катилина. Он выработал большой план и привлек в свою тайну, или "заговор", множество недовольных лиц всякого звания; в разных частях Италии он стал вербовать вооруженные отряды из среды обедневших крестьян и рабов, убежавших из больших имений. В Риме он рассчитывал на кружки и товарищества, которые собирались перед выборами и в народном собрании отдавали свои голоса тем, кто обещает больше выдач; из этих кружков можно было составить также военные дружины для устрашения сената.

Корнелий Сулла (предположительно). Мраморный бюст

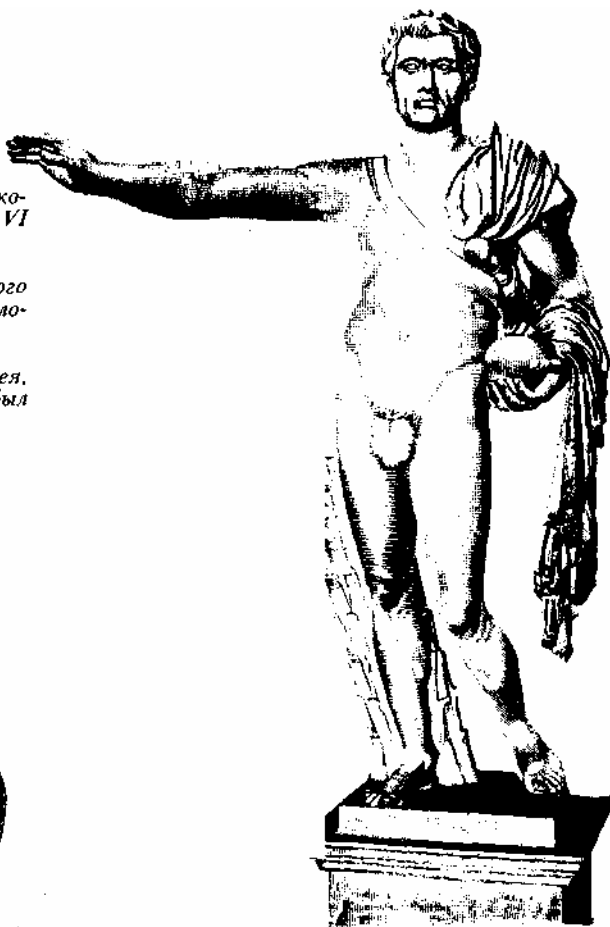

Гладиаторы. Реставрация сцены их боя по античной мозаике

Изображение понтийско-го царя Митридата VI Евпатора на монете

Изображение египетского царя Птолемея VI Филометора на монете

Статуя Гнея Помпея, у подножия которой был убит Юлий Цезарь

Все имущие люди в Риме и Италии были сильно напуганы грозившим переворотом. Но Катилине не удалось, как он рассчитывал, пройти в консулы. Вместо него был выбран Цицерон. Он предложил нобилиям и откупщикам действовать вместе. Цицерону удалось узнать о планах Катилины и заставить его уйти из Рима прежде, чем все было готово для восстания. Сообщников Катилины в Риме Цицерон арестовал и казнил без суда. Против Катилины было послано войско, и лишь с трудом удалось разбить его в сражении, где он и погиб (в 63 г.). В Риме сенат запретил народные кружки и товарищества. Большое движение, волновавшее все римское общество, расстроилось, но у высших слоев остался страх перед народными восстаниями. Они были теперь между двух огней: для подавления восстаний надо было призывать военные силы, а это значило увеличивать власть военных начальников, которых они боялись, в свою очередь.

Помпеи и Цезарь с 60 года. Между тем Помпеи возвращался завоевателем богатого Востока. Ему хотелось остаться постоянным верховным военачальником в Риме. Такого единовластия именно опасалось большинство оптиматов, находившихся в сенате. Но Помпеи, слишком уверенный в своем влиянии, прибыв в Италию, отпустил своих солдат по домам. Тогда в сенате перестали его бояться и отказались дать земли его ветеранам. Помпеи был точно свергнут с привычного высокого положения своего. В это время ему предложил поддержку Юлий Цезарь, один из популяров.

Цезарь был из старинной фамилии, но разошелся с большинством оптиматов. Чтобы привлечь столичную толпу на свою сторону, Цезарь в первой же должности, которую занял, истратил огромные деньги и разорился на устройство больших игр: никто до него не выпускал такого множества гладиаторов. Цезарь знал в свое время о замысле Катилины и готов был поддержать его, рассчитывая в отсутствие Помпея подняться на первое место.

Цезарь заключил теперь с Помпеем тайный уговор взаимной помощи. Цезаря выбрали консулом; он восстановил запрещенные кружки, составил военные отряды из простого народа в Риме и запугал ими сенат. Оптиматы согласились наделить ветеранов Помпея землей; сами Цезарь и Помпеи взяли себе военное начальство на долгий срок и получили, по своему желанию, области для управления. Сенат и народное собрание продолжали собираться; но республика по-настоящему перестала действовать; все

делалось по воле всемогущих правителей. Из народного вождя Цезарь скоро стал таким же крупным владетельным князем, каким был до этого времени на Востоке Помпей.

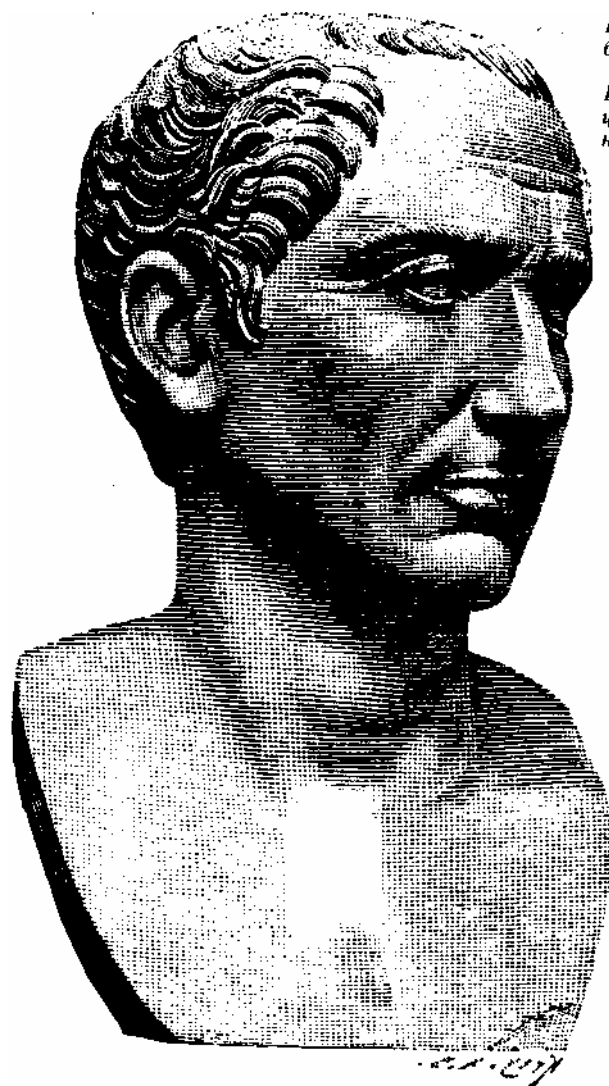
Цезарь получил обширную область *галлов* по обе стороны Альп, доходившую до моря на севере и западе, а на востоке до Рейна. За Альпами только узкая полоса у Средиземного моря принадлежала Риму. Остальная независимая Галлия разделялась на много самостоятельных областей и народов. Везде правили большие роды знатных землевладельцев, у которых были крестьяне в крепостной зависимости; их окружали большие дружины, у иных было до 10.000 слуг. Рабов было много; они ценились так дешево, что человека можно было купить за меру* вина.

* Мера = 26,24 л.

Большой вес среди галлов имели их жрецы, *друиды*; они были свободны от налогов и военной службы и подчинялись выборному верховному жрецу; раз в год в священном месте, в середине Галлии, друиды сходились на общее собрание. Здесь они разбирали судебные споры; ослушников друиды отлучали, запрещая им участие в молитвах и жертвах; отлученного все избегали, как нечестивца. У друидов было тайное учение, которое они передавали в стихах устно, хотя и знали греческую азбуку; в течение долгих лет старшие наставляли в этом учении новообращенных. Многие уезжали учиться в Британию и Ирландию, где более всего хранилась мудрость друидов.

В упорных войнах в течение восьми лет (58–50 гг. до Р. Х.) Цезарь захватил нынешнюю Францию, Бельгию и западную Германию. Римлянам досталась богатая населенная страна. Галлы могли бы задавить римлян числом. Но они были раздроблены; Цезарь подчинял их по частям. Богатых видных людей увлекала служба у римлян. В народе не хватало выдержки; он скоро забывал старину, перенимал чужой язык; через сто лет после завоевания Цезаря знатные галлы готовы были гордиться, что они настоящие римляне. Цезарь стал владеть Галлией как настоящим царством своим; солдаты, прошедшие с ним все походы и трудности, составляли превосходное, преданное ему войско; он мог привести с собой в Италию много галльской подмоги; из галльских сокровищ у него образовалась большая казна.

В это время Помпей оставался без дела в Риме. Большинство нобилей не хотело подчиняться ни ему, ни Цезарю; особенно резко нападал на обоих Катон, человек суровой прямоты и правдивости. Между тем союз двух властителей расшатался. Из вражды к Цезарю Помпей стал искать поддержки сената и выражал сочувствие старому порядку. Когда сенат послал Цезарю требование, чтобы он сложил военное начальство и отказался от своей провинции, Цезарь начал междоусобную войну и повел на Италию свои галльские легионы. Тогда нобили в большинстве, в том числе и Катон, примкнули к Помпею и передали ему главную команду против Цезаря. Но республиканцы вынуждены были бежать на восток, где когда-то полновластно правил Помпей.

Юлий Цезарь. Мраморный бюст

Изображение сирийского царя Антиоха IV Епифана на монете

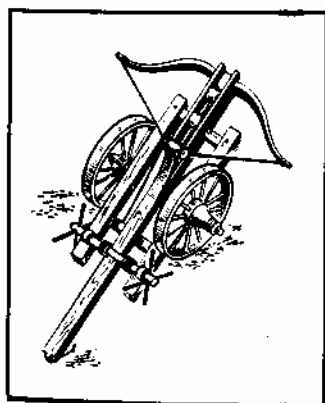

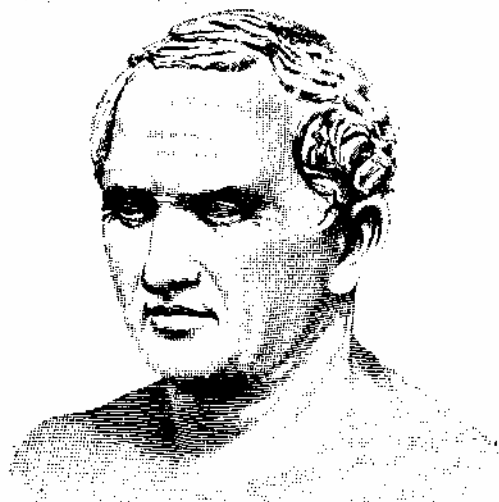
Марк Антоний. Античный
мраморный бюст

Римский меняла за своим
столом

Римская военная
метательная машина
скортион.
I—II века н. э.

Марк Туллий Цицерон.
Античный мраморный
бюст

Единовластие Цезаря 45 г. Цезарь не скрывал своего намерения уничтожить старый порядок. Он захватил в Риме казну; когда один трибун попробовал заступить ему дорогу в храм на Капитолии, где лежала казна, Цезарь погрозил ему смертью, хотя, по старому закону, трибун считался неприкосновенным.

Четыре года длилась война между Цезарем и его противниками. Сначала республиканцы под начальством Помпея были разгромлены при *Фарсале* в северной Греции; сам Помпей бежал в Египет к царю Птолемею, но был убит, не успев ступить на берег. Тогда помпейцы и республиканцы, между последними Катон, собрались в Африке; они были вновь разбиты Цезарем, и Катон, считая дело республики погибшим, пронзил себя мечом. Еще в последний раз собрались противники Цезаря в Испании. Но Цезарь везде брал верх. Однако, чем больше требовалось усилий в борьбе, тем больше он давал обещаний своим солдатам. Почти каждый поход начинался с большого восстания солдат; они отказывались от службы, вызывали императора на свое собрание и ставили ему свои требования относительно награды деньгами и землей.

Цезарь в своем торжестве показал себя лучше Суллы; он не мстил своим врагам опалами и старался даже привлечь многих из них, напр. Цицерона, на свою сторону. Но люди независимые не хотели перед ним унижаться: они стояли за старую республику. Для нобилей республика значила, чтобы никто из них не поднимался над другими. Между ними были сильные характеры: такие люди, как Катон, говорили, что величайшие сокровища человека – простота жизни и спокойный дух; если нет сил бороться против

того, что считаешь несправедливым, долг человека – отнять самому у себя жизнь. Очень многие нобили переходили, однако, к Цезарю; они становились как бы его придворными и принимали должности по его назначению вместо того, чтобы ждать народного выбора.

Вернувшись после всех побед в Рим, Цезарь награждал своих солдат: каждый из них получил около 2 ¹/₂ тысячи рублей на наши деньги, офицеры втрое больше. Затем, как Сулла, Цезарь был признан диктатором без срока. Он мог объявлять войну и заключать мир, назначать на все должности, издавать приказы, распоряжаться провинциями, т. е. все, что прежде решали сенат и народ, перешло в его руки. В знак величия Цезарь стал постоянно выходить в триумфальном плаще и венке. Его признали полубогом, и в честь его был построен храм. Цезарь нарочно принизил сенат, он посадил туда неразвитых галльских офицеров и только, когда ему нравилось, спрашивал сенат о мнении. Населению Рима он опять дал огромные увлекательные игры, и каждый гражданин получил от него большой денежный подарок. В Италии пока молчали, но все ожидали со страхом, что Цезарь отнимет у крестьян и землевладельцев земли для своих солдат.

Цезарь хотел еще большего – установления царской власти. Он готовил поход за Евфрат, против парфян, опасных соседей новых римских владений, и хотел связать с войной провозглашение себя царем*. Тогда между нобилиями составилась заговор, чтобы его убить. Во главе их были прежние сторонники Помпея, Брут и Кассий. Заговорщики окружили Цезаря в заседании сената и закололи его кинжалами (в 44 г. до Р. Х.). Но им не удалось восстановить прежние порядки в Риме.

* Слухи о намерении Цезаря провозгласить себя царем распространяли в Риме его противники. Вспомнили о предсказаниях, что парфян победить может только царь. К тому же Марк Антоний попытался возложить на Цезаря царскую Диадему, что вызвало возмущение римлян и как бы подтвердило молву.

В городе находилось много ветеранов Цезаря, которые ожидали наделения землею и в смерти своего вождя видели крушение всех своих надежд и расчетов. От их раздражения республиканцы, убившие Цезаря, бежали на восток. Цезаревых солдат старался привлечь на свою сторону Антоний, ближайший помощник диктатора. Но больше успеха имел 18-летний Октавиан, усыновленный Цезарем его племянник. Старый Цицерон поверил обещаниям Октавиана защищать республику против Антония. Солдаты, однако, не хотели войны между двумя наследниками Цезаря; они заставили Антония и Октавиана помириться и вместе идти на Рим мстить врагам погибшего диктатора. Повторилось все, что было во времена Суллы: два императора составили опальные списки и в числе первых отрубили голову у Цицерона. Они ограбили богатых людей в Риме, взяли добычу с городов Италии и на эти средства повели войну с Брутом и Кассием, укрепившимися в Македонии.

Наследники Цезаря взяли верх, и Кассий с Брутом пронзили себя мечами, как Катон. Их имена стали нарицательными, для обозначения последних республиканцев. В свою очередь имя Цезаря (по греческому произношению – Кесаря) стало нарицательным для позднейших властителей; это был титул, который они принимали. Наследники Цезаря объявили его богом; на месте сожжения его праха был поставлен алтарь, который признали, наравне с храмами богов, убежищем для преступников и беглых рабов. Для служения новому богу были приставлены новые жрецы. По всей Италии у владельцев были отобраны земли для раздачи ветеранам Цезаря и солдатам новых властителей.

Республика не могла удержаться в Риме. Всякий новый военный вождь стал бы поступать так же, как Сулла и Цезарь. Все дело было только в том, кто именно из военных вождей сумеет удержаться выше других.

Х. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ.

30 г. до Р. Х. – 200 г. по Р. Х.

Новое устройство. Принцепс и сенат. Антоний и Октавиан разделили между собою империю: первый взял себе восточные провинции, женился на египетской царице Клеопатре и стал жить в Александрии, второй остался в Риме. Между ними никогда не было дружбы, каждый из них искал единовластия. Октавиан, более предусмотрительный, заставил сенат объявить Антония врагом отечества, разбил флот Антония у берегов Греции и последовал за ним в Египет. Антоний и Клеопатра покончили самоубийством, а царство Птолемея в 30 г. до Р. Х. было присоединено к римской империи.

Октавиан достиг той же цели, что и Цезарь. Он казался менее даровитым, был невзрачен, застенчив, скрытен, у него не было военного таланта, как у Цезаря. Ему много помогло само положение дел.

Долгая война во всех областях кругом Средиземного моря утомила большинство людей: очень многие искали покоя и теснились к сильному человеку, надеясь на его охрану. Так, примкнул к Октавиану поэт Гораций, который бился в последний раз за республику под начальством Брута и Кассия. В одном стихотворении Гораций вспоминал потом, что "нехорошо бросил свой щит", т. е. бежал с поля битвы; но он горячо советовал своим друзьям покинуть войну и участие в смутах, чтобы уйти от всех опасностей. Вместе с тем в борьбе погибли по большей части независимые гордые нобили, которые не хотели видеть никакого господина над собой. Жители провинций привыкли подчиняться Риму; им было все равно, пришлет ли им начальника римский сенат или военный правитель из Рима. Население самого Рима мирилось с тем властителем, который готов был больше всех дарить ему.

Но Октавиан добился власти также своим терпением и искусством. Он не принимал названия диктатора, которое напоминало торжество Суллы и Цезаря; он не хотел ни в титуле, ни в обстановке ничего такого, что было бы похоже на царя, чтобы не раздражать старых привычек и понятий римлян. Между прочим он принял звание трибуна. В то же время Октавиан постоянно повторял, что его главная забота – восстановить в Риме старинный порядок. Он старался окружить себя остатками старинных аристократических фамилий. В его дворце был хорошо принят историк Тит Ливий, который в огромном сочинении своем возвеличил республику, изобразив возвышенным ораторским слогом ее судьбу от древнейших времен.

Октавиан назвался *принцепсом*, т. е. первым человеком в государстве. Это значило, что он как бы считается уполномоченным на свою власть от народа. Он решил не пугать население Италии военными силами: солдат увели и расставили по границам. Наконец Октавиан поделился со старыми господами, нобилими. В важных случаях принцепс советовался с сенатом, как раньше это делали консулы.

Было положено, что по-прежнему сенат будет распоряжаться старинными провинциями: сенат будет посылать туда наместников из своей среды. Области вновь присоединенные, пограничные остались за Октавианом: Галлия, бывшее владение Цезаря, и богатый Египет, который захватил сам Октавиан. В этих областях стояли все римские войска, около 250.000, чтобы держать в повиновении недавно покоренных жителей и оберегать границу. Войска были подчинены Октавиану, солдаты приносили присягу только ему. Старое название военного *императора* он присвоил себе одному; оно означало теперь власть верховного главнокомандующего. Императором звали его в провинциях. В свои области Октавиан посылал для управления своих офицеров и приказчиков.

Принцепс и народ. Народ перестали созывать на собрания. Однако новый правитель должен был также угождать столичному населению, как раньше это делали народные вожди или сенат. Он только принял один на свой счет все траты, как прежде делались в пользу народа разными лицами. Принцепс взял на себя прокормление столичных пролетариев хлебом: его чиновники заготовляли, привозили морем нужное количество зерна, складывали его в огромные магазины, которые занимали целый городской округ против гавани, и производили выдачу.

Принцепс же взял на себя устройство развлечений, которых народ настойчиво требовал. Это были разнообразные игры и зрелища в праздничные дни. Число праздников было очень велико и доходило до трети, а потом даже до половины всех дней в году. По временам в знак особого торжества, например после окончания счастливой войны, народу устраивали непрерывный праздник в течение месяца или даже двух, трех месяцев.

Вкусы римского народа были гораздо грубее, чем у греков. В театрах не слушали музыки, чтения стихов и речей. Пьесы были невысокого сорта; более всего любили *пантомимы*, т. е. представления без речей, балет и феерии. Но особенно были в ходу состязания в беге колесниц и разные кровавые бои.

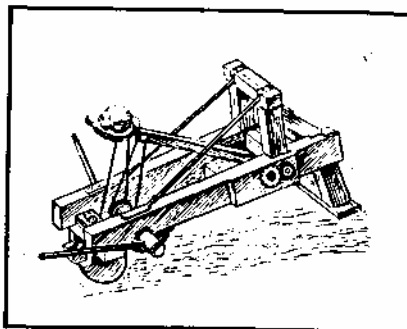
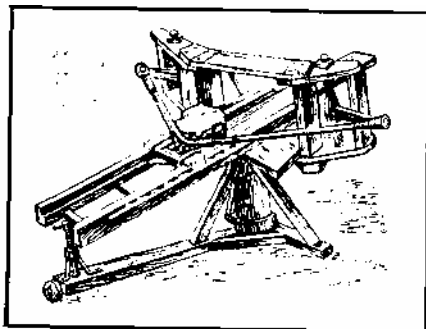
Первые происходили в цирках, вторые – в амфитеатрах. Те и другие помещения были очень велики размерами. Огромный амфитеатр, называемый Колизеем, наполовину сохранившийся до нашего времени, мог вместить двести тысяч человек. Но все-таки, чтобы занять места, толпа собиралась часто накануне представления и ждала всю ночь.

Представление начиналось с торжественного обряда. Длинная процессия спускалась с Капитолия и через форум проезжала в ворота цирка. Впереди ехал сановник, открывавший игры; на разукрашенных колесницах, запряженных иногда слонами, везли изображения богов и обоготворенных цезарей, кругом шли жрецы. В цирке на почетных местах садился принцепс со свитой и сенаторы. Это был случай парадной всенародной встречи принцепса.

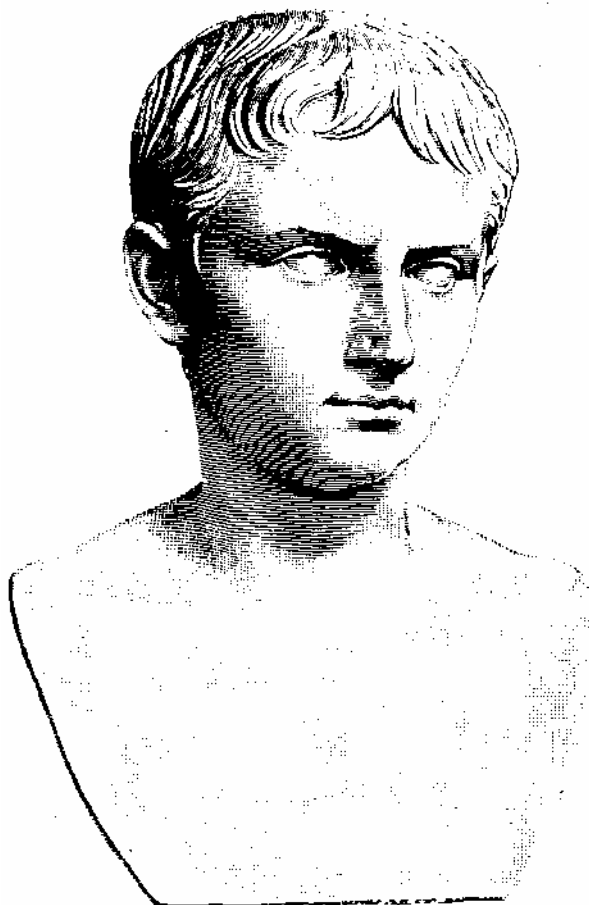
Народ приветствовал его кликами. Но народ иногда выражал ему также свое раздражение, громко жаловался на какое-нибудь притеснение. Принцепс узнавал в цирке настроение народа и, если нужно было, спешил его успокоить. Цирк как будто заменил народные собрания, которые перестали созывать. Принцепс и народ вместе распоряжались в цирке: принцепс давал приказ к началу игр, к различным сменам и действиям; народ разделялся на партии, выражал громко свое сочувствие любимцам между возницами и гладиаторами. В цирке кучера делились по цветам костюма на красных, белых, зеленых и синих. Зрители, вплоть до самого принцепса, выбирали себе также цвета, шумели, волновались, держали пари за кучеров и лошадей, горячо приветствовали одних, посылали проклятия другим; многие задолго спрашивали у предсказателей об исходе игр.

Особенностью Рима были гладиаторские бои. Они произошли от старинных человеческих жертв при поминании умерших вождей: на могиле убивали пленных и рабов или заставляли их биться парами между собою. Позднее эти бои стали повторять в разные праздники и все увеличивали число выпускаемых пар. Цезарь поразил народ, выпустив более 600 гладиаторов. Потом их число доходило иногда до 10.000. Между гладиаторами были осужденные преступники; иных отпускали на свободу после нескольких лет, проведенных в боях. Большую часть обучали в особых школах.

Их выпускали в странном вооружении: то в слепых шлемах, закрывавших глаза; то, например, против бойца в полном вооружении выходил другой, совершенно обнаженный с одним трезубцем в руке, но зато с большою сетью, которую он старался набросить на противника, чтобы запутать его. Сбросив противника на землю, гладиатор-победитель ставил на него ногу и обращался к зрителям: если они махали платками, это означало пощадку сброшенному; если зрители опускали большой палец книзу, гладиатор на месте убивал противника.

Римские военные металлические машины катапульты и баллиста. I—II века н. э.

Юный Октавиан. Мраморный бюст

Торжество Августа. Гемма из оникса
На троне сидит богиня — покровительница города Рима и императора Августа. Позади их группа олицетворений его счастливого правления. Над ними в кругу знак Козерога, под которым император родился. С триумфальной колесницы, которой правит богиня Победы, сходит пасынок императора Тиберий, чтобы доложить об усмирении восстания паннонских и иллирийских племен. Около колесницы стоит Германик. На нижнем фризе legionеры воздвигают столб с трофеями в знак победы над опечаленной Паннонией и связанным Дунаем. Союзники римлян тащат к этому столбу за волосы пленных

Август.
Триумфальная статуя

Принцепсы, преемники Октавиана, придумывали все новые и новые виды развлечений для народа: привозили в огромном количестве диких и невиданных зверей и птиц: львы, тигры, слоны, носороги, крокодилы, жирафы, страусы появлялись в амфитеатрах; их держали в клетках нижнего этажа и сразу в большом количестве выпускали в середину, на арену. Против них выходили охотники с оружием, или им отдавали на съедение пленных и осужденных: амфитеатр был местом публичной казни.

Или из-под земли поднимались внезапно тропические леса, и в них выпускали оленей, кабанов, антилоп; на ветвях появлялись птицы, и народу позволяли за ними охотиться; каналы вдоль арены наполнялись водой, и в них плавали дрессированные рыбы. Иногда зрелище принимало неслыханные размеры: вся арена обращалась в глубокое озеро; в нее вводили настоящие морские корабли с экипажем обученных рабов и устраивали полную морскую битву с крушением судов и гибелью людей.

В дни праздников и представлений народ как бы считался гостем принцепса. Однажды 5000 рабов с зажженными факелами провожали зрителей по домам. За зрелищем следовало какое-нибудь угощение, подарки: то на арену выкладывали куски мяса, то сверху на толпу сыпались тучи птиц, африканских кур, египетских уток и т. д., то в середину бросали огромный гардероб плащей. Так как в толкотне и драке, которая неизбежно поднималась, вещи рвались на части, то придумали бросать в толпу значки, деревянные шарики. По таким билетикам можно было потом получить мясо, хлеб, одежду, золото,

жемчуг, ценные камни, картины, рабов, домашних животных, ручных тигров и львов и даже корабли, дома и земли.

Принцепс помимо того раздавал много деньгами. Октавиан много раз дарил сотням тысяч римлян по 100, 200, 300 рублей на наши деньги. Всего он выдал народу на сумму около 2¹/₂ миллиарда.

Поклонение императору. Когда установили новый порядок, Октавиан принял и новый титул Августа, т. е. священного. Этот титул обратился в его имя: правитель точно поднялся над всеми как высшее существо. Его окружало множество людей, обязанных ему. Поэт Вергилий*, дважды изгнанный со своего поместья страшными солдатами, был спасен Августом и получил у него приют. Он восторженно приветствовал обоготворенного Цезаря и самого Августа.

* Вергилий.

Вергилий написал большую поэму, *Энеиду*, в подражание Гомеру; ее содержание – судьба троянского героя Энея, уцелевшего от пожара и гибели разрушенной греками Трои; после многих странствований Эней добирается до Италии и становится со своими троянцами родоначальником римского народа; боги пророчат ему великое будущее римлян. Поэма Вергилия прославляла вместе с Римом и последних двух великих императоров, так как Эней считался прямым предком Юлия Цезаря и Августа.

У Вергилия Эней представлен благочестивым героем: он все делает так, как укажут боги: оттого везде ему удача. Во времена смут старая вера была сильно потрясена. Многие, покинув обряды, говорили, что и жрецы не могут без смеха смотреть друг на друга. Иные представляли себе, что в мире нет богов; собственной силой, никем не управляемый, живет и движется он. Сам Юлий Цезарь был в числе неверующих. Разорения и несчастья смутной поры иначе настроили людей: многие стали искать утешения в богомольях, обращаться к предсказателям, отыскивать старые святыни. Вергилий разделял эти чувства: его герой как будто должен был напомнить римлянам, что все величие Рима создали боги. Август хотел поддержать это настроение и показать, что и он везде и всегда заодно с богами. Он принял звание верховного жреца и получил силу устанавливать обряды.

В Риме на каждом перекрестке стояли алтари богов-охранителей околотка, *ларов*; время от времени около них народ собирался на праздник, украшал площадку и алтарь цветами и зеленью, водил хороводы. Август предписал, чтобы в молитвах призывали, вместе с ларами, "гения" императора, т. е. его духа-покровителя.

Было положено молиться этому гению Августа вместе с богиней Ромой (т. е. богиней города Рима) во всех провинциях. Каждая область, каждый подчиненный народ мог соединить Августа и Рому со своими богами и чтить их на своем языке по своим особым обрядам. Смысл этого подчинения был тот, что все выражали покорность Риму и его правителю: от Ромы и Августа все должны были ждать и всяких благ. В каждой области выбирали несколько жрецов обрядов и для устройства игр в честь этих богов: ко времени праздника сходились выборные из разных местностей в главный город провинции; они составляли приветствие императору и могли также выразить ему свои желания или принести ему жалобу на наместника области. Очень скоро в провинциях гения императора смешали с самим императором: это произошло тем легче, что статуе гения придавали черты самого правителя. Императора самого стали чтить как бога.

Римская империя. Под управлением римлян было теперь государство величиной почти с половину Европы, с населением около 60 миллионов жителей.

В его состав входили нынешние: Испания и Португалия, Франция и Бельгия (то и другое называлось вместе Галлия), Англия (называвшаяся Британией и захваченная римлянами 80 лет спустя после Августа), Италия, Швейцария, южная часть Австро-Венгрии*, весь Балканский полуостров, большая часть нынешней Азиатской Турции (кроме земель за Евфратом), Египет и вся береговая полоса северной Африки, кончая Марокко (у римлян Мавритания).

* Австро-Венгрия (распалась в 1918 г.) объединяла, помимо Австрии и Венгрии, Хорватию, Словению, Чехию, Словакию, Моравию, Галицию и другие земли.

Общего между землями, входившими в состав империи, и было всего только одно военное начальство и управление Рима. Они были населены по крайней мере двенадцатью большими народами:

кроме итальянцев, которые образовались из соединения римлян и прежних союзников, в империю входили греки, иллирийцы (между Адриатическим морем и Дунаем), африканцы (бывшие карфагеняне), евреи, галлы, испанцы и др. Большинство сохраняло свой прежний язык, веру, обычаи. Только менее образованные испанцы и галлы на западе принимали быстро язык римлян и становились народами *романскими* (от Рома, романи). Римская империя заключала в себе большую часть известных в то время стран: на север от нее были глухие леса варваров, на запад – океан, за которым дальше ничего не знали, на юг – бесконечные пески Сахары.

Римлянам казалось теперь, что они родились для того, чтобы покорить весь свет и всем поставить порядки и законы. У Горация говорится, что римское оружие "дошло до последних пределов мира, где на одном конце вырывается полуденный огонь из жерла, а на другом стоит вечный туман и дождь". На монетах римских ставились надписи: "вечный Рим". Римляне гордились тем, что, покорив всех, они истребили войну, дали всем прочный мир, "римский мир".

По Средиземному морю во всех направлениях спокойно проезжало множество купеческих кораблей. Прилегающие страны обменивались своими произведениями: Испания давала металлическую руду, Азия – шерсть, Африка и Египет – хлеб. Из греческих ремесленных городов везли в Рим посуду, тонкие изделия, предметы роскоши. В самом Риме готовилось немного фабричных вещей; гораздо более покупали чужого. Римляне набрали много добычи во время своих войн; в столицу стекались подати и взносы подчиненных народов; из всех этих огромных сумм, скопившихся в Риме, римляне теперь и платили за привоз. Ежегодно более ста кораблей выезжали Красным морем в Индию за пряностями и слоновою костью для Рима; греческие моряки заметили ветры-муссоны Индийского океана и направляли по ним поездки туда и назад. На востоке главным торговым городом осталась Александрия. На западе поднялся восстановленный при Юлии Цезаре Карфаген. В Галлии римляне расширили до крупных размеров город *Лион* (по-латыни Лугдун).

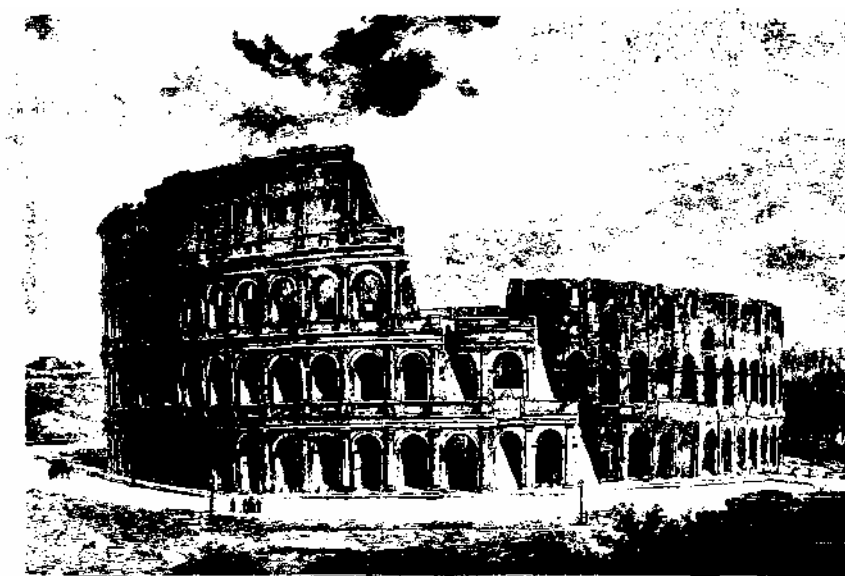
В середине каждой захваченной области римляне выстраивали город; этот город был рынком для окрестных жителей, местом, где находился суд для них и куда они доставляли подать. Областной город был малым повторением Рима; в нем был сенат из именитых людей, владевших поместьями под городом; ежегодно выбирались два городские головы, подобные римским консулам. В крупном городе были возведены цирк, амфитеатр, обширные помещения для школы, для декламаций перед публикой, был устроен водопровод с обычным для римлян искусством в таких сооружениях.

На постройки и игры тратились из своих средств богатые люди, которые хотели быть выбранными в городские головы; они повторяли то, что в Риме для столичной толпы делал принцепс. Перед выборами богатые люди, добивавшиеся почета, давали наперерыв обещания; между горожанами шли шумные споры, составлялись кружки, чтобы выбрать то или другое лицо, вывешивались афиши с их именами и различными призывами.

Богатый человек нередко оставлял большую сумму на устройство общественной библиотеки в городе. Греческие и латинские книги заносились в далекие концы империи. На некоторые сочинения был очень большой спрос. Издатель таких книг набирал много обученных рабов-переписчиков; они сидели в больших залах и быстро писали под диктовку раба-чтеца, громко читавшего рукопись. Так сочинение сразу приготавливалось в десятках экземпляров. Свиток, на котором написана была книга, вкладывался в футляр из белой тонкой кожи (пергамент), и на нем выставлялось заглавие книги.

Императоры после Августа. Порядок, установленный Августом, держался около 300 лет. Хотя Август (умер 77 лет в 14 г. после Р. Х.*) и назывался императором, т. е. высшим военным начальником, но не появлялся на границе во главе своих войск; войны вели его генералы. Так же поступали по большей части и его преемники. Они жили блестящим двором в Риме и итальянских загородных дачах. Но войско помнило, что оно посадило императора в Риме. Каким бы способом ни досталась власть новому императору, по наследству от отца, по желанию ли сената, он не мог удержаться без одобрения войска.

* Август умер в возрасте 76 лет.

Римский Колизей. Современное состояние. С фотографии

Тит. Мраморная статуя

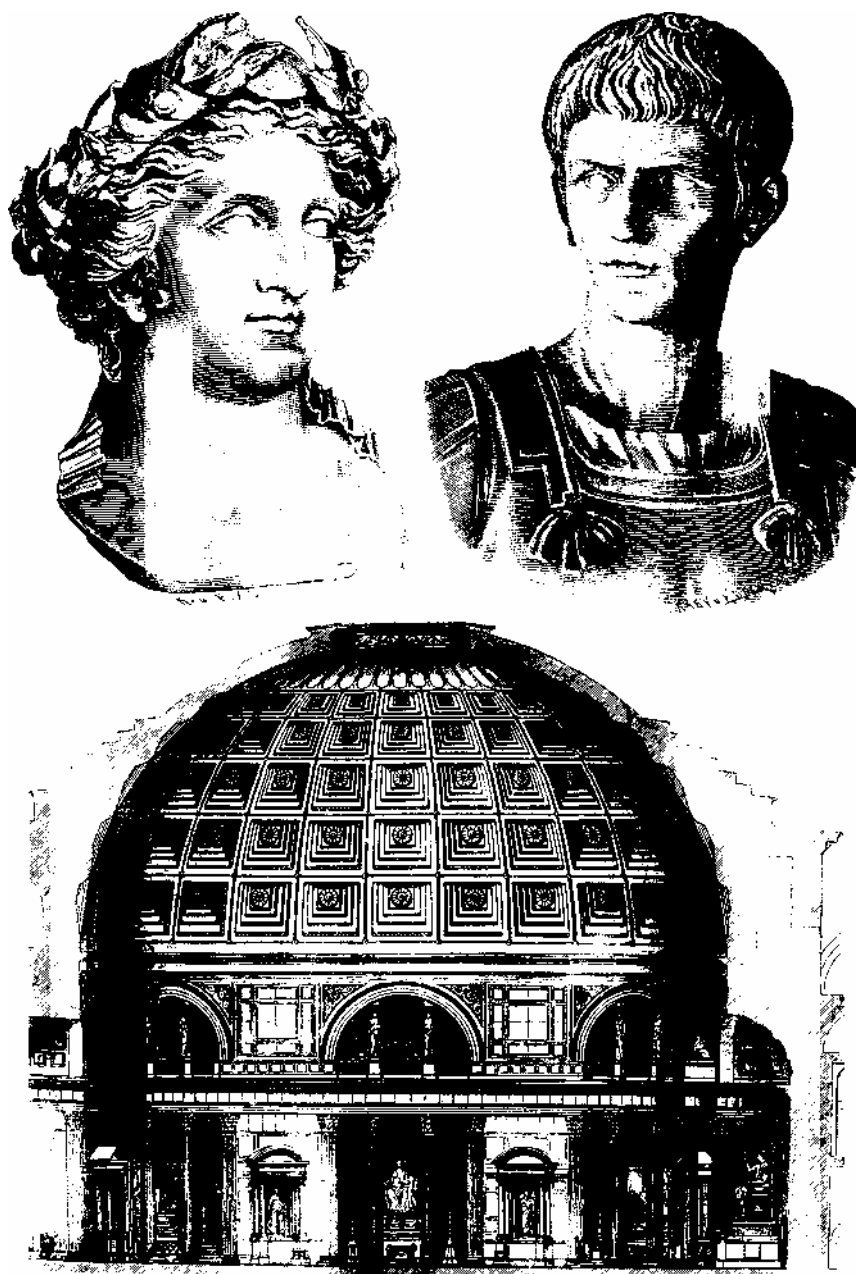
Нерон. Античный мраморный бюст

Калигула. Бронзовый бюст

Внутренний вид и разрез римского Пантеона в его нынешнем состоянии

Веспасиан. Античный мраморный бюст

После Августа нескольких императоров провозглашала гвардия, стоявшая в казармах Рима для охраны властителя от республиканцев. Но легионы на границе возмутились против последнего императора из семьи Августа–Нерона (более 50 лет после смерти Августа).

Нерон раздражил против себя всех: он принимал от рабов доносы на видных сенаторов, казнил их и отбирал имения; так он захватил половину провинции Африки, принадлежавшую шести крупным владельцам. Расплодилось много доносчиков всякого звания, которые наживались насчет опальных, как при Сулле. Безумные деньги бросал Нерон на различные затеи свои, на постройку "золотого дома" в Риме, на пиры и забавы. В Риме говорили, что это уже не правление "первого человека", какое хотел установить Август, а каприз и насилие деспота. Между нобилями стали вспоминать опять Катона, Брута и Кассия. Нерон поднял против себя и народ в Риме: при нем хлеб подвозили неправильно, зерно вздорожало и столице грозил голод. Рассказывали, что в то время как народ в беспокойстве ожидал, не подъезжают ли спасительные суда с зерном из Египта, на взморье появился действительно корабль из Александрии; но он вез тонкий нильский песок для театральной арены по заказу Нерона. Однако Нерон все еще держался, пока войска не объявили себя против него.

Легионы, стоявшие в разных провинциях, выбрали одновременно императорами своих начальников и двинулись к Риму; Нерон покончил с собою. Между избранниками легионов спор был решен силой,

как в первый раз между Помпеем и Цезарем. Перевес остался за начальником сирийского войска Веспасианом, который был в это время занят подавлением великого иудейского восстания (в 70 году после Р. Х.).

Иудея под властью Рима. Большинство евреев жило в чужих странах: на Евфрате, в Египте, в Малой Азии, в самом Риме. Среди этих "иудеев рассеяния" было много писателей и проповедников, которые распространяли ветхозаветное учение между греками и другими народами; живя в среде иноплеменников, они привыкли относиться к ним мягче. Гораздо более замкнуты и упорны в старине были иудеи, оставшиеся на родине. С тех пор как они должны были подчиниться Помпею, который к ужасу верующих вошел в Святое святых иерусалимского храма*, началась вражда их с римлянами.

* Святое святых – внутренняя часть иерусалимского храма.

Римляне оставили сначала управление Палестиной местным царям; таков был Ирод (Герод) из племени идумеев, современник Антония и Октавиана, который оттеснил царя-первосвященника, потомка Маккавеев. Большой сторонник римлян, Ирод хотел обратить Иерусалим в настоящий западный город с играми, театром, греческими постройками. Около времени Рождества Христова римляне начали посылать в Палестину наместников; таков был известный из Евангелий Понтий Пилат. Поборы римских откупщиков тяжело разоряли страну. Множество людей попали в долги; по народным понятиям того времени, несчастливейший человек – должник, отводимый в тюрьму. Ненавистны стали народу те единоплеменники, которые шли на службу к римлянам и брали на себя сбор податей. Эта беда для народа связывалась с оскорблением его веры. Римляне затрагивали ее всеми своими действиями.

Римский наместник решил произвести народную перепись в стране, чтобы положить поголовную подать: еврейские книжники объявили, что исчисление народа противно закону Моисееву и вызовет великую кару Божию, чуму. Римляне хотели собирать подать с земли; но, по еврейским понятиям, такой сбор можно было взимать только в пользу храма. У каждого моста и разъезда, где сидел римский мытарь*, поднимался спор, а по временам в Палестине вспыхивали кровавые восстания. Римляне поставили в Иерусалиме свой гарнизон и вместе с ним хотели поместить у ворот храма свой герб – изображение орла; но, в глазах евреев, это было оскорблением священного города и священного места.

* Мытари – сборщики пошлины для откупщиков, покупавших за определенную плату право собирать подати в какой-либо римской провинции.

Пилат, вступая в свою должность, решил насильно ввести в Иерусалиме римские военные значки с серебряными изображениями императора. Ночью он велел поставить их близ храма. Утром поднялось страшное волнение. Множество народа сошлось из деревень. Раввины стали обсуждать, что делать. Наконец толпа пошла к наместнику в приморский город за несколько десятков верст. Пять суток она стояла перед домом Пилата и шумно требовала удаления римского герба от храма. Пилат велел евреям идти в цирк будто бы для того, чтобы говорить с ними; здесь он оцепил толпу солдатами и велел обнажить оружие. Тогда евреи бросились на землю и открыли свои шеи, как для казни: они объявили, что лучше им умереть, чем допустить нарушение закона. Пилат в замешательстве должен был уступить. Римлян поражало упорство, с каким евреи сопротивлялись всему чужому: они говорили, что у этого народа ненависть ко всему роду человеческого.

Чем тяжелее становилась участь евреев, тем больше росла у них вера, что явится чудесное избавление. Пророчества говорили о Мессии*. В народе представляли себе Мессию великим земным царем, подобным Давиду, и верили, что Он даст торжество евреям во всем свете.

* Мессия – помазанник Божий, по-гречески – Христос.

Богатые семьи, из которых выбирали первосвященников, держались в стороне от этой веры; но она была распространена между людьми среднего достатка и бедными, и ее разделяли многие простые священники и книжники; они учили, что спасение придет, если все будут строго выполнять обряды и Моисеев закон, вся забота должна быть в том, чтобы соблюдать чистоту старинного обычая и чуждаться иностранцев, их звали *фарисеями*, т. е. отделившимися. Фарисеи не приняли Христова учения о любви и прощении. На их вопрос, надо ли платить римлянам подать, Христос ответил:

"Отдайте Богу Божье, а Кесарю Кесарево". Эти слова возбудили в них гнев, потому что они постоянно выражали ненависть к Риму.

Фарисеи ожидали мирного наступления великой спасительной поры в награду за несказанные страдания и стойкость народа. Гораздо дальше их шли *ревнител*и, готовые искоренить все чуждое. Они учили признавать главою земли лишь Бога и отречься от всякого правителя, не бояться смерти, убивать всех противников, если дело идет о свободе страны; они одушевляли себя картинами злой гибели нечестивых чужестранцев.

Падение Иерусалима в 70 г. по Р. Х. Чем дальше, тем более ревнител

и брали верх над умеренными. Около тридцати лет спустя после проповеди Христовой в конце правления Нерона во всей почти Палестине поднялось восстание против Рима. Римские отряды, стоявшие в стране, были разбиты, и пришлось отправить сильное войско для усмирения мятежа. Иудейские ревнител

и не сдавались, а шли отчаянно на смерть. В ожесточении они избивали не только врагов, но и своих, кто стоял за мир. Наместник Сирии Веспасиан занял уже Галилею, когда легионы провозгласили его императором. Он поспешил в Рим и предоставил осаду Иерусалима своему сыну Титу. Мятежники заперлись в городе, где собралось множество евреев на празднование Пасхи. Три месяца бились под его крепкими стенами; раздраженные римляне распинали ежедневно по несколько тысяч пленных. Когда они ворвались в город, восставшие бросились защищаться в храме, который считался несокрушимым. Наконец и храм был подожжен; но кучка погибающих, стоя на краю его, все еще глядела вверх, ожидая, что в последнюю минуту совершится чудо и с неба придет спасительная весть о Мессии.

Римляне сурово наказали восставших; огромное количество евреев было продано в рабство и выселено из страны. Храм и почти весь Иерусалим были срыты до основания.

Борьба с варварами. Северная граница Римской империи была также границей образованных народов. В настоящее время дикие и малоразвитые племена живут далеко от образованных европейцев: европейцы не боятся их у себя дома и везут в их страны свой товар, иногда совершают за морем завоевания. Две тысячи лет тому назад отношение между образованными и дикими народами было почти обратное. Диких было очень много в самой Европе: они занимали середину, север и восток, около $\frac{4}{5}$ материка. Они стояли у самого порога образованного мира: время от времени какая-нибудь орда вторгалась в обработанные страны юга и страшно опустошала их. Так обрушились на Италию и берега Средиземного моря кимвры и тевтоны.

В самих пограничных горах гнездились разбойничьи народцы; римляне долго не могли пользоваться альпийскими проходами для сообщения между Италией и южной Галлией. Альпийские горцы бросались на проезжавших, скатывали с высот громадные обломки на проходившие римские войска, однажды ограбили целый обоз с серебром, предназначавшийся для императора. Римляне стали прямо истреблять эти горные гнезда. Целый народец в 45 000 человек был продан в рабство с условием, чтобы покупатели увели их в далекие места и не освобождали ранее, чем через 20 лет.

Германцы. Когда римляне перешагнули Альпы и завладели Галлией и Иллирией (нынешние: Далмация, Босния, Сербия и юго-западная часть Австрии), они встретились с многочисленными племенами; между ними главные были *германцы*. В первый раз увидели римляне германцев на своей земле во времена Мария. Потом Цезарь бился с германцами, приходившими из-за Рейна грабить Галлию.

Германцы были в то время дикарями вроде нынешних средне-африканских. Они едва умели взрыхлять землю и питались больше дичью, рыбой, яйцами диких птиц, молоком своих стад; мясо они нередко ели в сыром виде, потому что в лесу трудно было развести огонь. Из-за соляных источников у них обыкновенно шла ожесточенная борьба. Соль добывали самым грубым способом: над огнем косо ставили древесные стволы и на них сливали соляную воду: оседавшую на дереве соль соскабливали с углем и золой и примешивали в еду.

Германцы жили в землянках, которые накрывали сверху для тепла навозом, или строили жалкие избушки, которые были так легки, что их можно было возить за собой в поход. Правильной работы германцы не знали. Самые крепкие и молодые уходили от нее и искали пропитания войной и разбоем. В одном племени половина мужчин уходила ежегодно на войну, а оставшиеся дома кормили свои и чужие семьи; на следующий год уходила другая половина, а первая оставалась. В другом племени были люди,

которые только и знали военное ремесло и не имели ни земли, ни дома, ни семьи; когда войны не было, они ходили из дома в дом и кормились, чем угостят.

Страна германцев (нынешние: Германия, северная Австрия, Польша, Швейцария, Голландия, Бельгия, Дания и юг Швеции) была покрыта лесом и болотами. Огромные густые боры тянулись на сотни верст: Герцинский лес начинался от Рейна и расстилался на восток, имея 6 дней пути в ширину (150 верст) и 2 месяца в длину (1500 верст). У германцев с восточной стороны было много простору, но на западе они дошли до границы оседлого населения, галлов и римлян. Поэтому они здесь стеснились в большем числе и должны были поневоле больше заняться обработкой земли.

Но земледелие их долго оставалось очень жалким. Силач-воин лежал целый день лениво на медвежьей шкуре и посылал на поле женщин, стариков, рабов. Для начала выжигали лес и получали удобрение от пепла. Деревянный плуг едва поднимал верхний слой земли. Первоначально сеяли только яровые хлеба, овес и ячмень; позднее появилась рожь. Сеяли подряд одну и ту же породу хлеба без унавоживания; когда почва истощалась, старое поле бросали или вовсе, или на долгие годы, и оно зарастало опять травой или лесом, обращалось в дикое пастбище. Если вся земля кругом деревни была истощена, всем приходилось покидать свои жилища, передвигаться на новое место и мастерить опять хижины или землянки. Германцы были кочевыми земледельцами.

Целые племена постоянно снимались с места: поднявшиеся теснили соседей, истребляли их, захватывали их запасы, обращали более слабых в своих крепостных. Теснимое племя успевало часто уйти, в свою очередь принималось бродить или резало своих соседей: однажды, например, изрублено было племя в 60000 человек. Иное племя, чтобы оградить себя от таких нападений, оставляло кругом своих поселений во все стороны огромный пустырь. Когда племя захватывало землю, оно, по-настоящему, определяло себе круг для кочевания: если на него нападали с одного конца этого круга, оно забиралось в отдаленный другой угол.

Все свободные должны были владеть оружием. Германское племя было бродячим войском. Все решалось на сходках воинов. Воины выбирали вождя и в знак выбора поднимали его на щит. Свое одобрение они шумно выражали стуком оружия. Вождь выбирался у иных племен только на время похода; это был *герцог*. Другие племена имели обычай выбирать вождей на всю жизнь: это были *конунги*, короли. Обыкновенно конунгом выбирали самого храброго и умного из определенной семьи, которая стала знаменита своими подвигами и выводила себя от богов.

Вождя окружала *дружина* лучше вооруженных воинов, большею частью молодых людей; они набирались из разных племен, иногда являлись издалека, привлеченные славою вождя. У них не было ни двора, ни семьи, они сходились в большом зале у вождя на обед и тут же вместе спали; вождь делил с ними добычу, по-товарищески давал им коней и оружие, а они давали ему клятву безусловной верности, стояли рядом с ним в битве и считали позором вернуться без него домой.

Германцы и римляне. Римлянам нечего было искать в стране этих дикарей. Но германцы представляли отличную военную и рабочую силу, и римляне старались забрать ее себе. Римляне сначала не имели ясного понятия о размерах далекой северной страны. Дикари были сильны, но у них было плохое каменное, костяное, роговое оружие; разве только в переднем ряду стояли воины, вооруженные длинными копьями с бронзовым и железным наконечником: у остальных были стрелы да короткие деревянные дротики, с обожженными на огне остриями. Но в их стране совсем не было дорог; припасов нельзя было достать. Поэтому походы римлян в глубь страны германцев были неудачны. В конце правления Августа три римских легиона, т. е. около 20 000 человек, были окружены германцами в *Тевтобургском бору* за Рейном и изрублены*.

* Это произошло в 9 г. н. э. Германский вождь херусков Арминий заманил римского наместника Квинтилия Вара в болотистый Тевтобургский лес, где его легионы были уничтожены на размокших лесных дорогах.

Римляне очень интересовались германцами. Спустя лет 100 после Августа историк Тацит составил описание быта германцев. Тацит был недоволен своим временем. Его привлекали нравы старинного Рима. Избалованным в довольстве римлянам он старался показать в германцах образец силы; по его изображению, это – народ свежий, полный прямооты и более всего на свете любящий свободу.

Военная граница Рейна и Дуная. После нескольких походов во внутрь Германии римляне решили загородиться от беспокойных соседей. На северной границе вдоль Рейна и Дуная поместили 15 легионов, т.е. более половины всех военных сил империи. У больших переправ при слиянии рек были выстроены крепости. Где не хватало защиты в виде реки или горного хребта, проводили искусственную ограду и вал; по валу на известном расстоянии стояли сторожевые посты и поднимались редуты. В трех местах особенно замечательны римские валы, остатки которых сохранились до нашего времени: в углу между Нижним Дунаем и Черным морем, в углу между Верхним Дунаем и Рейном и на севере нынешней Англии.

На границе были не одни только военные схватки: соседние варвары приходили меняться товарами с римлянами; многие германцы искали заработка, просили земли, поступали к римлянам на службу в войско. Германцы, селившиеся у границы, многому научились у римлян: прививать плодовые деревья, сажать виноградную лозу, удобрять землю, устраивать большие мельницы, печь хлеб, возводить каменные постройки, употреблять в доме столы, скамьи, шкапы.

Римские военные посты на границе превращались в правильные поселения. Из базаров, торговых барачков около лагерей составлялись слободы. Самые лагеря при долгом стоянии войск на одном месте становились городами. До сих пор еще некоторые европейские города носят имя от латинского названия лагеря (например, Честер в Англии – от "кастра"), и в расположении их старинных улиц можно узнать крест лагерных дорог. Некоторые укрепленные пункты обратились в крупные города; большинство их стоит и сейчас: Кельн, Страсбург, Вена, Буда-Пешт**.

* Кастра (от латинского слова castra) – военный лагерь.

** Ныне Будапешт.

Траян, после 100 года по Р. Х. В течение ста лет после Августа римское оружие расширяло империю. Последним римским завоевателем был император Траян (98–117 гг. после Р. Х.).

Между Карпатами и Дунаем в нынешней Румынии и Трансильвании* жил варварский народ *даков*. Даки быстро поднялись и усилились. В их земле были богатые рудники; они торговали с греками; рабочие, вызванные из Римской империи, устроили их вождю, "великому государю", крепости. Даки стали опасны Риму; к ним тянулись многие племена Балканского полуострова, жившие на юг от Дуная.

* С 1918 г. (кроме 1940–1945 гг.) Трансильвания входит в состав Румынии.

Траян приготовил против даков огромные сооружения вдоль Дуная: у Железных ворот, где Дунай пробивается между гор, он выстроил для переправы к дакам каменный мост более версты длиною, остатки которого и сейчас видны. Римляне повели против даков истребительную войну: тех, кто оставался в живых, переселяли внутрь империи. На место выселенных двинули колонистов из самых различных мест империи. Много было поселено римских солдат с семьями. Хотя римляне потеряли эту область через 200 лет после Траяна, но следы римского господства и поселения остались там до сих пор. Народ, живущий в этой стране теперь, зовет *себя румынами* (т. е. романами, римлянами). В названиях мест, в сказаниях Нижнего Дуная и Карпат живет имя Траяна.

Памятником римских походов за Дунай осталась огромная Траянова колонна из белого мрамора, до сих пор находящаяся в Риме. На ней выпуклыми картинами представлены битвы, переходы римских легионов через мосты, обращение императора к войску, нападения римлян на деревни варваров и т.д.

Второе восстание в Иудее. Траян задумал еще обширный поход на восток в виде повторения предприятия Александра. Ему удалось завоевать Армению, отнять у парфян Ассирию и взять парфянскую столицу Ктезифон на р. Тигр. Но эти успехи Траяна были остановлены страшным восстанием евреев, которое вспыхнуло в тылу завоевания: одновременно возмутились и те евреи, которые жили в империи, в Египте, Кирене и на острове Кипр, и те, которые жили в парфянском государстве по реке Евфрату. Среди этих событий Траян умер, а его преемник, усыновленный им Гадриан*, поспешил отдать парфянам все сделанные им завоевания.

* Адриан.

Затруднения римлян на этом не окончились. В Палестине также собрались мятежники; во главе их стал Симон Баркохеба* ("сын Звезды"), в котором многие видели Мессию возрождающегося народа.

Симон изгнал римский гарнизон из лагеря, стоявшего на месте разрушенного Иерусалима; он чеканил монету с надписью: "За свободу Иерусалима". Гадриану пришлось стянуть в Палестину войска со своей империи, и только по прошествии трех лет одолели римляне мятеж (в 135 г. после Р. Х.). Победитель поступил еще суровее, чем Тит. Решено было искоренить в Палестине все, что напоминало старину. Сожгли до тысячи иудейских селений. На месте Иерусалима выстроили город на совершенно новый лад, населили его чужестранцами и назвали Капитолиной, в честь римского верховного бога Юпитера Капитолийского. Евреям под страхом немедленной смерти было воспрещено вступать на почву Палестины. С этой поры у них не было более родины**.

* Бар-Косеба, или Бар-Кохба.

** В 1948 г. на территории Палестины было создано еврейское государство Израиль.

Рим во время империи. При императорах Рим стал еще обширнее, чем во времена республики. В нем красовались огромные сооружения, каких не знали старинные греческие города. Римские архитекторы умели возводить широкие своды: при Августе был выстроен храм для всех богов, чтимых римлянами, *Пантеон*; его круглый свод имеет в поперечнике 20 сажен. Императоры ставили в память своих побед большие каменные триумфальные арки. В разных местах города поднимались просторные *термы* (бани с купальнями, гимнастическими залами и садами), занимавшие размеры целых кварталов и усадеб.

Траян. Античная мраморная статуя

Изображение Тиберия на монете

Бронзовый медальон с изображением Максимиана, соправителя Диоклетиана. Максимиан правил западной частью Империи со столицей в Милане

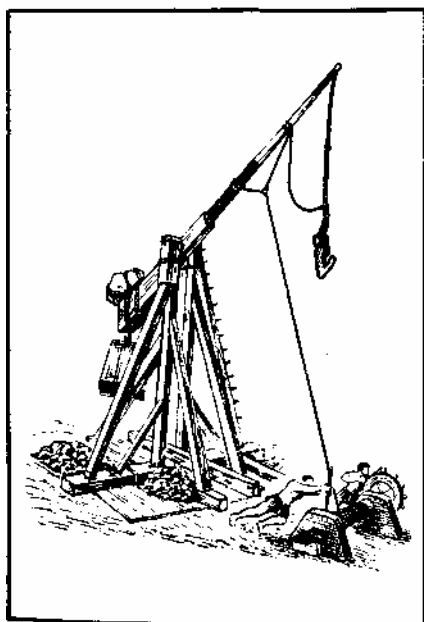
Диоклетиан. Античный бюст

Римская военная метательная машина онагр. I—II века н. э.

Адриан. Античный мраморный бюст

Медная монета Веспасиана после падения Иерусалима

На больших площадях были выстроены *базилики*. Это – высокие продолговатые залы: над средней полосой залы, отделенной от боков двумя продольными рядами колонн, подымается более высокий потолок. Здания эти служили для разных целей. В них разбирались судебные дела; судья помещался на одном из краев базилики, в полукруглом выступе; к колоннам внутри примыкали обходившие все здание хоры; на них скоплялась публика, когда говорил речь знаменитый адвокат. В боковых галереях базилики располагались торговцы, внутри помещалась биржа. В эти прохладные залы, защищенные от солнца, приходили поговорить о делах, отдохнуть и поболтать о новостях.

Когда в странах кругом Средиземного моря установилась римская империя – во времена Помпея и Цезаря, – римляне резко отделялись от подвластных народов. Римлянами в то время назывались жители Италии; Италия как бы правила всеми странами у Средиземного моря.

С тех пор римляне рассеялись по разным областям, как в настоящее время англичане по колониям. Одновременно с этим многие жители провинций получили имя и права граждан. Наконец 100 лет спустя после Траяна всех свободных жителей в империи объявили римскими гражданами. Старый римский народ потерялся среди других, можно сказать, перестал существовать. Имя римлян перешло на всех, кто знал латинскую речь.

В сношениях с различными народами римляне привыкли применяться к своеобразным обычаям и законам разных стран: римские судьи приобрели большой опыт; между ними были ученые, которые умели толковать закон, *юристы*. Императоры окружали себя юристами; к юристам обращалось множество людей отовсюду за советом. Из законов и толкований к ним составилось обширное *римское право*.

Когда римские юристы времен империи рассуждали о правах людей, о том, что справедливо, они уже не держались суровых понятий старинных римлян; они применялись к пользе человека вообще, какой бы то ни было страны и какого бы то ни было происхождения. По старинным понятиям не всякий человек может быть свободным и владеть имуществом; право на свободу и на имущество, – так думали прежде, – получилось оттого, что сам человек или его предки захватили себе власть и богатство силой, оружием. Римские юристы стали учить теперь, что права людей на свободу и на владение имуществом – прирожденные права, что они происходят не от силы, а от достоинства человеческого: в этом отношении все люди равны. Это были понятия, перешедшие от греков.

ХІ. ИМПЕРИЯ И ВАРВАРЫ. ХРИСТИАНСТВО. 200–400 ГГ. ПО Р. Х.

Движение варваров на империю. 200–300 гг. Дальше того, где был с войсками Траян, римляне уже не ходили более. Напротив, скоро пришлось отчаянно защищать свою старую границу и даже отступать от нее. Лет 50 спустя после походов Траяна на Дунае стало беспокойно. Здесь появились большие орды варваров. Они прорвались в разных местах через линию укреплений, увели несколько сот тысяч пленных из римских владений, разграбили дунайские области, пробились даже за Альпы в северную Италию. Правда, римляне их отбросили, но на это потребовалось около 15 лет упорной войны. Император Марк Аврелий Философ, очень миролюбивый, ученый и писатель по своим знаниям и наклонностям, провел все свое двадцатилетнее правление на границах, на Дунае и Евфрате, в военных переходах (умер в 180 г. по Р. Х.).

Это было только началом беды. Средняя и восточная Европа высылала все новые голодные и завоевательные громады людей, которые шли на юг и запад добывать землю. Римских войск не хватало для защиты всех угрожаемых мест. Надо было оберегать Британию от шотландских горцев, Рейн и Верхний Дунай – от германцев, Нижний Дунай – от кочевников нынешней южной России.

Новоперсидское государство, около 230 г. Ко всему прибавилась еще гроза на востоке; персы, за 500 лет перед тем потерявшие господство в Азии, опять поднялись и захватили страну от Евфрата до Инда.

Персидский владыка принял старый титул царя царей. Всю Азию хотели персы очистить от римлян. Впереди бились закованные в латы всадники на богато украшенных конях. Они любили сказания об удачных подвигах; одно из их преданий рассказывает, что в споре двух царей за власть было решено бросить царскую корону среди голодных львов; один из противников спустился на арену, убил обоих львов и получил венец.

Персы вели войну во имя веры. Они были почитатели священной силы огня: на монетах они изображали огненный алтарь. Большую силу среди них взяли священники, маги. Они вмешивались во все дела; их глава, верховный маг, стоял почти так же высоко, как царь, и короновал его.

*Марк Аврелий, милующий
маркоманских вождей.
С триумфальной арки
Марка Аврелия*

*Ликторы. С колонны Мар-
ка Аврелия в Риме*

*Константин Великий.
Колоссальная статуя в Риме*

Разорение и одичание. Полтора столетия спустя после Траяна Римская империя была на краю гибели. Император Валериан, разбитый персами, попал к ним в плен (256 г.). Персы взяли Антиохию. Разбойничьи отряды германцев пробегали по всем областям: некоторые из них перешли Дунай, разграбили всю Грецию до Афин, захватили в Византии торговые суда и перекинулись в Малую Азию; иные добрались даже на своих ладьях до устьев Нила.

Линия укреплений вдоль границы нигде не могла сдержать напавших варваров. Пришлось укреплять чуть не каждый город внутри страны. Земля точно ошетилилась от грозных крепостных валов и башен. Укрепленный город становится втрое-впятеро меньше прежнего, открытого и мирного, который мог свободно раскинуться. Люди сжимались для защиты на небольшом клочке земли. Мрачные стены в 3–4 сажени ширины, иногда выстроенные из мрамора разрушенных памятников, закрывали отовсюду горизонт и висели тенями над узкими улицами. Улицы упирались прямо в крепостные ворота; эти ворота, низкие и темные, были похожи скорее на подземные выходы. Если город был на большой реке, ее всюду отгораживали вдоль берега стенами; горожане не видели своей реки: суда, чтобы пройти на городскую пристань, проезжали под стеной.

У казны не было средств строить и содержать эти укрепления; все траты были положены на самих горожан. Оттого многие города совсем разорились. Исчезло все, что прежде делало город

привлекательным: водопроводы были заброшены; не на что было воздвигать большие красивые постройки храмов, базилик, библиотек; не на что было поддерживать театр и игры; школы по большей части закрылись. Художественных вещей не спрашивали больше; вкус к ним пропал, и художников не стало; когда ставили статую императора или надгробный памятник, довольствовались дубовой работой каменотеса и маляра.

Люди отвыкли от всех удобств, кругозор их становился беден и нравы грубее. Разорившиеся крестьяне и владельцы обращались в бродяг, составляли разбойничьи шайки; их было так много, что население откупалось от них данью, оставляло им похищенные вещи, чтобы сберечь остальное.

Прикрепление людей к службе. Все силы государства были напряжены для борьбы. С городов собирали большие подати для содержания войска, для военных сооружений; богатых людей, сидевших в городских думах, заставляли отвечать своим имуществом за исправный платеж всех остальных обывателей; а для того чтобы эти видные граждане не могли уклониться от своей повинности, правительство держало их в городе как крепостных. За попытку побега им грозило суровое наказание. Так же прикрепили к месту купцов и ремесленников. Они не смели менять занятий и места жительства: сын обязан был продолжать занятие отца. Помимо заказов, которые давали им заработок, они еще должны были работать даром на войско и казну: готовить обувь, одежду, оружие, подвозить хлеб.

Войско пришлось увеличить: так как в римских областях людей не хватало для военной службы, в легионы стали брать все больше и больше варваров, особенно германцев. Иногда римляне мирились с нападавшими германцами на условии, что те будут поставлять из своей среды солдат. Или же германцам уступали у границы землю, с тем чтобы каждая семья, получившая участок, ставила солдат. Так как работа солдат была тяжелая, а жалованья не хватало, решили вообще наделять солдат землею. По всей границе водворили солдат-поселенцев: в свободное время они пахали землю; ремесло их сделалось наследственным, сыновья их обязаны были идти на службу. Значит, и солдаты стали как будто крепостными людьми. Если приходилось держать солдат внутри страны, то их помещали на постой к землевладельцам. Каждый владелец должен был уступать им треть своей земли или содержать их на треть своих доходов.

Прикрепление крестьян. Тяжелое время наступило для всех. На владельцев земли ложились большие подати. Помещикам трудно было теперь доставать рабов. Рынки рабов, наполнявшиеся прежде, во время господства римлян, военнопленными и награбленными людьми, опустели. Для того чтобы иметь всегда готовых рабочих, помещики стали всячески тянуть к себе на барщину соседних крестьян: то какой-нибудь льготой, уступкой земли или позволением брать у себя лес, то силой, принуждением. Крестьяне (*колоны*) обязывались приходить на несколько дней в самое горячее время на барский двор; обыкновенно они приходили три раза: пахать и копать землю, полоть в огородах и садах и собирать жатву. Когда было нужно помещику, они ставили свои телеги и лошадей для перевозки хозяйских товаров на рынок.

Своих рабов помещик тоже рассаживал по участкам: давал им землю, избу, позволял обзавестись семьей, огородом, скотом. Раб отдавал господину часть собранных с участка плодов и хлеба, а кроме того, приходил на барский двор работать в известные дни.

Помещик зорко смотрел, чтобы все эти люди, обязанные ему работой, не ускользнули от него. Он писал для них устав и вырезывал его на каменном алтаре, который водружался в середине вотчины. Помещик становился их "господином". Колону уже нельзя было уйти на другое место: он считался за помещиком как должник, обязанный отработать по условию; он обратился в такого же крепостного человека, каким был и раб, посаженный на землю. Дети крепостного тоже принадлежали вотчине и вырастали крепостными. За попытку ухода крепостного наказывали как преступника.

Помещик стал входить во все его дела: он разбирал споры между крепостными, точно его поставили над ними судьей; запрещал крепостному брать жену из другого звания и даже из другого места, чтобы крепостные не отвыкали от обремененной работы; назначал для вотчины жреца и требовал, чтобы все люди в округе были одной веры. В вотчине открывали два раза в неделю рынок, чтобы крепостным не надо было ездить в город.

Императоры не мешали этому: у них были громадные поместья во всех провинциях и множество своих крепостных. Они требовали только, чтобы помещики отвечали за своих крепостных; помещики

должны были смотреть, чтобы с крепостных исправно шла подать и чтобы из них набиралось нужное число рекрутов.

Господа. Крупные помещики стали точно государями, каждый в своей округе. Их большие дворы были часто обведены рвом и стеной и превращены в настоящие замки. Они могли отбиваться от нападений варваров собственными силами. Многие люди отдавались под их покровительство, сами записывались в их крепостные; так поступали, например, городские торговцы, чтобы уйти от тяжелых городских повинностей. Такой "могучий" владетель, "господин", окруженный множеством крепостных слуг и зависимых людей, не пускал к себе чиновников, нередко подолгу не платил подати, захватывал кругом своего владения все, что ему нравилось.

Чужие обычаи в империи. До Траяна не только оружие римлян, но также и речь, вера, обычаи всюду подвигались вперед. 100—200 лет спустя, обратно, все римское стало отступать назад. По краям империи село множество варваров; латинская речь местами исчезла, местами огрубела и исказилась. Особенно войско потеряло прежний римский характер. Римские боги большею частью были забыты в войске.

К солдатам переходила вера врагов империи: так, например, среди них многие стали чтить персидского бога Митру. Алтари Митры, небольшие храмы его, представлявшие подобие пещеры, занесены были солдатами далеко на север, к Рейну и Дунаю. Митра – бог солнца, "непобедимый", побивающий своей палицей бога смерти и духов мрака. Он провожает души в подземный мир и дает им избавление от загробных мучений. Но чтобы стать под покровительство Митры, надо пройти через тяжелые испытания, "казни": выдержать долгое лишение пищи, бичевание, пролежать несколько дней на снегу, потом на гвоздях, пройти разные ужасы, бег среди обнаженных мечей, сидение в темном затворе и т.д.; если посвящаемый выказывал твердость, его принимали в общину, объявляли воином Митры и награждали мечом и венцом.

Иноплеменники, потомки варваров, добивались до важных должностей, получали начальство над легионами, становились императорами по выбору солдат. Так появились в Риме императоры из африканцев, сирийцев, галлов*.

* Этот период получил название – правление "солдатских" императоров. Одним из них был Максимин, горный пастух, уроженец Фракии, начавший службу рядовым солдатом.

Диоклетиан, около 300 года. Несколько энергичных императоров, большею частью родом из Иллирии, поправили военные дела империи. Они опять загородили границу от варваров на севере; на востоке они остановили персов. Самым замечательным из этих императоров был Диоклетиан.

Диоклетиан видел, что одному невозможно всюду поспеть: лучше было поделиться властью и несколькими императорам действовать сообща, но в разных местах. Диоклетиан сам назначил себе трех товарищей: они получили все титулы, почет и власть (285 г.). Все четыре императора выбрали себе столицы далеко от Рима, поближе к границе, где было теперь так много дела: главный сотоварищ Диоклетиана – в городе *Милане*, близ альпийских проходов, а сам Диоклетиан – близ пролива Босфорского, ведущего в Черное море, в *Никомедии*; остальные два – у Рейна и на Нижнем Дунае.

Все больше и больше исчезали старинные римские обычаи и порядки. В провинциях давно чтили императора как бога. Теперь он стал держать себя как земное божество.

При Диоклетиане вошли в обычай пышные выходы и приемы императора, земные поклоны перед ним; он появлялся в длинной одежде первосвященника, на голове была жреческая белая повязка, усеянная жемчугами. Когда рисовали его изображение, кругом головы делали сияние или венец расходящихся лучей. В грамотах, на памятниках государя прозывали святейшим, непобедимейшим; говорили, что он – видимый, воплощенный бог, что он – живой закон на земле. Все, что его окружало, получало священный характер. Его министрам было поручено управление "священным дворцом" и "священной спальней", раздача "священных милостей".

Император уже более не делился властью с сенатом, как при Августе. Он не считался уполномоченным от народа; он был правитель по божественному закону. К этой власти более всего подходило греческое слово *монархия*, что значит правление государя, ничем не ограниченного в своей воле.

Множество чиновников было поставлено по областям, чтобы поддерживать порядок, собирать подати, принимать поставки хлеба и других предметов на войско и на двор. Другие чиновники были назначены, чтобы смотреть за первыми и раскрывать злоупотребления; а еще новый состав чиновников находился в столице, вблизи императора; эти принимали счета, донесения и известия и составляли доклады государю. Для содержания всего этого огромного количества чиновников нужно было собирать новые большие налоги с населения, а оно и без того было разорено нашествиями варваров, тратами на укрепление городов и постоем солдат.

В эти тяжелые времена многие падали духом и искали спасения или в старых, отчасти забытых обрядах, или в новых верованиях, привлекавших нередко своею таинственностью и необычайностью. Диоклетиан был ревностный почитатель старых богов. Это столкнуло его с христианами.

Христиане. Учение Христово распространилось сначала на востоке, среди евреев "рассеяния" и греков, в странах греческой речи. Евангелия написаны были на греческом языке. В первые полтора столетия в Риме и в западной части империи было мало последователей христианства. Греки принимали христианство скорее, потому что они были мягче нравами и образованнее (стр. 143). Христианское учение не делало различия между людьми по их происхождению. Апостол говорит, что нет ни эллина, ни иудея, ни свободного, ни раба, а все – одно во Христе.

Христиане составляли сначала небольшие дружеские общества. Члены этих обществ сходились на молитву и общую беседу, обыкновенно вечером, в память Тайной вечери Христовой. Происходила братская трапеза, во время которой причащались. Потом стали переносить причащение на следующее за трапезой утро.

Трапезы составлялись на общие взносы; к своему взносу многие прибавляли дары в пользу бедных: милостыней и благотворительным делом они хотели очистить душу свою. Бедных называли "драгоценными сокровищами церкви". Святым делом считалось у христиан и освобождение раба. "Раба выкупить – значит душу спасти". Христианский архиепископ Киприан учил: "В плененных братьях вы должны видеть Христа и выкупать Того, Кто нас выкупил от смерти, вы должны вырывать из рук варваров Того, Кто нас вырвал у диавола". Христиане праздновали три дня в неделе: среду, пятницу и воскресенье, в память о пленении Христа, мученичестве Его и воскресении. В праздники они не украшали дверей и улиц цветами, не водили хороводов, и это бросалось в глаза окружающим.

Общины христиан. В христианской общине можно было заметить различие между особыми ревнителями веры, "совершенными" христианами, и множеством непосвященных. От "совершенных" христиан требовалось много стойкости; они не должны были впадать в тяжкий грех; поэтому их называли святыми и священниками; они назывались также *пресвитерами*, т.е. старейшими. Они были окрещены, и им открыты были главные тайны веры. Крещение считалось равным большому покаянию, душевному просветлению и давалось лишь после долгой подготовки.

Большинство состояло из *оглашенных*, т.е. готовящихся к крещению. Если посвященный впадал в грех, его "отлучали" от общины и принимали вновь лишь после долгого покаяния. Когда общины стали велики и христиане начали собираться в больших церквях, различие между "совершенными" и всеми остальными было ясно видно в богослужении. Для оглашенных и кающихся отводили особое большое место в передней части церкви. Они слушали только часть службы: считалось, что пастве нельзя с ними молиться, чтобы не осквернить себя. Кающиеся стояли в дурной одежде среди нищих, у церковной двери.

Защита христианства и преследование христиан. 100–300 гг. по Р. Х. Для чужих, совершенно незнакомых с учением, христианские писатели составляли воззвания и книги. Все кругом людей, говорили они, свидетельствует в пользу христианства. Везде виден крест: в расположении дома и лагеря, в остве корабля, в форме знамени и меча, в фигуре человека, простершего руки в молитве. Тертуллиан (живший в Африке около 200 года) доказывал, что душа каждого человека, как бы ни была она обманута ложным учением, жаждет истинного Бога. "Душа наша от природы – христианка. Когда душе тяжело, она зовет не богов, а Бога и выговаривает только это великое имя; она обращается тогда не к Капитолию, а к небу; она знает, где престол живого Бога; от Него и оттуда она и пришла".

Между христианами были люди строгого обычая, которые считали невозможным входить в какое-либо общение с поклонниками богов. Они говорили, что надо избегать театра и игр, потому что это –

дело дьявола, пышность идолослужения. Христианин не должен быть скульптором, потому что ему придется изображать богов; не должен держать школы, потому что придется объяснять мифы о богах. Ему нельзя быть солдатом, потому что знамена освящены нечестивыми обрядами. Нельзя ему занять какую-нибудь должность, потому что иначе пришлось бы совершать перед народом жертву, присягать перед статуей императора и т.д.

Когда христиане-ревнители громко отказывались от жертв, от поклона перед изображением императора, их брали под стражу, осуждали на казнь. Иногда народная толпа под впечатлением какой-нибудь беды, например землетрясения, обрушивалась на христиан, избивала их; народ готов был видеть причину несчастья в "безбожии" христиан, в том, что христиане, отрицая богов, навлекли их гнев на всех.

Погребальные общества. Катакомбы. Положение христиан было трудно, потому что римские правители во времена империи очень подозрительно относились ко всяким союзам и обществам, даже самым невинным. Они боялись, что там может завестись заговор и измена. Траян не позволил устроить в городе Никомедии вольную пожарную команду из 150 плотников, опасаясь, что у них начнутся еще какие-нибудь тайные дела. Легко разрешали только общества погребальные.

Такие общества составлялись издавна, большею частью в среде людей бедных, низкого звания, рабов. Богатый человек выстраивал себе большой могильный склеп, оставлял по завещанию крупную сумму на пышное погребение и на поминание. Бедные люди старались устроить помин души из общих товарищеских взносов. Несколько человек, например люди одного ремесла, рабы одного господина, складывались как бы в одну семью: товарищи называли себя братьями и сестрами; они обязывались приходить все на погребение умершего сочлена; они выстраивали большую общую могилу, *схолу*. Это было круглое двухэтажное здание: нижний этаж находился в земле; там хоронили умерших; в верхнем был устроен зал, где собирались для трапезы, для молитвы в поминальные дни.

Но большинство бедных братских союзов не могли столько собрать, чтобы устроить *схолу*; они отыскивали себе просто подземелье, часто далеко от середины города; например, в Риме рыли глубже те ямы и ходы, которые были раньше проделаны для добывания глины. Умерших клали в углубления, пробитые в стенах вдоль проходов. Так получались длинные и извилистые улицы и переулки под землею, *катакомбы*; некоторые так узки, что в них едва могут разойтись двое. Долго хоронили в этих подземных кладбищах и собирались в них на поминание умерших. Во многих местах они образуют несколько этажей, один над другим. Если растянуть могильные галереи Рима в одну линию, то они составят более 1000 верст в длину.

Чтобы не вызывать преследований, христианские общины принимали вид таких же союзов. Христианские братья также рыли катакомбы, которые примыкали к другим, более старинным. Христиане собирались у особенно дорогих могил, где погребены были лучшие люди, замечательные святою жизнью, подвигом мученичества или горячею проповедью. Нередко над такой могилой есть небольшая комната с выходом в галерею; в ней ставился стол для Евхаристии*, и она постепенно расширялась в часовню для богослужения. Первые церкви были вообще похожи на *схолы*: в нижней половине церкви под полом У молящихся было кладбище. Стены христианских катакомб украшались живописью: особенно часто изображался Христос^в виде доброго пастыря, несущего заблудшую овцу.

* Евхаристия – причащение.

Изображение Христа в катакомбах святого Каллиста времен Адриана

Епископы. 200–300 гг. по Р. Х. Через двести лет после начала христианской проповеди христиан было много и на западе: они появились при дворе и в войске, среди богатых людей. Из разных вкладов в общинах христиан составились большие средства. В городах христиане выстроили крупные церкви; они большею частью имели вид базилик. Общины пересылались между собою письмами, помогали друг другу. Для руководства всеми этими делами они выбирали из своей среды *епископов*. Епископ скоро стал самым уважаемым и сильным лицом в общине. Он распоряжался большим церковным имуществом. К нему обращались для разрешения споров и тяжб вместо того, чтобы идти к судье. В базилике епископ садился в особое кресло на возвышении подобно тому, как раньше помещался римский сановник. Христианин, отправлявшийся в чужую страну со свидетельством от епископа, встречал у собратьев по вере горячий прием; ему давали приют: омывали ноги, сажали на первое место за столом.

Некоторые епископы в больших или старых городах, Антиохии, Александрии, Иерусалиме, пользовались особым почетом; к мнению этих *патриархов*, или *пап*, особенно прислушивались. Всего более значения имел *римский епископ*, потому что Рим считали вечным городом, главою мира.

Христианские общины распространились к 300 году по всем областям Римской империи. Епископы стремились утвердить во всех общинах порядки, одно учение, одни обряды. Когда поднимался между общинами спор о том, как понимать учение, епископы съезжались вместе с пресвитерами на собрания; на этих *синодах* старались установить согласие. Кто отступал в чем-нибудь от утвержденного порядка или учения, считался *еретиком*, т. е. "раскольником", "отрезающим" себя от общей церкви. Еретиков отлучали от церкви, т. е. объявляли лишенными спасения.

Ко времени Диоклетиана христиане были большой силой в империи. Местами старые боги и их алтари были покинуты. Императоры и их наместники видели, как велика была власть епископов. Им казалось, что церковь отвлекает и людей, и богатства от службы империи. Еще за 50 лет до Диоклетиана были изданы строгие указы против христиан; собрания их были запрещены, и им грозили отобранием имущества. При императоре Валериане (стр. 214) сильно преследовали пресвитеров и

епископов, около которых теснились верующие: их ждала ссылка или казнь. С тех пор прошло много лет, в течение которых христиане могли жить спокойно.

К концу правления Диоклетиана эти указы были возобновлены, и к ним прибавились еще суровые меры. Сначала погрозили выключить из среды войска и из числа чиновников всех, кто откажется принести жертву гению императора. Затем Диоклетиан предписал сжечь книги христиан и сломать церкви и молитвенные дома.

Константин. Преследование христиан не имело успеха. Хотя некоторые поколебались и выдали книги, но большинство осталось твердыми; выступали исповедники, которые громко объявляли свою веру. Христиане еще крепче держались за пострадавших епископов, еще более слушались их слова. Диоклетиан во время преследований отказался от власти императора.

Сын его товарища по власти, Константин (311–337 гг.), также иллириец по происхождению, правивший крайней западной четвертью империи, сначала примирился с христианами, потом перешел на их сторону. Десять лет спустя после гонений Диоклетиана Константин указом в Милане позволил христианам свободно исповедовать веру. Потерпевшие получили назад свое имущество.

Константин стал потом давать перевес христианам. В своем войске Константин ввел новое крестообразное знамя: наверху его были изображены начальные буквы имени Христова; на нем стояла надпись: "Сим победишь". Было позволено изображать крест на императорских монетах. Константин стал особенно приближать к себе епископов. Он позволил им участвовать в суде, решать тяжбы; позволил отпускать рабов на волю в церквях. Константин освободил духовенство от податей и от тяжелой повинности доставлять хлеб в казну. Он приглашал епископов к своему столу и щедро одарял церкви. Епископы стали главной опорой его управления. Своих детей Константин воспитал в христианстве.

Константинополь. Везде христиане примыкали к Константину: он завладел сначала всей западной половиной империи, а потом и восточной и стал опять единственным императором. Константин выбрал столицей город, близко стоявший к границам, *Византию*. У того же пролива к Черному морю, как и его предшественник, Диоклетиан. Город этот, когда-то принадлежавший Афинам, занимал несравненное положение. Мимо шел важный морской путь, который как бы перерезывал сухопутную дорогу от Дуная к Евфрату: здесь была лучшая переправа из Европы в Азию. Город стоял на углу закрытого Мраморного моря и пролива; он имел еще на север глубокую длинную гавань, Золотой Рог.

В Византии, получившей с этих пор имя *Константинополя*, т. е. Константинова города, был устроен сенат, как в Риме, были возведены цирк и храм богини счастливой судьбы, Тихи, которая должна была охранять город. Отовсюду в новую столицу свозили старинные святыни и драгоценности: из Дельфы привезли змеевидный столб, на котором стоял треножник, дар греков, за 800 лет перед тем победивших Ксеркса. В Константинополе продолжалось то же увлечение играми цирка, как в Риме: партии разделялись по тем же цветам; у них были свои собрания, свои старосты, свои кассы. Императоры в цирке раздавали награды, давали народу благословение, обращались к нему с речами, возбужденное время цирк становился местом мятежа.

Никейский собор. 325 г. Константин очень заботился, чтобы христианской церкви не было разногласий. Осужденных епископами еретиков он наказывал и ссылал. В это время в церкви поднялся большой спор о вероучении: александрийский пресвитер Арий учил, что Сын Божий не равен, а подобен Богу-Отцу*. Сторонников Ария было очень много, около половины всех христиан. Дело не ограничилось спором в книгах и на словах; доходило до схваток на улицах. Часто целый город был разделен на две партии, ненавидевшие друг друга. Константин очень желал прекращения спора. Он созвал епископов и многих пресвитеров на первый общий вселенский собор в малоазийском городе **Никее**, против Константинополя. Здесь был записан Символ веры, и учение Ария было осуждено. Константин несколько раз председательствовал в собрании. Он называл себя общим епископом, других епископов – своими братьями и сотрудниками.

* Арий учил, что Христос не существовал извечно и является не Богом, а посредником между Богом и людьми.

Нехристиан в это время было гораздо больше, чем христиан. Нехристиане, однако, не составляли одной веры, среди них были поклонники старых римских и греческих богов, почитатели солнца,

великой матери богов и др. Они не могли соединиться против христианства. Но их опасно было раздражать. Они продолжали строить свои храмы, обращаться к своим гадалкам. Еженедельный праздник по всей империи еще назывался солнечным днем (до сих пор это имя осталось за воскресеньем на немецком и английском языке).

Юлиан Отступник. После смерти Константина его племянник Юлиан, учившийся в Афинах, большой поклонник Платона и греческого искусства, задумал возродить прежнюю религию греков*. Император видел, что для этого надо найти соперников епископам и отнять у христиан проповедь и преподавание. Он старался назначать образованных людей на места жрецов при старых храмах, запретил христианам обучение в школах и сам составлял против них книги и речи.

* После смерти Константина (337 г.) вспыхнула ожесточенная борьба за власть между его сыновьями и другими родственниками. В 361 г. единственным правителем всей Империи стал Юлиан.

Юлиан скоро погиб в войне с персами (363 г.), и все его замыслы расстроились. Христиане стали опять брать верх. В городах епископы распоряжались полновластно. В деревнях, куда трудно было проникнуть проповеднику, где не знали грамоты и не могли читать книг, держалась крепче старая вера. Но и там много зависело от крупных помещиков; если они сами принимали христианство, они принуждали к тому же и всех своих крепостных и подчиненных людей.

Феодосии, около 390 г. Через 50 лет после смерти Константина приступили к уничтожению всех нехристианских исповеданий. Властный епископ миланский, Амвросий, потребовал, чтобы император сложил с себя титул великого римского жреца, понтифика. Из здания сената вынесли статую богини Победы, как бы в знак того, что надо порвать с римской стариной, служившей ложным богам. Древней римской вере нанесли этим большой удар: старинные семьи сенаторов держались за нее, потому что с нею были связаны все славные и гордые их воспоминания о предках. Император Феодосии ревностно исполнял указания миланского епископа. Он запретил жертвы, не только всенародные, но и в частных домах; жрецы потеряли все свои права; земли и драгоценности, принадлежавшие храмам, были отобраны в казну. На храмах поднимали крест и обращали их в христианские церкви. Так Парфенон в Афинах, старинный храм Афины, покровительницы города, был обращен в церковь Богоматери.

Феодосии преследовал также всех, кто отступал от учения Никейского собора. Все еретики выключались из вселенской или *католической* (по греческому произношению *кафолической*) церкви. У ариан, последователей Ария, были отобраны церкви; их богослужение было объявлено святотатством. Амвросий требовал, чтобы власть императора служила орудием епископских решений. В делах совести, учил он, духовенство судит самого императора. Он сам дал пример такого суда.

В большом греческом городе Фессалонике* народ убил императорского сановника. Феодосии, страшно разгневанный, велел загнать народ в цирк, где и перебили виноватых и невинных. Когда Феодосии после этого явился в Милан, Амвросий отлучил его за кровавое дело от церкви. Феодосии должен был перед всеми принести покаяние.

* Ныне Салоники.

Язычество. В заброшенных или отдаленных углах и на границе сохранялись долго старинные обряды. Здесь люди молились еще по-своему, на своем старинном языке, между тем как христианская проповедь и христианское богослужение происходили на языках двух образованных народов: латинском – в западной половине и греческом – в восточной.

Но среди множества людей, считавшихся теперь христианами, много было таких, которые почти не понимали нового учения. Простой народ сходил к прежнему зданию храма в прежний день праздника и ярмарки и едва вникал в перемену, которая тут произошла. Старые гадания, обряды изгнания злых духов были еще в полном ходу; простой человек часто готов был за ними обратиться к священнику. Христианской проповеди открывалось много дела, чтобы смягчить эти нравы. Но время было очень тяжелое и тревожное. Надвигались все большими массами варвары. Одичание не уменьшалось, а росло.

ХII. ВАРВАРЫ НА ЗАПАДЕ. 400 – 700 ГГ. ПО Р. Х.

Нашествие варваров, около 400 года. Иллирийские императоры, начиная с Диоклетиана и Константина, загородили северную границу на сто лет. Теперь двинулись новые толпы варваров. Сорок лет спустя после Константина племя готов, жившее на Нижнем Дунае, было сбито с места кочевниками черноморских степей и в большом числе перешло Дунай: римляне уступили готам земли на Балканском полуострове и обещались прокормить их на первое время, с условием, чтобы готы служили военной подмогой. Хлеб, однако, не был доставлен готам; с голоду они стали продавать в рабство жен и детей; наконец бросились жестоко грабить кругом, ничего не оставляя, "кроме неба и земли".

Феодосии разбил готов и заставил их спокойно сесть по местам. Но Феодосии был последним императором, который держал варваров в страхе. Он последний правил всей империей в ее прежнем протяжении. После его смерти (в 395 г.) в западной, римской, и в восточной, греческой, половине были свои императоры. Вслед за его смертью варвары стали все больше заполнять собою западную половину и забирать одну за другой ее области.

Впереди всех шли *западные готы* (вестготы). Они подняли на щит молодого Алариха и двинулись с ним на Италию. Страну защищал уже не римлянин, а варвар на римской службе, Стилихон, и войска его были по большей части из пограничных варваров. Чтобы найти силу отбить Алариха, он должен был отозвать легионы из Британии и отдать ее на произвол судьбы. Туземное население Италии не могло обороняться.

Добравшись до Рима, Аларих потребовал выкупа в виде нескольких десятков тысяч фунтов золота и серебра, груза перца, шелковых рубашек и выкрашенных в красную краску овечьих шкур для лучших своих воинов. Ночью, в грозу, готы Алариха с дикими криками ворвались в Рим. Трое суток они жгли и грабили город, срывали со стен дворцов украшения и ткани, ломали драгоценные старинные статуи богов и дорожную утварь христианских базилик (410 г.).

Государство Божие. Это было неслыханное дело. Пожар и захват вечного города, главы вселенной, предвещал в глазах людей того времени близкую кончину мира. Встрепенулись сторонники старой веры: во время осады Рима готами они обращались к гадалеям. В разорении города они видели месть покинутых старых богов. По убеждению христиан, напротив, город погиб потому, что в нем еще слишком много скрывалось греха и ложной веры. Многим казалось, что великий суд Божий совершился на земле: "Факел мира потух и в одном поверженном городе погибает весь род человеческий".

Под впечатлением взятия Рима африканский епископ Августин написал книгу *о государстве Божием*. Он отрекался здесь от всей римской старины, от всего, что римляне считали дорогим и славным. Он говорил, что добродетели и великие подвиги древних людей – одна суэта, гордость и насилие. Рим построен на крови: один из братьев – основателей города – убил другого. Кровопролитием Рим захватил себе всюду господство. Великие завоеватели мира, Александр, Сципионы, были лишь великими разбойниками.

Все государства земные, говорил далее Августин, все, что сложено руками человеческими, должно рушиться: все это держится на жадности и властолюбии, на дурных страстях, внушенных дьяволом. Но в то же время одна община, одно государство будет расти и множиться – государство Божие. Это государство – церковь; его образуют святые на небе и верующие на земле. Его глава – Христос. Оно не прейдет вовеки.

Варвары в западной империи. 400–500 гг. Германские племена стали проходить беспрепятственно по областям западной половины империи. Одно племя, *вандалы*, зашло даже через Галлию и Испанию в Африку и село около Карфагена; вандалы разбойничали на кораблях, и подвоз хлеба к Риму с моря

кончился. Западные готы остановились по обе стороны Пиренейских гор. *Франки* двинулись от Рейна и заняли северную Галлию до Сены. В Риме делали вид, будто уступают варварам землю в обмен за военную подмогу с их стороны. По обычаю помещики пускали их на постой, как прежних военных поселенцев, отдавали им часть земли или часть урожая. Вождь германского племени состоял на римской службе и считался главнокомандующим своих германских воинов; они называли его королем. Ему давали из Рима титул консула, патриция, присылали почетные знаки достоинства. Германцы плохо слушались римлян, презирали их, но верили, что служат великому Риму.

Через 40 лет после нашествия Алариха из степей южной Европы обрушилась через Рейн на Галлию масса кочевников *гуннов*, которых вел Атила, прозванный "бичом Божиим". Римляне описывают их как "зверей на двух ногах"; приземистые, широкоплечие, с огромными головами, они похожи на "деревянных идолов, которых ставят на мостах"; они не знают ни изб, ни плуга, ни приправы, ни огня в приготовлении пищи. За ними тянутся их стада и везут повозки, в которых сидят их семьи. Они не умеют сражаться пешими, но точно приросли к своим некрасивым лошадям. В бой бросаются они с диким ревом; в рукопашной они бьются с мечом в одной руке и арканом – в другой, чтобы запутать врага. Они, как звери, не понимают, что прилично и честно.

В лагере Атилы было множество гадателей, которые сошлись с разных концов; но Атила заставил следовать за собой также одного плененного епископа, чтобы "святой человек принес счастье его войску". Готы и франки пришли на помощь римлянам против гуннов. На равнинах восточной Галлии произошла большая битва (в 451 г.); кочевники были отброшены назад, в степи Венгрии.

Германцы сели в деревнях и хуторах: им непривычна была городская жизнь. Большой каменный амфитеатр в городе Ниме, в южной Галлии, готы обратили в крепость. Германцев было меньше, чем туземцев. Но они были страшны воинской силой. Римляне жили среди них как среди неприятелей. Иные описывают длинноволосых, нечесаных людей с оглушительно резкими голосами, в грязной оборванной одежде, иногда едва прикрытых коротким меховым плащом. В еде и питье они были страшно неумеренны. В стране обработанных полей и виноградников они продолжали охотничью жизнь своих лесов: владельцы жаловались, что эти охоты совершенно их разоряют. Варвары грабили своих мирных соседей, залегали по большим дорогам с копьями и мечами, чтобы напасть на тех, против кого затаили месть. Везде искали они драгоценного металла: в церквах похищали сосуды и плавили их, рылись в могилах, чтобы достать золото с покойников.

У западного императора остался только громкий титул. В самой Италии распоряжались германские вожди. Восемьдесят лет спустя после смерти Феодосия все земли западной половины империи были поделены между германскими племенами. Туземное романское население подчинилось германским вождям. Римские провинции стали германскими королевствами.

Италия также обратилась в германское королевство. Германцы, стоявшие в ней для защиты страны, захватили себе земли и объявили своего вождя королем (в 476 г. по Р. Х.). На западе перестали выбирать императора. Остался один римский император в Константинополе; он и считался теперь владыкой мира. Но его слушался лишь греческий восток. Германский король Италии сидел не в Риме, а в Равенне, крепости у Адриатического моря. В старой столице остался римский епископ; он считал себя как бы заместителем римских государей.

Теодорих, около 500 г. Восточноримский император старался вернуть захваченные германцами западные области. Но собственных сил у него не хватало: ему приходилось поднимать одни германские племена против других. С этой целью он двинул на Италию сидевших еще на Балканском полуострове *восточных готов* (остготов) с их вождем Теодорихом.

Теодорих принял от императора титул консула, но стал самостоятельным королем в Италии. Он провел молодость в Константинополе и хотя не был грамотен, но чувствовал большое уважение к знаниям и управлению римлян. Теодорих взял себе ученых римских советников; к сенату в Рим он обращался с глубокопочтительными письмами. Свою дочь-наследницу он велел обучить всей римской науке. Теодорих старался, чтобы его готы стали во всем римлянами, и требовал, чтобы они платили подати и судились в римских судах. Он не хотел, чтобы оставался старый грубый обычай решать споры поединками. К одному соседнему германскому племени Теодорих послал искусно сделанные часы и отправил мастеров, чтобы варвары "узнали изобретение древних и покинули свой дикий образ жизни".

Немного было между германцами людей, подобных Теодориху. Большая часть их была далека от того, чтобы ценить римское просвещение.

Германцы не соглашались платить подать: кто дает от своего урожая, тот, по их взгляду, раб; свободный человек не обязан работать: его дело – война, и ему принадлежит то, что он захватил мечом. Они не хотели судиться в римских судах и по римским законам. Германец не шел, напр., в суд жаловаться на грабеж, а набирал лихих людей и летел за грабителем в погоню, грозно крича по дороге, чтобы ему не мешали расправиться. Когда германцы находили убитого неизвестно кем, они не звали судью, чтобы дознаться, кто убийца; они совершали гаданье, ждали, что жертва сама покажет виновника. Для этого хоронили убитого с веревкой на шее, через несколько дней его вырывали; люди околота подходили по очереди, брали веревку и тащили труп по земле; виновный в убийстве не мог решиться на такое испытание: все верили, что кровь выступит из ран убитого, как только убийца тронет веревку.

Готы были мягче других германцев; они дольше жили в соседстве римлян; среди них за 150 лет до Теодориха прошла христианская проповедь: они имели Библию на родном языке. Но все же в них много оставалось старой необузданности. Когда дочь Теодориха в свою очередь отдала своего сына римским учителям, готы зашумели, что молодому королю надо упражняться только в оружии. Притом готы не ладили с туземным итальянским населением. Их проповедники были ариане, а итальянцы стояли за своих католических епископов; особенную силу имел римский епископ, который считался преемником апостола Петра и управлял по всей Италии огромными богатыми поместьями. Римский епископ сносился постоянно с константинопольским двором и возбуждал итальянцев к восстанию против господства готов.

Юстиниан, около 550 г. После смерти Теодориха восточно-римский император Юстиниан (527–565) отправил военные силы, чтобы отвоевать у готов Италию. Еще раньше он отнял у вандалов Африку и истребил все племя вандалов. Более ста лет прожили они здесь, очень ослабели от непривычной роскоши, но остались одиноки в своей новой родине. В последней борьбе все оставшиеся в живых вандалы сбились вместе в одном укрепленном лагере. Готы в Италии были также почти истреблены. Юстиниан мог гордиться, что восстановил большую часть Римской империи; только крайний запад – Галлия, Британия да Испания – оставался в руках варваров.

Он велел собрать в один *Свод права* законы римского народа, указы римских императоров и ученые толкования знаменитых римских юристов. В предисловии к собранию римских законов было написано: "Оружие и законы образуют великую силу государства; род римлян превзошел в том и другом все остальные народы и возвысился над всеми племенами; так было в прошлом, и, с помощью Божией, так будет вовеки".

Однако от разорения и одичания нельзя было спасти страны империи. Войска Юстиниана были не лучше германцев: они набирались из варваров; впереди ехала дикая конница гуннов; он посылал на запад страшных горцев с Балкан или из Малой Азии, кочевников из черноморских степей. Италия обезлюдела; плодородная Кампания местами обратилась в пустыню. В Риме из миллионного населения осталось не более 50 000. Множество городов совсем исчезло. Школы стали закрываться, науку перестали ценить.

Но и в восточной половине, где не было германцев, росло огрубение. На востоке другие варварские народы пробивались через границы, между ними дикие в то время *славяне*. По всему Балканскому полуострову для защиты от них выстроены были большие крепости. Мало того, Константинополь и прилегающую землю загородили длинной крепостной стеной, которая шла от Мраморного моря к Черному. Из варваров набирали войска, солдатским семьям давали в награду земли в середине империи. Старинное население терялось среди пришельцев. Сам Юстиниан был из славянской семьи в Балканах*; его вызвал с родины его дядя, который был безграмотным пастухом, поступил в гвардию в Константинополе, стал ее начальником, а потом был выбран солдатами в императоры.

* Юстиниан был родом иллириец, уроженец Верхней Македонии. Родившись в крестьянской семье, он благодаря своему дяде, императору Юстину, получил блестящее образование и был приближен к императорскому двору.

Монашество. От ужасов тогдашней жизни люди более мягкие и невоинственные старались уйти. Церковь открывала им свою защиту: церковный дом был местом убежища; варвары верили, что гнев Божий поразит того, кто прольет кровь в святом месте. Церковь с ее торжественным богослужением, возвышенными словами была единственным местом, где человек мог отдохнуть от окружающего насилия и грубости. Наконец, церковь обладала драгоценностями и богатствами, которые составлялись из приношений и даров за упокой души; она могла выкупать от рабства пленных и кормить людей, обнищавших от разорения. Один епископ приказал сбить топорами все золото и серебро со стен своей церкви, чтобы на вырученную сумму освободить захваченных в неволю и облегчить страдания голодающих. У больших дорог устраивали госпитали для больных и проезжих. Все, что осталось от знаний и умения греков и римлян, сохранялось в церкви.

Множество людей, чтобы спасти имущество, записывались на службу церкви, становились ее крепостными совершенно так же, как у крупных "могучих" помещиков. Большинство этих *клириков*, т. е. церковников, были вовсе не духовные лица; они даже не имели никакого дела в церкви; это были только зависимые от церкви люди.

Но многие уходили совсем от общества человеческого. Иные удалялись в совершенно безлюдные места, в леса и на край пустыни, становились отшельниками, *монахами*. Другие составляли тесный союз, *братию*, которая отделялась от остальных людей; члены такого общежития, монастыря, имели все общее между собою. Многие уходили таким образом из желания спасти жизнь и имущество, многие потому, что отчаивались спасти свою душу среди общего грабительства, жестокости и разврата, наконец, некоторые искали приюта, чтобы заняться наукой.

Монахи и монашествующая братия думали найти спасение в лишениях, в отказе от того, чем упивались другие. Были отшельники, которые запирались на всю жизнь в тесных темных кельях или никогда не сходили с открытого каменного помоста, несмотря на непогоду и палящее солнце (столпники).

В монастырях не было таких самоистязаний, но братья ставили себе также тяжкие условия и сдерживали себя жестокими средствами; по одному старинному монастырскому правилу тот, кто забудет за трапезой ответить аминь на благословение, должен получить 6 ударов, кто забудет молитву – 25 ударов, кто опоздает на молитву, должен пропеть 50 псалмов или получить 50 ударов. Кто заговорит с посторонним, получает удары или должен несколько дней поститься. Монахи должны были отказаться от семьи. Запрещалось, как грех, разговаривать с женщинами; часто монахи упорно отказывались видаться с матерями и сестрами своими. Много крайности было в этих подвигах: иные монахи от сырости и холода в своих кельях, от чрезмерного поста, от тоски одиночества, от неумеренного чтения впадали в глубокое уныние или безумие.

На толпу эти люди производили часто сильное впечатление. К полудиким франкам пришел столпник: он питался только малостью хлеба и трав и пил одну воду; зимой стужа мучила его до такой степени, что ногти выпадали у него со ступней и лед висел на бороде. Но к нему начали собираться язычники, видя его большую силу, и он стал им проповедовать про ничтожество их богов.

Варвары презирали работу, не любили никакого порядка. В монастырских правилах, напротив, внушался и труд, и точный распорядок. Св. Бенедикт, основавший знаменитый монастырь *Монте-Кассино* в горах Средней Италии, строго распределил день между ручной работой, чтением, обучением и молитвой. Другой настоятель требовал от монахов работы до полного утомления, так, чтобы они засыпали на пути к молитве; они должны были вставать на работу рано, не выспавшись, и даже больных братьев он заставлял молотить.

Франки. 500–700 гг. Гораздо более еще, чем в Италии, огрубело население в Галлии. Здесь водворились самые свирепые и воинственные германцы, франки. В северо-восточном углу Галлии они сели в особенно большом числе, местами сплошь. Страна стала называться по их имени *Францией*, и это название распространилось потом на всю землю до океана, Средиземного моря и Пиренейских гор.

Франки поражали своим способом боя. Они бросали во врага длинный двухсторонний топор, предварительно быстро завертевши его; в небольшое ушко на боку была вделана веревка, за которую можно было оттянуть топор назад, если он не достигал цели. Затем они бросали дротики, у которых на кончике или рукоятке были крючки; дротик зацеплялся за щит или доспех врага и, тащась по земле,

тяжестью своей давил его; франк делал скачок за своим оружием, становился на его край ногой и пригибал противника. Римляне описывают огромный рост, сильные мускулы и своеобразную одежду этих воинов: вместо шапок у них медвежьи и буйволы головы; ноги обтянуты конской кожей.

Франкский вождь Хлодвиг, современник Теодориха, захватил почти всю Галлию. Он принял со своим народом христианство от католического епископа; но и сам он и его франки оставались дикими и суровыми людьми. Хлодвиг умел одушевлять свой народ, но он был хитер и жесток. У франков были еще другие короли, кроме него; он их устранил, подсылая тайных убийц или подговаривая народ к восстанию: один был убит за трусость, другого, старика, он предложил убить его сыну, а потом разделался с сыном будто бы в отмщение за отца. Под конец Хлодвиг громко жаловался, что он одинок и не имеет родства; но это была только уловка, чтобы узнать, не скрываются ли еще где-нибудь родственники, и убить их.

По смерти Хлодвига страну разделили его дети. В течение 300 лет короли у франков были лишь одной его семьи; они назывались *Меровинги*, т. е. потомки сказочного Меровея; за ними осталось старинное языческое преимущество – длинные, нестригшиеся волосы, в которых видели особую силу.

Меровинги дробили много раз королевство по своему усмотрению, менялись владениями, отнимали их друг у друга. Они захватили прежние императорские поместья и много богатств, особенно в церквях. Но они не имели прочных столиц и не жили в городах. Они переезжали из одного большого поместья в другое вместе со своими многочисленными свитами, проживая в каждом по два, три месяца, пока не уничтожались все заготовленные на месте запасы. В этих поместьях жили оружейники, кожевники, ткачи, работавшие на короля, на его дом и свиту; здесь были работницы, тонко вышивавшие одежды шелками и золотом, и тут же пряли лен и шерсть.

Торговля ослабела: только какие-нибудь диковинные и редкостные вещи, драгоценные камни, пряности, духи привозили с моря сирийские и еврейские торговцы. Эти торговцы не имели лавок по городам: они были ходячими и перевозили товар на мулах или в повозках от поместья к поместью, от одной переправы к другой. С упадком торговли стало меньше сведений о других краях: только изредка и случайно доходили теперь в Галлию известия, например о восточно-римских областях, о Греции, Египте. Запад Европы точно оторвался от других стран. Люди перестали интересоваться остальным миром.

Короли франков стали гораздо богаче и сильнее, чем были старые вожди у прежних странствующих германских племен. У них кормилось, им служило множество людей германского и туземного, романского происхождения. У любого помещика они могли захватить, что им нравилось. Но их власть никак нельзя сравнить ни с властью римских императоров, ни с властью современных нам европейских государей.

Король не знал, что делается в разных частях страны: он не мог заставить жителей платить ему подать. Споры и тяжбы решались помимо него: в каждом округе, который по старогерманскому обычаю назывался *сотней*, народ собирался на сходку под председательством выборного сотника, а приговор составляли старейшины. Король не мог самовольно собрать всех воинов и повести их на войну. Общие дела по-прежнему решала большая сходка всех воинов. Они сходились раз в году весною; это *мартовское поле* было вместе с тем смотром их оружия. Помимо согласия общей сходки *король мог вести на войну только своих лендов* (Leute, люди). Это были его личные слуги или товарищи или отдавшиеся под его покровительство: он старался привлечь к себе как можно больше таких людей, они либо кормились при его дворе, за его столом, либо получали из его поместий в награду участки земли.

Большие поместья с рабами и крепостными, как были во время Римской империи, остались и теперь. Только некоторые из романских помещиков были согнаны франками. Сам король со своим двором жил как крупный помещик.

Суд. Варвары принесли свои судебные обычаи. В случае убийства родственникам позволялось мстить родству убийцы. Месть можно было заменить выкупом, но выкуп не похож на наш штраф; часть его платилась судье за труд, а часть шла родству потерпевшего. В выкуп оценивалась не человеческая жизнь вообще, а важность или сила человека. За убитого свободного надо заплатить больше, чем за раба; за германца больше, чем за туземца; за человека королевской свиты больше, чем за простого

человека. Убийство епископа было оценено так: надо сделать свинцовую рубашку по росту убитого; убийца платит родственникам убитого, или королю, или народу столько золота, сколько весит эта рубашка. Поджигателя, вора, подкопавшегося под дом, можно было убить без всякого выкупа. За увечье, за отрубление руки, пальца, носа, уха, прокол глаза и другие раны положены были точно вычисленные суммы выкупа.

Спорные дела решались или поединком на оружии – противники, как гласил обычай, "призывали Бога Творца, чтобы победа была на стороне того, кто прав", – или спор решался состязанием в присяге; это значит, выигрывал тот из споривших, кто приведет с собою больше *соприсяжников*, т. е. людей, вместе с ним под присягою утверждающих то же самое, что и он.

Если подозрение против обвиненного было сильно, ему предлагали очиститься. Это значило выдержать испытание, т. е. или "прогуляться к котелку, пронести котел с кипящей водой в голых руках, или продержать раскаленную полосу железа; если через несколько времени ожогов не было видно, обвиненного считали чистым; или нужно было проговорить без ошибки трудную присягу. Кто не выдерживал испытания, считался осужденным самим Богом; это был суд Божий, или *ордалии*.

В суде ничего не записывали. Грамот, документов не было: для того чтобы скрепить покупку, передачу дома, земли, надо было сделать какой-нибудь жест или поступок, похожий на передачу или заключавший волшебство. Например, король, даря деревню, бросал в руки одаряемому солому. На всяком владении, например в доме над дверью, вырезывали фигуру руки в знак того, что владеющий захватил его, положил на него руку. Покупатель большого имения или виноградника отправлялся на место уплаты денег с 12 взрослыми свидетелями и 12 мальчиками: мальчикам он давал пощечины и надирал уши, чтобы они помнили событие и служили ему свидетелями покупки позже, когда подрастут.

Все выкупы и штрафы определены были в металлических деньгах, в солидах. Нам теперь всего удобнее определять цену вещей в рублях и копейках и сравнивать стоимость вещей по этой цене, потому что мы постоянно продаем и покупаем. Варвар мало или вовсе ничего не покупал, и ему было непривычно мерить цену солидом: он переводил для себя солид на другую мерку, которая ему была виднее: на овцу с ягненком, годовалого или полуторагодовалого быка и т. д.

Правы. Не стало никакой общей охраны для народа. Сам король был только главный воитель в среде людей, живших насилием. Один из королей велел своего сына, восставшего против него, сжечь вместе с его женою и детьми. Ничего не стоило подослать к брату убийц, ворваться в чужое владение, ограбить церковь; убийцы настигали священников и епископов в церквях, у алтарей; короли прогоняли своих жен, отнимали чужих, держали по нескольку жен; они постоянно обманывали друг друга и нарушали данное слово. На каждом шагу была какая-нибудь жестокость, истязание; один знатный франк заставлял во время пира своих рабов держать факелы так близко к телу, что они спаливали себе ноги; если раб кричал или дергался, господин поднимал над ним меч и вскрикивал от удовольствия.

Среди дикости и насилий германцев огрубели и туземные романские жители. Многие участвовали в грабежах. На службе у короля иной человек романского происхождения позволял себе всякие насилия, разорял богатых людей тяжбами, заковывал в цепи священников. Дикость захватила само духовенство. Один епископ велел спустить захваченного врага своего живьем в могильный склеп и положить его в гроб с покойниками.

Но между духовными удержались чистые и стойкие люди, возвышенные характеры. Таков был Григорий, епископ в городе Туре, оставивший подробный рассказ о своем тяжелом времени. Бессовестный, страшный король Хильперик ничего не мог с ним сделать ни запугиванием, ни подкупом. Григорий не позволял нарушить церковное убежище; он смело заступился за другого епископа, когда король поднял против него ложное обвинение; с достоинством защищался он сам, когда король обвинил его в измене, хотя король, чтобы устроить Григория, созвал для осуждения его собор епископов в своем поместье и привел своих воинов.

Ужас охватывает по временам этого справедливого, доброго человека. Так много зла и неправды кругом, что он не знает, чего и держаться; про самые страшные вещи он рассказывает спокойно, как про нечто привычное. Видимое дело, что близится конец мира, думает он. Когда старится все на свете, нечего сравнивать свое время с прежним, себя – с прежними людьми. Григорий Турский называет себя в предисловии к своей книге мужиком, ничего не понимающим в словесности; он признается, что

смешивает по-латыни мужской и женский род, падежи и предлоги, что он похож на быка, принявшегося танцевать.

Человек богатый, из семьи, ценившей просвещение, Григорий, однако, уже не мог получить хорошего образования. Никто не мог научить чистой латинской речи. Римские поэты еще водились в виде роскоши при дворах королей: они сочиняли свадебные гимны, приветствия. Но в этих стихах было немного содержания; это были скорее стихотворные фокусы: то стихи были написаны столбцами в виде креста или топора, или так, что их можно было читать и с начала и с конца, назад. Король Хильперик сам сочинял стихи, решал богословские вопросы, даже придумал для латинской азбуки, которая казалась ему недостаточной, три новые буквы. Но это были капризы полуразвитого дикаря.

Даже в церковный обиход вошли разные предрассудки и варварские обычаи. К Григорию Турскому под убежище могилы св. Мартина, почитавшегося апостолом Галлии, бежал от Хильперика его сын. Григорий позволил ему гадать на Писании о судьбе: после нескольких дней поста решено было раскрыть Псалтырь и Евангелие и искать ответа в том месте, которое попадется. Одному важному королевскому слуге епископ не хотел давать св. причастия из-за его дико-развратной жизни. Наконец на усиленные просьбы пришедшего епископ дал ему, в виде испытания, гостии (освященного хлеба): если он не умрет на месте, вкусив гостии, это должно означать, что Бог его прощает. Таким образом церковное таинство было обращено в ордалию.

Когда германцы слушали христианскую проповедь, они по-своему представляли себе Христа. Он казался им могучим вождем во главе воинства святых; так раньше они представляли себе языческого бога войны, Водана. Принимая христианство, Хлодвиг думал, что идет в дружину Христа, становится военным слугой Его. Услыхав о страданиях Христа, он грозно крикнул: "Будь я тогда со своими франками, я бы отомстил за Него!" Варвары постоянно смешивали христианские таинства с языческими жертвами. Когда собирались члены братских союзов на вечернюю трапезу, они быстро забывались и переходили к разгулу: неумеренно пили, приводили для развлечения плясунов, скоморохов, медведей и т. д.

Ирландские проповедники. Странные проповедники ходили между этими полудикими людьми. Это были ирландские монахи. Апостолом Ирландии считался св. Патрик. Он был родом из богатой семьи в Галлии; 17-ти лет он попал к разбойникам и был продан рабом в Ирландию. Ужасную жизнь испытал он, стужу и голод, спал на голой земле в пещере; среди диких людей ему казалось, что он сам одичал, стал последним человеком. Только золотые сны спасали его: ему чудилось, он переносится в другой, светлый Божий мир; какой-то голос из глубины внушал ему: "До сих пор ты плакал о себе; плачь теперь о других и ты увидишь солнце вечной жизни".

Патрик бежит из Ирландии по внушению того же голоса, учится в монастыре Мартина Турского и возвращается проповедовать христианство в Ирландию. При дворе короля за него вступается пророчица Бригита, которая играет на гуслях и слагает песни на пирах. Она поет, что Патрик в обладании чудного цветка, спасающего от смерти. Друиды и барды (певцы) сначала против Патрика, но он привлекает их к себе, и они обращаются в проповедников нового учения. Барды привешивают арфы свои на кресты и "поют так сладко, что ангелы Божий наклоняются с неба, чтобы слушать их".

Последователи св. Патрика соединились в монастырские общины, и самые горячие из них двинулись на подвиг проповеди на материк. Особенно замечателен между ними был св. Колумбан, который провел жизнь в странствовании, прошел Галлию, проповедовал в глубине языческой Германии, основал несколько обителей, бесстрашно обличал в разгульной жизни франкских королей и скончался в итальянском монастыре у Альп.

Многое, что было в ходу у старинных друидов, осталось и у этих проповедников. Они гадали по звездам, чертили таинственные рисунки, искали ответы в игре чисел. Чудной вид имели они: с длинными развевающимися волосами, опираясь на длинные посохи, с кожаным мешком и мехом для вина на спине, по двое или в священном числе двенадцати они проходили страну; они были татуированы, как волшебники, веки были окрашены красной краской, на лице нарисованы были затейливые фигуры; они носили с собою восковые дощечки и показывали на них в виде тайны искусство письма. Но у этих странных проповедников было много мужества, самоотвержения и горячей

веры. Их обычаи и приемы помогали сблизиться с окружавшими их полудикими людьми и проникнуть к сердцам их.

Около 700 года после Рождества Христова вся почти Европа вернулась к быту, похожему на тот, который описывал Гомер. Понятия и вкусы опустились; вся жизнь стала беднее. Варвары заглушили свою дикостью образованных людей. Опять сизнова надо было европейцам начинать учиться и улучшать свою жизнь.

Хронологическая таблица

Древний Египет

Ок. 3100–3000 г. до н. э.	Объединение Верхнего и Нижнего Египта.
Ок. 2800–2700 г.	Строительство самых больших пирамид Хуфу (Хеопса) и Хафра (Хефрена).
Ок. 1750 г.	Вторжение гиксосов.
1504–1450 гг.	Тутмос III; совершил 17 завоевательных походов в Азию и достиг четвертого порога Нила.
1372–1354 гг.	Правление Эхнатона. Установление культа Атона – солнечного диска.
1301–1235 гг.	Рамсес II. Противоборство с Хеттской державой; строительство храмов.
671 г.	Завоевание Египта Ассирией.
525 г.	Завоевание Египта Персидской державой.
332 г.	Завоевание Египта Александром Македонским.

Передняя Азия

1792–1750 гг. до н. э.	Правление царя Хаммурапи в Вавилоне. Составление законов.
X в.	Правление царей Давида и Соломона в древнееврейском царстве. Строительство храма в Иерусалиме.
IX в.	Распад древнееврейского царства на Израиль и Иудею.
722–705 гг.	Правление Саргона II в Ассирии.
722 г.	Разгром Израильского царства ассирийцами.
VII в.	Расцвет Ассирийской державы.
669–627 гг.	Правление Ашшурбанипала. Составление ниневийской библиотеки.
612 г.	Падение столицы Ассирии Ниневии.
605–562 гг.	Правление Навуходоносора II в Вавилоне.
587 г.	Захват Иерусалима вавилонянами и начало вавилонского плена.
539 г.	Захват Вавилона персидским царем Киром.

Древняя Греция

XIII в. до н. э. (1240–1230 гг.)	Троянская война.
XI–IX вв.	Гомеровский период.
VIII–VI вв.	Великая греческая колонизация.
776 г.	Первая Олимпиада.
VIII–VII вв.	Завоевание Спартой Мессении.
621 г.	Законы Драконта в Афинах.
594 г.	Реформы Солона в Афинах.

560–527 гг. (с перерывами)	Тирания Писистрага в Афинах.
510 г.	Изгнание Гиппия из Афин.
509–500 гг.	Реформы Клисфена в Афинах.
500–449 гг.	Греко-персидские войны.
490 г.	Битва при Марафоне.
480 г.	Битва при Саламине.
479 г.	Битвы при Платеях и при Микале.
478–477 гг.	Организация Афинского морского союза.
462 г.	Реформы Эфиальта в Афинах.
446–429 гг.	Правление Перикла в Афинах.
431–404 гг.	Пелопоннесская война.
411 г.	Олигархический переворот в Афинах.
406–367 гг.	Тирания Дионисия Старшего в Сиракузах.
404–403 гг.	Тирания тридцати в Афинах.
401–400 гг.	Отступление 10 000 греков.
379 г.	Демократический переворот в Фивах.
338 г.	Битва при Херонее. Победа македонского царя Филиппа над коалицией греческих городов.
336–323 гг.	Правление Александра Македонского.
333 г.	Битва при Иссе.
327–325 гг.	Поход Александра Македонского на Индию.
168 г.	Битва при Пидне. Превращение Македонии в римскую провинцию.
146 г.	Разрушение Коринфа. Завоевание Греции Римом.

Древний Рим

754–753 гг. до н. э.	Традиционная дата основания города Рима.
VIII– VI вв.	Царский период римской истории.
510г.	Изгнание из Рима царя Тарквиния Гордого.
264–241 гг.	Первая Пуническая война.
218–201 гг.	Вторая Пуническая война.
216г.	Битва при Каннах.
202г.	Битва при Заме.
149–146 гг.	Третья Пуническая война.
133г.	Трибунат Тиберия Гракха.
138–132 гг.	Восстание рабов в Сицилии.
123–122 гг.	Реформы Гая Гракха.
107–104 гг.	Военно-политические реформы Мария.
102 или 100–44 гг.	Гай Юлий Цезарь.
82–79 гг.	Диктатура Суллы.
74–71 гг.	Восстание рабов под предводительством Спартака.
63–62 гг.	Заговор Каталины.
58–50 гг.	Война Юлия Цезаря в Галлии.

49–45 гг.	Гражданская война между Юлием Цезарем и его противниками.
48г.	Битва при Фарсале. Гибель Гнея Помпея.
42г.	Битва при Филиппах.
30г.	Захват Октавианом Александрии. Гибель Марка Антония и Клеопатры. Установление Империи в Риме.
30 г. до н. э. – 14 г. н. э.	Единоличное правление Октавиана Августа.
9г.	Битва в Тевтобургском лесу.
54–68 гг.	Принципат Нерона.
64г.	Пожар Рима.
70г.	Взятие и разрушение Иерусалима римскими войсками.
79г.	Извержение Везувия. Гибель городов Геркуланума и Помпеи.
98– 117гг.	Правление императора Траяна.
284–305 гг.	Правление императора Диоклетиана.
306–337 гг.	Правление императора Константина.
313 г.	Миланский эдикт о веротерпимости.
325 г.	Никейский собор. Превращение христианства в государственную религию.
330 г.	Провозглашение столицей Империи Константинополя.
379–395 гг.	Правление Феодосия I.
395 г.	Разделение империи на Западную и Восточную.
410 г.	Взятие и разгром Рима готами.
455 г.	Разгром Рима вандалами.
476 г.	Низложение Ромула Августа. Традиционная дата падения Римской империи.

СОДЕРЖАНИЕ

Р.Ю. ВИШЕР
ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

I. СТАРИННАЯ ЕВРОПА.....	8
II. ВОСТОК ОТ 3000 ДО 600 Г. ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.....	17
III. ГРЕЧЕСКАЯ СТАРИНА 1000 – 700 ГГ. ДО Р. Х.....	45
IV. ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА И ПЕРСИДСКАЯ ДЕРЖАВА 700 – 480 ГГ. ДО Р. Х.....	53
V. АФИНЫ. 480 – 400 ГГ. ДО Р. Х.....	62
VI. ГРЕКИ НА ВОСТОКЕ. 400 – 100 ГГ. ДО Р. Х.	82
VII. ИТАЛИЯ И РИМ. 500 – 270 ГГ. ДО Р. Х.....	89

VIII. РИМ В НАЧАЛЕ БОЛЬШИХ ЗАВОЕВАНИЙ.	95
IX. КОНЕЦ РЕСПУБЛИКИ В РИМЕ.	107
X. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ.	117
XI. ИМПЕРИЯ И ВАРВАРЫ. ХРИСТИАНСТВО. 200–400 ГГ. ПО Р. Х.	133
XII. ВАРВАРЫ НА ЗАПАДЕ. 400 – 700 ГГ. ПО Р. Х.	143
<i>ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА</i>	150